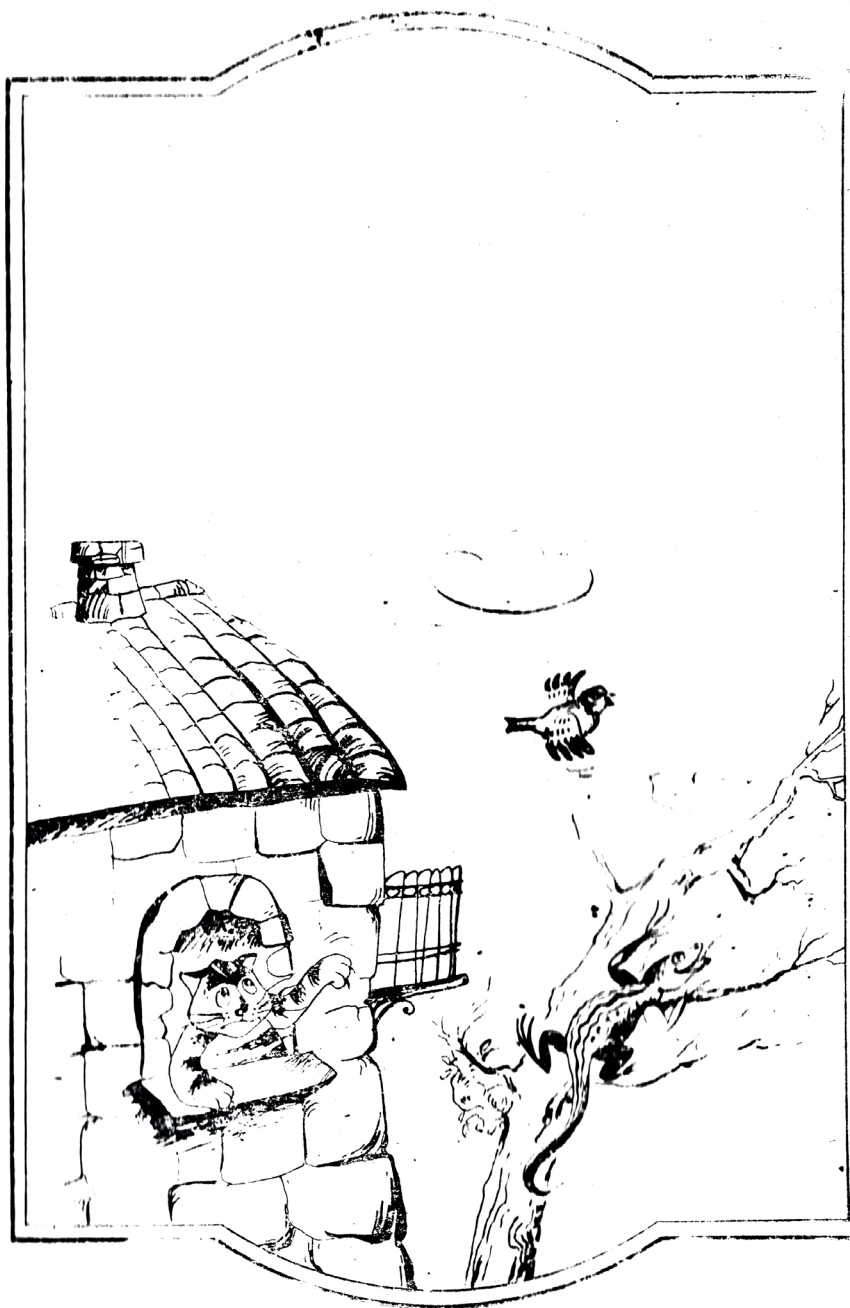

А. АЛЛАНАЗАРОВ

художник В. В. Петренко

Собака,
которая
летала
однажды

Собака которая летала однажды

Перевод Владимира Коркина

Я не буду говорить о книжке, которую вам предстоит прочесть и которая, уверен, вам понравится, потому что это увлекательная приключенческая история о простодушном, благородном и бесстрашном герое (щенке по имени Мёнгёз), что одержим жаждой полета. Стоит подняться в небеса - и жизнь, кажущаяся обычной, сказочно преобразается. И, главное, хочется петь. Не об этом ли мечтаешь и ты, читатель? И еще: летая во сне, человек растёт. Книжка Агагельды Алланазарова «Собака, которая летала однажды» поможет тебе расти наяву.

Но вот что самое важное я хочу сказать тебе: попроси своих родителей тоже прочесть эту повесть. Увидишь или, вернее, догадаешься, как они станут немножко другими, если в мыслях полетают, как Мёнгёз, - переживут забытое, может быть, детство. Взрослому, поверь, необходимо иногда почувствовать себя ребёнком, как ребёнку - взрослым.

Хочу надеяться, что эта книга - перекресток, где взрослый и ребёнок могут встретиться. И улыбнувшись, лучше понять друг друга.

Чингиз Айтматов

Часть первая

Стоило сверкнуть молнии - всё вокруг залило ослепительным светом. Щенок вмиг крепко-крепко зажмурился. Когда же осторожно, щёлочкой, приоткрыл глаза, уже была непроглядная тьма. Но что-то подсказало, ухо надо держать востро, вот-вот сызнава полыхнёт. Так что зря паяльность не стоит.

Щенок не знал, что всего час назад его не было на свете, что он только родился. Может, удивился бы, задумался: где же он был, когда его не было, но внимание отвлекли какая-то возня и поскуливание рядом. Приглядевшись, различил себя. Даже не одного, целых трёх, - словно в зеркале. Тут и соображать и сомневаться было нечего: родственнички! Чутье-то на что.

Щенята тоже, конечно, не догадывались, что еще совсем недавно их не было. Но теперь-то они есть! А это - главное.

Месяц или около того не слишком дружная четверка - трое братцев и сестрица - жадно, наперегонки сосали свою мать. делили её между собой как умели.

Материнское молоко!

Есть ли что слаще тебя на свете? Будет ли? Кто

же думает о том, пока не станет взрослым!

Щенята тем более не могли думать, а сосали да посасывали вдоволь. И блаженство вдруг наступило само собой: животики надувались, внутри начинало приятно урчать, тут же и в сон тянуло.

А детский сон - диво: тоже сладок. Подремывай себе без задних лап да расти большой. Щенята так и поступали.

Ах, какое еще ждало их наслаждение, когда, потягиваясь и позёвывая, они просыпались! Миг - и начиналось игрище: щенята кувыркались, гонялись взапуски, устраивали кучу-малу, покусывали друг дружку. Ясно, понарошку.

Лакма, так звали их мать, всегда была поблизости: и кош* караулила и за своими детьми присматривала. Понятно, делать два дела сразу - разрываться на части. Но такова уж собачья жизнь.

Время между тем не стояло на месте. И вот в заботах и забавах промелькнул и второй месяц.

Однажды с утра пораньше Дурды ага, помощник главного чабана, собрался в аул. Собравшись, вдруг вспомнил, что обещал

* Кош - загон для скота.

когда-то сыну и племяннику: «Весной привезу вам по щенку». Слово - не воробей.

Сказал - исполни: он сунул двух подвернувшихся под руку щенят в хорджун*, сел на лошадь да и был таков. Что могла сделать бедная Лакма? Рвись не рвись, хоть охрипни от яростного лая, - верёвка намертво удерживала на привязи. Пыталась перегрызть ее, рвала, трепала отчаянно - тоже напрасные старания. Дурды ага все предусмотрел наперед: не привяжи он Лакму, она ни за что не дала бы украсть щенят, не посмотрела бы, кто перед ней, - человек или волк. Или даже самое страшное чудовище, что и вообразить невозможно. А так, захлебывайся бешеным лаем - но Дурды ага ни холодно, ни жарко. Даже он и не оглянулся ни разу.

Неизвестно как, но все-таки после невероятных мучений Лакме удалось освободиться от проклятой веревки. Тут же она пустилась по следу. «Найду!». Увы, не всем надеждам суждено сбываться. К вечеру Лакма возвратилась ни с чем и всю ночь тихонько поскуливала - плач собачий.

* Хорджун - переметная сума.

Безутешна тоска материнская.

А вот Мёнгёз* со своей сестрицей ничуть не горевали за своих братьев.

Может кто-то подумает: «Какие бессердечные!». Но это не так.

Просто они еще очень мало жили на свете. И всё, что происходило вокруг, казалось им смутным летучим сном. То ли было, то ли не было. То ли правда, то ли понарошку. И откуда им было знать, что нет в жизни ничего хуже, чем насильная разлука? Время ещё не пришло. Им стало даже лучше: молока вволю - пей, только не захлебнись. То же и с материнской лаской - двоим досталось столько, сколько хватало на четверых. Выходит, в два раза больше, потому и подрастали они в два раза быстрее. Вскоре случилось то, что словами не выразить. Однажды утром Мёнгёз, проснувшись, очень удивился: оказалось, что кого он считал теньями, - Дурды ага, овцы, осёл и верблюд - тоже живые существа, как и он.

Вот это открытие! Ничуть не менее потрясающее, чем то, когда он с шустрой

* Менгёз - добродушный, любознательный, доверчивый. Одним словом: простофиля или лопух. Кому как нравится.

сестрёнкой неожиданно открыли новую землю - чудесный мир, который с тех пор они по праву считали своим. Правда, весь этот мир уместался между двумя холмами. А что там, за холмами, - они не думали даже. Хотя бы и ничего не было - так хорошо было дома!

Конечно, увидь хоть одним глазком с вершины холма, какой неведомый простор раскинулся там разноцветным ковром, и не было ему ни конца, ни края, наверняка решил бы по-другому: весенняя цветущая пустыня поманила бы. Удержи тогда попробуй! Забудешь в тот же миг и дом, и родную мать - лишь бы утолить жажду приключений.

Мудрая Лакма, конечно, знала про это: когда-то тоже была щенком и, что называется, сорвиголова. Теперь же не могла наглядеться на своих первенцев и не отпускала их от себя ни на полшажочка.

Особенно много тревог и хлопот доставлял ей Мёнгёз: можно ли быть таким доверчивым в наше время? И в кого только такой растяпа?

Ничего-то в мире плохого нет, все-то у него хорошие да добрые - глупость несусветная! Разве можно всех и всё мерить по себе?

Сильно переживала Лакма за своего

лопоухого сыночка. Много повидала всякого, много горя хлебнула за свою жизнь. Ей ли не знать, чем может обернуться беспечность, - смертельных схваток с кровожадными волками не миновать. Материнское сердце замирало от невыносимой жалости.

Почему Мёнгёз не такой как его сестра? В ней только и находила себе утешение Лакма. Ну что за умница! Удивительно, как быстро научилась различать по запаху овечку от барашка, верблюда от осла.

Схватывала прямо слету, не то что Мёнгёз.

С ним мука мученическая. Всякий урок ему не впрок. Вроде и не ленив, но вдруг ни с того, ни с сего замрёт, уставится взглядом куда-то в пустоту и ждёт чего-то. А чего? Спроси - и сам не знает.

Пока мечтает, говори не говори - слова мимо ушей. А ведь Лакма не уставала твердить самое-самое важное, что положено твёрдо знать собакам: «Будьте, дети мои, осторожны, будьте бдительны! Враг всегда рядом! Чуть зазеваешься - не миновать беды!».

Честно сказать, и дочь - умница-разумница, не слишком серьёзно внимала внушениям

матери. Какой еще враг? Откуда ему взяться? Оно и понятно: не видели «врага» воотчию, все их любили, они отвечали тем же - вот и не понимали, чего их мать так волнуется. Вообще не верили её словам.

Может, и не поверили бы никогда - не случись несчастья. А беда ждать себя не заставила. Она грянула нежданно-негаданно. Вернее, так-то - для беспечных щенят. Лакма-то всегда начеку. Она почуяла и всегда опасалась: что-нибудь обязательно произойдёт. Только не знала, что.

В тот день, когда Мёнгёз продрал глаза, то-есть проснулся, первое, что увидел в щель конуры, - ослепительно оранжевое колесо. Оно не спеша, торжественно катилось по небу. Подумаешь, ничего особенного: во-первых, никакое это не колесо - солнце; а во-вторых, и вчера оно двигалось точно также. Кажется, вчера это было удивительное зрелище.

Впрочем, он не помнил.

Тоненький пронзительный посвист, просверлив воздух, коснулся его слуха.

- Фью, фью!..

«Наверное, этот несносный свистун разбудил меня, не дал досмотреть сон», - позевывая и

потягиваясь до хруста, огорчился Мёнгёз.

Кого, интересно, назвал он «несносным свистуном»?

Да вот он! Живущий на солнечной стороне бархана важный суслик с рыженькими смешными прутиками*. В эту минуту он горделиво стоял на песчаном холмике. Еще бы не горделиво: холмик - творение его проворных лапок. Стоя, с хозяйским видом обозревал окрестность и, зная себе, насвистывал.

- Фью, фью!..

Конечно, любоваться нахалом не было охоты.
- Мёнгёз сначала высунул нос, потом и весь выбрался наружу.

- Бр-р-р! - Обожгло, словно выскочил из ледяной проруби. Дрожа и клацая зубами, вернулся восвояси.

Выходит, солнцу верить можно не всегда. Обмануло!

Однако, оно было ни при чем. Кто же виноват? Ветер. Сегодня он дул с Гарлыдага**. А вершина

* Прутики - усы суслика. Такими они казались Мёнгёзу.

** Гырлыдаг - снежная гора.

его в самый жаркий день в белоснежной папахе.

Промерзший насквозь Мёнгёз вернулся в конуру и мигом устроился под бок матери, свернулся калачиком - тепло. Истома начала овладевать всем его существом.

Ну что произошло-то? Ерунда! Подумаешь, дел, вышел да вошёл. Так-то оно так, если бы не сестренка: каждый шаг брата берёт на заметку. Вот и теперь уследила, что ушёл без спроса и, не озябни, вернулся бы не скоро. Чем не причина понасмешничать?

- Почему так быстро возвратился? Надо было погулять!

- Хо-холо-о-одно-о...

- Разве мамочка тебе не говорила?

- Я не слышал.

- Еще бы! Наверное, мух в это время ловил? А может, ты глухой и ничего не слышишь?

Известно, чего стоит такое сочувствие. Да если бы только это! Не только... Мёнгёз крепко обиделся бы, догадайся, что хитрая сестрёнка преследовала коварную цель: услышит мать ее слова и строго отругает братишку. Ее же похвалит: какая она послушная! Ничего такого простодушный Мёнгёз и подумать не мог.

Умолкнув, щенята тесно прижались с разных сторон к матери.

Тепло, шедшее от Лакмы, точно она была вечно негаснувший очаг, скоро разморило их, и они задремали. Когда во второй раз, уже вместе с сестричкой, Мёнгёз вышел из конуры, утренний пронизывающий ветер утих. Земля согрелась. Солнце по невидимым ступеням небесной лестницы поднялось высоко-высоко и теперь стояло неподвижно в зените. Из овчарни слышалось блеяние ягнят.

Благодать! Денёк выдался на славу и обещал множество удовольствий.

И еще радость! Ее ни с чем не сравнить: сегодня в коше остался главный чабан, дядя Мурад. Даже от одного его взгляда сердце Мёнгёза начинало трепыхаться пойманной бабочкой - столько в нём было нежности. Становилось немножко не по себе: за что? И еще стыднее, что знал заранее и не мог, как ни старался, чтобы не облизнуться: если дядя Мурад будет свежевать барана, то ему и сестрёнке обязательно перепадёт лакомый кусочек. Щенок невольно облизнулся.

А никакого секрета, почему главный

чабан любил смотреть на щенят, и не было: их неуклюжая походка, их игры напоминали старому Мураду ага малых внучат. Они жили в ауле. Кто же не тоскует по тем, кто дороже всего на свете?

Лакма, между тем, засунув морду в казан с отколотым ушком, наслаждалась похлебкой. Звала и детей - ноль внимания. Даже и дочь на этот раз не повела ухом.

Ничего, проголодаются - примчатся вперегонки. Как миленькие.

Так и вышло: прикослапили и тут же, отталкивая мать, принялись тыкаться носами в казан.

Вот чудаки! Мать ли не отдаст своим детям последнее?

Урча и захлебываясь, щенята позабыли обо всем на свете и ничего, конечно, не слышали в первую минуту, кроме треска за собственными ушами.

В следующую же минуту...

А виноват был слух Мёнгёза - если помните, такой тонкий, что он мог различить самый тихий шорох. Не услышь он сейчас необычный, странный звук - несчастье бы не случилось.

Звук, и верно, был более, чем странный. Суслик свистел изо всех сил, пронзительно и непрерывно - тревога!

Это поняли все суслики. Миг - и все они как один нырнули в свои норки.

Мёнгёз тоже понял бы, будь он даже самым беспечным из сусликов. Но он же родился собакой.

- Фью, фью!..

Знакомый суслик - наверняка сегодня он был часовым - просигналил еще раз: вдруг кто-нибудь зазевался? И последним, как капитан тонущего корабля, покинул свой пост - скрылся под землей.

- Фью...

Что бы всё это значило? Любопытство, как всегда, взяло верх, и Мёнгёз, оставив сестрицу одну выскрёбывать и долизывать казан, вперевалку потрусил выяснять, что случилось.

Куда делись суслики? Они не стояли как обычно столбиками на барханах. Степь, куда ни кинь взор, опустела. Даже его слух не мог уловить ни звука.

Тогда он зачем-то взглянул на небо. Там кружила какая-то одинокая птица.

Неинтересно! Какое ему дело до всяких летающих?

Действительно, ему - никакого, зато птице, а это был огромный стервятник, до него дельце было. И, как увидим дальше, очень и очень недоброе.

Мёнгёз так толком ничего и не выяснив, поплёлся обратно.

Никакой опасности не чуял - сердце подсказало бы. Даже ни разу не ёкнуло.

А опасность висела прямо над его головой.

Надо быть таким простаком из простаков, как Мёнгёз, чтобы ничуть не насторожиться и теперь, когда тень стервятника накрыла его.

- Фью, фью!.. - не удержался знакомый суслик, на миг отважно высунувшийся из норки. Он всё видел. Не спасти уже щенка даже любой ценой. Только не это!

Но щенок на этот раз не понял предупреждения: он был слишком печален, весь ушёл в свои мысли о пропавшем суслике.

И вдруг...

- Э-эй, ты куда? - Земля, что ли, затеяла с ним дурацкие шуточки - вдруг выскользнула из-под ног. Бегать и даже плестись по воздуху бесполезно

- этому он не учён.

Шумно махая крыльями, стервятник набирал высоту. Он уносил ничего не понимающего щенка в небо.

Несчастливая Лакма!

Какое перо в силах описать горе и отчаяние матери, когда на её глазах крадут родное дитя? Бросившись сломя голову на выручку, она пружиной взвилась вверх. И... почти достала. Не хватило самой малости.

Схвати она сыночка за лапу - вырвала бы его у вора.

В это же время Мурад ага, ничего не подозревая, месил тесто для чурека*, а заодно подкармливал огонь в очаге - подбрасывал то сухие ветки, изредка баловал поленцем. Услышав захлебывающийся лай Лакмы, оглянулся. На мгновение остолбенел. Потом... Можно было и не бежать в кибитку за ружьем: гнусный, поганый похититель был уже недосыгаем для пули. Всё же он выстрелил. Зачем? - На этот вопрос не ответил бы и он сам.

Если бы случилось чудо и у Лакмы выросли крылья! Пусть лишь на время, - чтобы догнать

* Чурек - лепешка.

разбойника...

Э-э, чудеса происходят только в сказках. Лакма мчалась с холма на холм, стараясь не отстать и не упустить из виду бедного сынка.

Но стервятник летел куда быстрее. Лакме мешали рытвины и бугорки. Они замедляли бег. Злодею же само небо помогало.

Воздушные потоки подхватывали его всё выше и выше. Наконец он превратился в небольшую точку. А потом и точка растаяла в сверкающей дали.

Тоскливый вой долго-долго раздавался с вершины какого-то холма.

У тех, кто слышал его, сердце обливалось кровью. То Лакма жаловалась на судьбу, прощаясь навеки с сыном. А что ей еще оставалось?..

Мог ли, даже в самые-самые счастливые минуты, Мёнгёз мечтать о таком неслыханном чуде?

Ур-р-ра!

Он летит! Летит. Летит...

Теперь в этом не было ни малейшего сомнения. Земля была далеко-далеко внизу. Плавно кружились зеркальца озер, переливающиеся разноцветной радугой поля.

Горки и холмики, похожие на верблюжат, резво бежали друг за дружкой...

Ой, сколько же их! Только пожелай, всем и каждому достанется по верблюжонку.

Мёнгёз было выбрал себе одного и даже мысленно посидел на нём. Но через миг того уже и след простыл.

А в следующий момент глаза зажмурились сами. Ужас! Навстречу летел невиданный полосатый зверь.

Да это же Гарлыдаг!

«Вах!» - Не удержался. Но вряд ли и кто-нибудь другой мог сдержать восхищение. Чего значил один тёплый небесный ветерок!

Никто ещё так приятно не гладил ему мордочку.

Стоп! Почему Мёнгёз ни разу не вспомнил о сестрёнке, о матери? Вернее, пожалуй, наоборот. Называть остальных - даром тратить слова. Ну, разве что назову суслика.

Не станем возмущаться, упрекать его в чёрствости, в бессердечии и еще бог знает в чём. Это уже зависит от того, кто сколько знает

упрекательных слов. Остановимся и лучше покумекаем: разве сами мы не такие? Когда нам очень хорошо, тоже забываем обо всём и обо всех.

«Вах!..»

Любоваться и любоваться* бы без конца, услаждая глаза и душу, но Мёнгёз почувствовал боль в боках. Наверное, слегка побаливало и раньше, но он не обращал внимания. Теперь же стало невтерпёж.

- Ой-ой-ой! - пожаловался Мёнгёз тому, кто нёс его под облаками.

- Что случилось? - ехидно проскрипел стервятник. Такой уж у него был голос.

- Жмёшь очень сильно, - заверещал щенок.

- Ох, дурачок!

- А мама называла меня «глупыш».

- Это одно и то же.

- Не лги! Мама так не говорила. Ой, только сильно не жми!

- А что ты сделаешь, если сожму?

- Не знаю...

* Любоваться - не совсем подходящее слово, лучше бы "созерцать". Но Мёнгёз такого слова не слыхивал.

- Дурачок ты, дурачок.

- А, вспомнил. Рассержусь!

- Ах, рассердишься! Ну и что, если ты рассердишься? - Голос стервятника стал еще ехиднее и скрипучее. И он еще сильнее сдвинул щенка.

- Ой-ой-ой... - Завизжал Мёнгёз. Попробовал бы кто не взвизгнуть.

Вот тут он и вспомнил мать. Но... она осталась далеко внизу - на земле. И подмоги ожидать было неоткуда.

Правда, кое-кто посочувствовал щенку, пожалел его. Толку, понятно, мало. Но все-таки...

«Кое-кто» - шакалиха. Как раз в это время она вывела на прогулку своих детёнышей. В небо взглянула не случайно: опасность, которую она почуяла безошибочно, таилась именно там, наверху. Тогда и увидела щенка в когтях стервятника. Поняла все сразу. Разве могло не дрогнуть материнское сердце? Не первый день жила она на свете и знала, чем кончаются такие путешествия.

Шакалята, которые по первому приказу матери попрятались в хворост, не сводили восхищённых глаз со щенка. О, как они

завидовали ему!

- Ах, вот бы и мне так полетать!

Мечты, мечты.

Не выдержав, вздохнул один.

- Умолкни, негодник! Чтоб корова наступила тебе на язык! -

Облаяв сына, мать решила, что этого мало, и с силой ударила грудью в бок. Отчего тот покатился кубарем. Так шакалы наказывают непослушных детей. И поделом.

Откуда было им знать, как сильно стиснул щенка стервятник.

Чем дальше летели, тем больше ныл левый бок Мёнгёза.

- Эй, болит! Эй, не жми так сильно! - взмолился он.

- Дурачок ты, дурачок! - проскрипел стервятник.

- Я же сказал, что мама называла меня «глупыш».

- Это одно и то же.

- Пусты, обругаю.

- Попробуй! - стервятник был непрочь развлечься.

- Чтобы твои глаза наполнились дымом! Вот!

Скрипучий хохот раздался в ответ.

- Ха-ха-ха! Это собачьи глаза не выносят дыма, дурачок. Я не собака.

- Тогда, тогда... Чтобы в твоих крыльях черви завелись!

- Э-эй, не задевай мои крылья!

- Тогда отпусти меня!

- Сейчас я тебя отпущу-у!

Скрип сменился скрежетом. У Мёнгёза, не подозревавшего, что попал в самую точку, даже мороз побежал по всему телу.

Нельзя было оскорбить стервятника сильнее, чем это сделал Мёнгёз.

Конечно, получилось случайно. Но тем более. Обругать его крылья? Да может ли знать несчастный щенок им цену! Крыльями стервятник гордился особо. За то и уважал себя необыкновенно. Обида была так велика, что когти сами сжались изо всей мочи. Мёнгёз едва-едва не задохнулся.

- Ой-ой-ой... - Щенок задергался, затрепыхался, ловя разинутой пастью воздух. Всё без толку. Что делать? И он впился остренькими зубами в одну из грязных лап стервятника.

Сразу дышать стало по свободнее: хватка

ослабла. «Какой он добрый, пожалел!». Конечно, так думал благодарный Мёнгёз, машинально стискивая челюсти.

- Ах, ослабь же, душа разрывается на части...

- Вместо скрежета прозвучал жалобный стон.

Мёнгёза не надо было просить дважды: мгновенно выпустил закушенную ногу и поднял вверх смущённую мордочку. Хотел попросить извинения, но почему-то не решился.

- Ох, я горемычный!.. Ох, моя нога!.. - Какие же тяжёлые, оказывается, у стервятника слёзы. От капли, упавшей прямо на нос, щенок вздрогнул... - Т-ты... Т-ты, негодяй, про-о-кусил ее, бедную, до кости...

Мёнгёзу стало стыдно как никогда.

- К-как? - вымолвил он еле слышно и заикаясь.

- Он еще спрашивает, как? Так! - Стервятник хотел возмутиться, но нестерпимая боль пронзила его насквозь. Тут уж ни до чего.

Давно уже он сбился со счёта, сколько за свою жизнь унес ягнят.

Однажды с земли даже поднял годовалого барашка. Правда, пришлось тот раз здорово

поднатужиться. Но, как говорится, своя ноша не тянет.

В его лапы не раз попадались щенки, шакалята и остроносенькие лисята. Такого же противного существа, как Мёнгёз, он еще не встречал. И от других стервятников, своих сотоварищей, слыхом не слыхивал. Все, кого он уносил в небо, сначала блеяли или скулили, моля о пощаде, но скоро, потеряв надежду на спасение, немели от страха. Как честный стервятник он не обнадёживал зря: мол, полетаем немного и гуляй себе с миром. Ему тоже надо что-то кушать. Зачем было попадаться? Этими мыслями тоже он гордился. Ясно, не так сильно, как крыльями.

Кажется, мы отвлеклись от главного - что делал благородный разбойник с жертвой^{*}, когда та теряла от страха волю, а ее кровь, по мудрой пословице, превращалась в воду? Это зависело от его желания: если терзался голодом, выбрав местечко поудобнее, где камни побольше и поострее, бросал добычу с высоты

^{*} Жертва - уважающий себя стервятник презирал это слово. Добыча другое дело. Также ему не нравилось слово "вор". Куда лучше, благозвучнее - "разбойник".

вниз тормашками* и клевал в одиночку; когда же бывал сыт, устраивал славную пирушку для родственников.

Так было всегда. Испокон веков. На этот раз вышло совсем не по правилам. Точнее сказать, вопреки закону. Ведь глупый щенок давным-давно должен был умереть, очутившись в небе! Почему же этого не случилось, как установлено священной природой? Понять этого стервятник, даже такой умный, не мог. Такое было выше его разума.

Что ж, придётся нам объяснить. Дело, как думается, вот в чем: хорошо, что Мёнгёз не успел испугаться в самый первый момент, когда, если помните, его лапы оторвались от земли и он подумал, что она захотела с ним пошутить. Это земля-то? Пошутить? Попробуйте найти второго, кто способен сморозить подобное, - ясно: дурачок! Нет. Скажем не так обидно: наивный лапушок. Им же, как всем известно, всегда везёт. На сей раз даже спасло от неминуемой гибели. Из сказанного, если согласны с нами, -

* Вниз тормашками - обычно говорят: вверх тормашками. Но тогда и подбрасывают вверх. Стервятник же делал наоборот.

вывод: глупость, если, конечно, небеспросветная, - не всегда плохо. Бывает от нее и польза.

Покалеченный стервятник, истекая желчью от ненависти, лелеял, меж тем, гнусную мысль: «Как бы отделаться от этого проклятого щенка?».

Отделаться - разжать лапы. Чего проще? Однако сейчас это оказалось самым трудным делом. Даже невозможным: когти не хотели разжиматься. Наверное, щенок ухитрился прокусить ногу в таком месте, что зря было и пытаться.

Стиснув от боли клюв, стервятник уже и не вспомнил, как мечтал бросить с высоты щенка, чтобы тот разбился; как предвкушал, что, вернувшись, с роднѣй вволю полакомятся свежатиной.

- О-о-ох... - лететь совсем не вмоготу.

- Эй, снижаемся же! - встревожился не на шутку Мѣнгѣз.

- О-ох!... - глухо прохрипел вместо ответа стервятник.

- Я хочу лететь!

- О-ох... Только капризов этого несносного существа и не хватало измученному стервятнику.

- О-о-ох... - На большее не было сил.

- Что ты говоришь?

«О Боже! Замолкнет ли, наконец, этот балбес, поймавший меня в капкан?». Позорное унижение, какого он не испытывал ни разу в жизни, какое хотел скрыть от щенка, заставило стервятника отвечать.

- Хорошего помаленьку!

- Ах, полетать бы еще!

- Ох!...Ох!... - оба охнули одновременно. Грохнутья оземь - и как не охнуть? Кто бы ни утверждал подобное, считайте с чистой совестью: бессовестный враль!

Очумело тряся головой, Мёнгёз обнаружил себя вполне целёхоньким. Кто считает кое-какие ушибы и ссадины? Все бы преотлично, но он был один. Где же добрая, огромная птица, поднявшая его в небеса, чтобы и он мог испытать ни с чем не сравнимое счастье полёта? Огляделся по сторонам: да вон же она!

Почему-то в первое мгновение не узнал. Пришлось потрясти головой. Наверное, не очень похожей на себя она стала из-за того, что сидела, закрыв глаза. Уж не заснула ли? Мёнгёз хотел приблизиться, да бока напомнили: быть поосторожнее - никогда не вредно.

И все-таки, стервятник спит или просто так

прикрыл глаза?...

- Теперь прибыли? - Вежливее не мог бы спросить самый воспитанный из щенков.

Стервятник злобно прошипел, вовсе и не собираясь открывать глаз:

- Уб-бирайся прочь!

- Почему ты сердисься? - изумлению Мёнгёза не было предела.

Он совсем не хотел обидеть большую птицу. Наоборот, был ей благодарен, что, не задумываясь, исполнил бы любое ее желание. Так-то оно так. Однако лучше сейчас не приставать к стервятнику и не раздражать его - подсказал щенку его ноющий бок. Может, именно этого она и желала? Ну что же, пожалуйста! - сказал сам себе Мёнгёз и понуро заковылял куда глаза глядят. Может, и всхлипнул разок - другой.

Может... Кто ведает?

- Фью, фью!..

Милый суслик! Это его знакомый родной голос.

Сердце Мёнгёза обмерло, дух захватило. Настоящая радость - она всегда неожиданна. Сейчас он увидит маму и сестрёнку! Как долго он не вспоминал их? Дорогой суслик вернул память.

За это первым делом нужно сказать ему «спасибо». Мёнгёз, присев по-собачьи на корточки, завертел головой: где же суслик-то?

- Фью, фью!..

Уф, наконец, увидел. Тот по-прежнему стоял на часах на вершине холма и, впрочем, тёр передними лапами свою мордочку, что не мешало ему посвистывать. Правда, кое-что смутило Мёнгёза: форсит он, что ли?

Этот суслик, которого щенок принял за старинного приятеля, был вовсе ему не знаком. И в самом деле важничал. Он снисходительно смотрел на солнце в упор и раздувался от гордыни: «Солнце каждый день восходит, чтобы удивляться, какую замечательную нору я вырыл своими руками!». «Пусть, не жалко», - разрешил солнцу удивляться и дальше.

Нравилось солнцу или нет такое несусветное бахвальство сказать не беремся. Что же касается Мёнгёза, он не мог натешить свой взор видом любезного соседюшки. Тот изменился немного, видно, повзрослел за то время, пока они не виделись. Может, и его, Мёнгёза, не всякий признает с первого взгляда. Ведь он теперь - не просто щенок. Он - собака, которая летала.

- Фью, фью!..

Щенок, затаивший дыхание - не напугать бы друга! - решил, что суслик заметил его и приглашает потолковать о том, о сём.

О, как жестоко он ошибался! Заметив мчащегося к нему Мёнгёза, суслик, забыв свое высокомерие, юркнул в нору.

Долго щенок сидел у норы, казнясь, что перепугал суслика и надеясь, когда тот отойдет от страха и высунется наружу, попросит у него прощения, а потом спросит про маму и сестричку.

Наверное, суслик смертельно обиделся. Мёнгёз понял: сиди всю жизнь, - не выглянет. И думая про себя, какой же он невезучий, щенок потащился, сам не зная куда.

Так и плелся бы до тёмной ночи - как вдруг...

- Прости меня, суслик! - Теперь Мёнгёз был виноват перед ним дважды: за то, что смертельно напугал и за то, что плохо о нём подумал.

Конечно, ему встретился совсем другой суслик, но Мёнгёзу все они казались на одну мордочку; и любой суслик для него был тот самый, кого он считал другом детства. Разве это плохо? И совсем это не глупо. Но неужели Мёнгёз опять что-то

делал не так? Чем суслик недоволен?

- Что у вас, собак, принято бесцеремонно вмешиваться в разговор двух беседующих сусликов?

- Не знаю... Я хотел только спросить... Только теперь Мёнгёз заметил второго суслика. Видимо, он нарушил очень важную беседу. Но ведь нечаянно.

- Не притворяйся! Или думаешь, на просточка напал? Знаю я вас! И не надейся хитростью схватить меня.

Мёнгёз и не думал. Тем более не надеялся. Интересовало совсем другое.

- Ты не видел мою маму?

- Откуда я знаю твою маму?

- Ты же наш сосед.

- Слава Богу, миловал от таких соседей!

Не обидно ли слышать подобное? Увы, некоторые взрослые, а суслик годился Мёнгёзу в дедушки, уверены, что дети не понимают хороших слов, и позволяют себе насмешки, даже, как в этом случае, издёвку. Знали бы они как ошибаются!

Мёнгёз, конечно, почувствовал неприязнь суслика, но, проглотив обиду, не мог повернуться

и уйти, пока не узнает, где его мама. Вот почему он принялся усердно перечислять ее приметы.

- Я сын Лакмы, которая ходит, прихрамывая...

- Сказал, не знаю - значит, не знаю, - оборвал суслик, кисло скривившись.

Это была чистая правда. Однако невозможно поверить в то, во что верить не хочется. «Они знают, где моя мама, но почему-то скрывают это от меня», - подумал Мёнгёз.

Тут уж кто не рассердится? С громким лаем щенок бросился на сусликов.

Но недаром они говорили, что знают собачий нор, - в мгновение ока провалились сквозь землю. Мёнгёз схватил пастью пустое место.

Хотел было сплунуть - сплюнул, да уйти - повернувшись, сделал два-три шага... Но что-то его остановило. Точно наткнулся на невидимую стенку. «Стенка» - мысль: надо попросить получше - тогда скажут. Наверное, они так воспитывают своих, чтобы в другой раз был повежливей. Нечего дуться, если сам виноват. Он вернулся - и правильно сделал.

Все-таки старому суслику, с кем, в основном, разговаривал (второй больше помалкивал, кивал

головой), стало, похоже, жалко беспризорного бродяжку. Не исключено, себя тоже пожурили за, честно сказать, грубоватый тон.

Голос, раздавшийся из-под земли, был на сей раз куда помягче:

- Я же говорил, что вам, собакам, доверять нельзя!

Мёнгёз мог бы, конечно, возразить, но решил молчать, хотя для этого пришлось прикусить язык. Пусть суслик выговорится до конца, если ему так нравится воспитывать щенков. Может, он соскучился и рад случаю, что нашёлся недотепа, который сам не понимает, как нуждается в его мудром наставлении. «Говори, говори, послушаю».

Где мама, суслик не сказал. Зато сообщил другое. Тоже важное.

- Если ты голоден, в ложбине, - объяснил, как её найти, - лежит почти целый джейран. Его вчера вечером ел волк со своими волчатами. Думаю, тебе осталось там чем насытить брюхо. Торопись!

Пока Мёнгёз не думал о еде, живот вел себя тихо. А теперь вдруг заныл, заурчал. а все из-за суслика! Кто его просил напоминать, что давно

уже у щенка не было во рту и маковой росинки?

- Иди же, наше вонючее мясо все равно бы пришлось тебе не по вкусу, - прокричал вслед Мёнгёзу суслик, высунувшись наружу. Зачем он это сказал? Не потому ли, что от жалости готов был пожертвовать собой, - лишь бы бездомный щенок не страдал от голода? Неизвестно.

Сказал - и всё. А там, думай как хочешь.

Но думать Мёнгёзу было некогда.

Он уже почуял божественный запах. Сказать, что у него помутилось в голове, - ничего не сказать.

Такого восхитительного аромата Мёнгёз не слышал никогда в жизни. Да, правда, он до сих пор по-настоящему не знал, что такое голод. Тем более собачий. Когда он еще жил дома, забот о еде не возникало. Утром сосал мать, днём чашка исправно подкармливала, дядя чабан баловал частенько. Э-э, когда это было? Мёнгёзу казалось, это было очень давно.

Что же, если по-настоящему захочешь есть, и повзрослеешь.

Запах, который ветер доносил до него, дразнил все сильнее. Вот и джейран.

Если бы старый суслик теперь увидел Мёнгёза,

как тот рвал тушу, тогда бы мог с полным правом сказать кое-что о собачьей натуре. Может, даже сравнить с волчьей. Он зря погорячился: щенок и не собирался обидеть его, тем более, употребить на харч. А вообще-то собака есть собака. Это также верно, как суслик есть суслик, птица есть птица. И так далее. До бесконечности.

Насытившись, Мёнгёз долго лежал около туши. Отдувался. Глядел и не верил, что перед ним так много мяса - целая гора. Глазами и то не съешь. Лучше отвернуться, - что и сделал. Скоро случилось то, что бывает всегда, когда живот занят работой, - потянуло в сон. Так бы и поступил, но внутренний голос шепнул: «Здесь спать опасно!». Мёнгёз сразу послушался. Спорить и не подумал.

Что-то взблескивало вдали. Солнечные зайчики порхали в воздухе.

«Оказывается, и у суслика бывают правдивые слова». В этом Мёнгёз убедился, увидев перед собой озеро, о котором говорил старый зазнайка. Оно оказалось как нельзя кстати. Подумал, что сможет вылакать до дна, такая мучила жажда, выпил немало. Но озеро, конечно, этого и не заметило. А щенок ничуть не огорчился. Утолил

жажду - и спасибо! Пусть останется и для других.

Сон между тем брал свое. Зевота раздирала пасть до ушей. Бороться со сном было бесполезно и незачем. И в следующее мгновение сон свалил его с ног. Мёнгёз уже посапывал, похрапывал и улыбался, забыв и о маме, и о сестрёнке, и о своём небесном, путешествии, - короче, обо всём на свете. «Хр-р, хр-р...ур-р...». Сладко текли слюнки. Но они ничуть не мешали.

Помешало совсем другое. Что? Вопрос, конечно, законный. Только не «что», а «кто». И этим «кто» оказался овод. Утверждать, что он искал чью-нибудь мордочку, источающую умопомрачительный запах мяса, не собираемся. Другое дело, что так случилось. И само собой, спустя короткое время, пока спускался с высоты, овод уже сидел на носу Мёнгёза.

- Ж-ж-жы... ж-ж-жу-у...

Соню быстро разбужу!

Покой мирно спящего был нарушен.

- Кто это топает по моему носу? - проворчал, не открывая глаз. Овод и не подумал испугаться. Вот если бы лежебока сморщился и дернул носом, тогда бы он мигом взлетел.

«Убирался бы отсюда», - наконец, щенок приподнял голову и пару раз встряхнулся.

Овод, не будь ротозеем, тут же взлетел.

Но когда Мёнгёз снова решил задремать, назойливый мучитель опять оседлал его нос.

«Издевается, что ли?! Ну, это слишком!». Вскипевший от злости щенок вскочил и превратился в четыре ноги и два уха. Мы, кажется, забыли сказать, что до этого момента Мёнгёз лежал, свернувшись калачиком.

- Проснулся, дружище собака? - спросил тот, кого щенок, покачиваясь спросонья, с трудом различал как сквозь туман.

- Тебе какое дело, проснулся я или не проснулся? - обиженно проворчал Мёнгёз.

- Это мое дело! Тебе-то что?

- Ты разве не знаешь, что спать после полудня вредно?

- Ну и что, если знаю?

- Нет, ты, наверное, не знаешь. Если бы знал, то не спал бы.

- Хорошо, разбудил, теперь лети, куда летел!

- всё еще не желая просыпаться окончательно, пробурчал Мёнгёз как можно добрее.

Надеялся, как только овод уберётся с глаз

долгой, снова вздремнуть.

Не тут-то было. Овод наверняка прочитал его тайную мысль.

- Ж-ж-жу... Ж-ж-жу-у...

Соню быстро разбуджу!

Мёнгёз неожиданно прыгнул. Он схватил бы овода, не ожидай тот подвоха. Но много повидавший в жизни овод отлично знал, что за добро платят злом.

Разумеется, щенок промахнулся.

- Я же тебе сказал, что не дам спать? Сказал. Разбудил тебя?

Разбудил. Теперь, если и захочешь, раньше вечера не ляжешь. До свидания, я улетел! - радостно прожужжал овод, поднимаясь все выше и выше.

- Улетаешь, ну и убирайся, чтоб мои глаза тебя не видели. - Хотя Мёнгёз и ворчал, но злость, а вместе с нею и сон куда-то пропали.

Осталась обида. Но совсем не та, которая была, когда этот жужжалка, точно слон, топал по его носу. С непонятной до сих пор грустью щенок провожал овода глазами, пока тот не растаял в воздухе.

Овод улетел, и на душе стало совсем худо.

Значит, когда ругал его, было все-таки лучше? Выходит, так. Понятно, почему: оказывается, если долго не говорить, можно известись и так опечалиться, что жизнь станет не мила.

Конечно, будь на месте овода кто-нибудь другой, с кем можно бы повозиться, покувыркаться или затеять игру в догонялки, - куда лучше бы! Яснее ясного, кого щенок имел в виду, - сестрёнку. Впрочем, не возражал бы и против нового друга. Но откуда ему взяться среди этих, играющих в молчанку?

Уже начал было дуться на весь мир: на солнце, на снующих вокруг ос и бабочек, на шуршащих в траве неведомых насекомых, что могло бы вскорости перейти в злость, как... Нет, все-таки не прекратились еще на земле чудеса! Продолжаются! Итак, друг был в шаге от Мёнгёза... Кто бы не просиял от радости? Он и просиял.

- Меня зовут Мёнгёз. А тебя как, дружище?

«Дружище» почему-то не отвечал.

- Ты откуда взялся?

Хотя чёрненький щенок поводил мордочкой вверх-вниз и пошевеливал ушами, но словно воды в рот набрал.

Тогда Мёнгёз, вытянув шею, обнюхал пришельца. Радость сменилась удивлением.

- Ты вроде бы и собака, но почему от тебя не пахнет собакой?

Хотя чёрненький щенок, с которым он разговаривал безответно, - его тень, наверняка впал бы в такое глубокое уныние, из коего и не выберешься. Хорошо, что не догадывался. Какое - никакое, все-таки утешение. Немой друг - все лучше, чем никакого.

Самый лучший способ затеять игру - понарошку покусать шевелящиеся ушки приятеля. Тот, конечно, не захочет остаться в долгу.

Такая кутерьма начнется, что о-ё-ёй! Подумано - сделано. И Мёнгёз пустился во всю прыть догонять молчуна.

Да-а, догонишь такого! Ободравшись о кусты, несчетно раз растянувшись, набив при этом на лбу знатный фингал, вконец выдохся и прекратил погоню. Только остановился пыхтя, и неуловимый щенок замер, как вкопанный. Тоже, видать, устал: язык вывалился из пасти, еле переводил дух.

- Эй, друг, ты очень быстро убегаешь. Давай

лучше поборемся.

Знаешь как интересно? Если боишься быть побеждённым, не бойся: я побеждать не буду. - Никакие уговоры не действовали. Будь у Мёнгёза ангельское терпение, и то лопнуло бы. Но откуда оно у него? - Если ты сейчас по моему желанию не будешь играть со мной, то и я потом по твоему желанию не буду играть с тобой!

Ответа, само собой, ожидать было нечего. Сказать же напоследок кое-что осталось.

- Ухожу. А ты не иди со мной! Попробуй остаться один - узнаешь, хорошо ли тебе будет? - Конечно, это зарычала в Мёнгёзе слепая злость. Справиться с нею не мог. Куда идти? Повернулся и хмурый пошёл прямо на солнце.

Оглянись хоть раз - убедился бы, что черненький щенок и не подумал слушаться: шёл след в след, наступая на его пятки, развесив уши. Обернуться не позволяла оскорблённая гордость.

Стоит ли объяснять, почему щенок перебежал за спину Мёнгёза и не отставал, точно прилип? Ведь на самом деле он был тенью.

* * *

Пока солнце разгуливало по небу, взбиралось

в горку, потом не спеша спускалось, даже мысли о сне не возникало. Мёнгёз трусил целый день без передыху. И удивился, обнаружив, что воздух посвежел и не был уже прозрачным, как недавно, - сумерки окружали его со всех сторон. Пошатывало от усталости. Ресницы склеивались. Чтобы совсем не слепились, приходилось широко раскрывать глаза. Это стоило невероятного труда. А ведь нужно было ещё найти ночлег!

Где преклонить голову - ни одной двери, куда можно войти?

Наконец-то! Убежище не ахти какое - промоина под замшелым валуном. Все-таки не голое поле. Хоть ложе и жестковато малость, да в затишке и оно - милость. Покрутившись, Мёнгёз устроился повольготнее. И: «хр-р-р...» И: «ур-р-р...»

А дождь как будто нарочно дожидался, когда Мёнгёз задремлет: крупные тяжёлые капли упали на высунувшиеся из укрытия задние лапы. Подтянул их. Тепло стало. Ну а дождь? Мороси себе, баюкай.

До середины ночь шла спокойно. Все началось, едва наступил «час быка»*.

* «Час быка» - самый страшный час ночи.

«Тра-а-рах!». Первого, да и второго удара грома Мёнгёз почти не слышал: изрядно намотавшись за день и умаявшись до бесчувствия, храпел без сновидений.

«Тра-ра-а-рах!». Сноп искр брызнул в глазах. Наверное, пружинка, которая развернулась в Мёнгёзе и выбросила его в бушующую и грохочущую ночь. Вокруг выло, трещало, ухало. Небосвод рушился, разваливался на куски и разлетался во все стороны. Ливень гудел. А очумевший щенок, покачиваясь спросонья и лязгая зубами от холода, еле сдерживался, чтобы не взвыть.

Но самое страшное было впереди. Мёнгёз взглянул на небо. С грохотом табун мчался прямо не него. Вожаком был Гара ат*. Бешеные зрачки метали молнии. Стальные копыта с гулом ударяли в землю.

Все это Мёнгёз увидел воочию, хотя глаза зажмурились помимо воли. Он же вертелся волчком. И, уже не в силах сдерживаться, жалобно заскулил.

Можно не сомневаться, в эту горестную

* Гара ат - чёрный конь

минуту сердце Лакмы больно защемило, сжалось от невыразимой тревоги. Какая мать не чувствует, что ее чадо попало в беду? Тем более, такое непутёвое, как Мёнгёз.

А топот аспидно-чёрных, как грозовая туча, железнокопытных коней с каждым мгновением нарастал.

Задержись - и табун смял бы, расплющил щенка. Однако он успел отпрыгнуть в сторону.

Но Гарааткруторазвернул послушный табун. В чём провинился перед ним Мёнгёз? Почему великий предводитель чистокровных небесных коней преследовал его так беспощадно?

Обезумевший, промокший до костей, бездомный бродяжка кидался из стороны в сторону. И всякий раз неумолимый жеребец, почти настигая, направлял свой табун по его пятам. Только чудо могло спасти выдохшегося вконец Мёнгёза.

И оно свершилось! Вдруг Мёнгёз провалился в какую-то дыру, а небесные кони промчались над головой.

Пока щенок летел вниз, сердце его ухнуло, но не оборвалось совсем: дыра, в которой он

очутился, не проходила землю насквозь.

Осмотревшись и убедившись, что цел-целёхонек, возблагодарил судьбу и, слегка отдышавшись, почуял, что в темноте кто-то есть.

В этот момент сверкнула ослепительная молния, и он увидел перед собой... Во-он, оказывается, что: Мёнгёз свалился в лисью нору.

Лиса, увидев взъерошенного щенка, тоже, наверное, вознесла молитву небесам: незваным гостем мог оказаться кто-нибудь похуже. Однако приняла угрожающую позу, загривок ее вздыбился.

- Ты что вваливаешься в чужой дом, как разбойник?

- Я-я?...

- Ты! А кто же еще?

- Я-я п-осстою з-здесь н-н-немно-о-ого... - Мёнгёз не был заикой. Если же теперь заикался, причина яснее ясного: зуб на зуб не попадал.

- Чего ради?

- Н-на у-улице з-за мной гонятся ч-чёр-ные кони...

- Эх, дурачок ты, дурачок!

Препираться да объяснять, что мама звала

его «глупышом», хорошо при свете дня. Впрочем, спорить со взрослыми, как уже убедился Мёнгёз, толку мало. Возражать он не стал.

Вэто время из-под брюха лисицы просунулась хорошенькая мордочка маленького лисёнка. Тут же показался и второй. Третий тоже не задержался.

- Мама, это кто? Кто это, мама?

- Марш на свое место! - Только что подобревшая лиса могла рассердиться всерьёз. Этого Мёнгёз боялся пуще всего: осерчав на лисят, прогонит и его. Хорошо бы лисята не заупрямились!

Двое послушались мигом, тут же уползли вглубь норы. Но один лисёнок едва не сгорал от любопытства.

- Мама-а, дай мне посмотреть хоть одним глазком...

- До тебя слова не доходят, негодница! Что, собаку не видела? - Сграбастав лисёнка (он, к удивлению щенка, оказался лисичкой) за шиворот, швырнула вглубь норы, где сверкая глазками, сидели двое других.

- Вон посмотри, как ведут себя примерные дети!

Заслужившие похвалу грациозно склонили головки и приняли еще более послушный вид.

«Их мама тоже, как моя: всегда ставила мне в пример сестрёнку и говорила: «И тебе надо быть таким же понятливым!».

Не успел Мёнгёз так подумать, словно услышал мамин голос; и она сама промелькнула перед глазами. Не описать охватившую Мёнгёза тоску. С какой бы радостью он согласился, чтобы в эту минуту мама нещадно ругала его. Пусть бы даже сурово наказала. О мечты, мечты!..

Наведя порядок в своем хозяйстве, лиса обернулась к щенку.

Наверное, сжалилась. Голос уже не был таким сварливым.

- Ладно, стой, где стоишь.

Мог ли Мёнгёз рассчитывать на большее? Эта милость была неслыханной.

- Спасибо, тетушка Лиса, - Мёнгёз не узнал свой голос. Это был голос нищего у чужого порога, столько скорби в нём.

Но все-таки лиса еще немного сердилась: любопытная дочь опозорила её при чужом. Злость же, как известно, не проходит сама. Ее нужно сорвать на ком-то, благо, этот «кто-то»

униженно трепетал перед лисою.

- Чтоб завтра рано утром духу твоего здесь не было! Ты понял!

- Если эти кони ускачут...

Что?! Щенок смеет смеяться над нею?!

- Щ-щено-ок! - Лиса не знала, зарычать ей или... - Ха-ха-ха!

Неужели думаешь перехитрить лису? Жалкий глупец! - Смерив щенка самым презрительным взглядом, на который она была способна, лиса вдруг усомнилась: «Может, он и вправду не знает, что это за «кони». На пройдоху, кажется, не похож...». Но на всякий случай прибавила: - Я не терплю притворства!

Мёнгёз до сих пор не слышал такого слова «притворства», но расспрашивать не стал, а согласился.

- Не буду притворяться. - А пробудившийся в нём бесприютный скиталец снова захныкал: - Только немного бы постоять...

Лисица на сей раз промолчала. Молчание - знак согласия.

Мёнгёз крепился из последних силёнок, но простоять все ночь напролёт, как велела великодушная хозяйка норы, - нет. Как ни хотел,

- невозможно.

Лисята меж тем давно угомонились. При свете блеснувшей молнии Мёнгёз увидел поразительную картину: они спали цепочкой, обнимая хвосты друг друга.

«Кто пришел к лисе, тот должен стать лисой». Щенок лёг и обнял хвостик самой последней в цепочке лисички. Та почувствовала, что трогают ее хвост, приподняла сонно головку, но ничего не сказала.

И через мгновение Мёнгёз крепко спал и не слышал, как оставшиеся снаружи чёрные небесные кони, грохоча, скакали по степи.

* * *

Ночная охота, на которую рассчитывала лисица, из-за грозы сорвалась. Чувство вины, что лисята легли спать на пустой желудок, мучило ее, лишало сна. Лишь изредка погружалась она в зыбкую полудремоту, но всякий раз вздрагивала, когда кто-нибудь из ее ненаглядных красавчиков, не просыпаясь, скулил:

- Мама, есть хочу...

- Потерпи, деточка, дай до утра дожить.

- Есть хочу, мамочка... - спустя минуту всхлипывал другой.

О, муки материнские! Никому их не вытерпеть, никому не выплакать. Лишь незадолго перед рассветом глаза сами смежились.

Забылась самую малость. Но едва выкатилось солнышко, была уже на ногах. Прежде чем будить лисят, налюбовалась на спящих всласть, нагоревалась досыта.

Мёнгёз, на которого вчера ночью сон навалился скалой, а теперь, видать, осенял его лёгким облачком, посапывал. И никакой суматохи вокруг не слыхивал.

Собачий сын, посмотрите, он до сих пор дрыхнет.

Причина, почему лиса начала сердиться, поначалу была не ясна и ей самой. Но чем больше она ворчала, тем отчетливее догадывалась, в чём дело. У них, конечно, заботы нет добывать себе пищу. Их не терзают голод и жажда. Продрал глаза - жри из миски, лакай из плошки. Хозяева уже им, лежебокам, заранее приготовили. -

Раскалившись до белого каления, лиса набросилась на сладкохрапящего «гостя», растормошила безжалостно:

- Эй, собачье отродье, ну-ка вставай!

- Дай, еще немножко поспать, ма-ама...

Лисица чуть не задохнулась от неслыханной, вопиющей наглости. Так всю и передернуло.

- Ах ты, недотёпа! Пусть твоей матерью будет...

- Не нашла, кого бы дать ему в матери. Пыхтя от возмущения, ударила носом в бок.

- О-ой!

- Вставай, лентяй эдакий!

Ничего не оставалось Мёнгёзу как, поджав хвост, выкатиться из объятий сна, а заодно из надёжного уютного убежища в бесприютный, непонятный, на каждом шагу пугающий мир.

Когда разжмурил глаза, вместо того, чтобы заскулить со страху, онемел от изумления? Куда он попал?

Имей Мёнгёз хоть мало-мальское представление о рае, где царствует вечная весна, струятся молочные реки, благоухают невиданной красоты цветы и прочее, решил бы: вот он рай!

А свистящий разбойник ураган, который, казалось, подхватит и унесёт куда неведомо, гудящий ливень, который вот-вот затопит землю до горных вершин, аспидно-чёрные жеребцы, чуть не растоптавшие Мёнгёза, где они? Всё ужасное выветрилось, вылетело из памяти. Как и не было.

Утро сияло новорожденно!

И вот какой разговор двух повстречавшихся ос невольно подслушал Мёнгёз. Речь, догадался, шла о цветах.

- Ах, какие хорошенькие домики! Влетишь и вылетать не хочется!

- Их аромат сводит меня с ума!.. Вчера я даже забыл возвратиться домой...

По тому, каким голосом ос* сказал это, Мёнгёз воочию представил жужжалку, кокетливо заводящую глаза к небосводу.

- Так весной иногда бывает, да-да... - Протяжный вздох длился невыносимо долго. Может, всё сказано этим «да-да»... Только Мёнгёз собрался тронуться с места, ос промолвил на выходе. - И что же ты делал ночью?

- Ах! Ароматом цветка пленённый, в сердце любовью ранен, ночь я провёл в чудесном дурмане, в объятья его заключённый... - Ос заговорил стихами, сам того и не заметив. Наверное, весной так и бывает, если...

Может быть, Мёнгёз узнал бы, что это за «если», послушай еще немного, но...

*Ос - так Мёнгёз называл осу мужского рода. Если и неверно, зато придумал сам.

- Ты чего остолбенел?

Вернее, не остолбенел. Замер зачарованно. Однако лисёнок, сам еще не испытывавший очарования, не знал и такого слова.

Мёнгёз не подумал обижаться.

- Ай, не знаю... - тихо прошептал, сожалея, что вывели из блаженного состояния.

- Тогда айда! Мама сказала, что сегодня добудет нам ягнёночка! - Нужно ли говорить, как вкусно облизнулся лисёнок при этом? Само собой, и у Мёнгёза потекли слюнки.

Когда они наконец, догнали стаю, та уже залегла напротив рассыпавшейся у подножья холма отары.

Поспели как раз вовремя: урок Великого Терпения едва-едва начался. Он состоял из двух частей. Первая, самая трудная - искусству «чуткого уха». Оно заключалось в том, чтобы слышать, что хочешь услышать, не отвлекаясь на посторонние звуки.

Сейчас требовалось слушать и понимать меканье взрослых овец и ягнят.

- Ме-емам! Эй, мама!

- Что, мой ягнёночек?

- Мама, ты не оставляй меня одного!

- Хорошо, сынок...

- И раньше говорила «хорошо», а сама уходила.

- Я же спускалась попить, дитя моё.

- Мама, а я мерзну.

- Перейди на ту сторону, здесь затишье. Пососи еще немного. Сытого ветер не проймет. Наоборот, он будет тебя гладить и отрачивать твои завитки. И у тебя будет толстая шуба.

- А когда, мамочка?

- Потерпи, сынок. Пусть эти травы высохнут, превратятся в жёлтую солому.

- Сколько терпеть, мама?

- Не успеешь оглянуться.

- Что это значит, мама?

- Иди соси, иначе твою долю сестричка высосет.

- Пусть не сосёт, мама, пусть не сосёт. Я же мало сосал, она много...

- Тогда иди быстрее!

«Беспечные ротозеи!» - Невольно лисе стало противно, и она скорчила презрительную мину. Может быть, в то же время ощутила и безотчётную

грусть: ни на секунду не могла позволить себе и малейшей неосмотрительности. Даже во сне должна быть настороже. Тому же неустанно учила своих детёнышей. «Что ж, пусть пеняют на самих себя!»

Решающий момент охоты - молниеносный бросок.

Убедившись, что овцы не подозревают о таящейся опасности, лисица стала бесшумно подкрадываться.

Кто бы решился на такой безумный риск: ползти по голому полю?

Ни бугорка, ни ямки. Только кинь взор - и всё видать, как на ладони.

И уж тогда только держись! Такой подымется трам-тарарам, такая заварится катавасия -о! Что там «чёрные кони» да сверкающие клинки молний? Ими только пугать до поры неразумную малышню.

Но лиса не была бы лисой, поступи она иначе. На нее пал бы несмываемый позор - презрение предков, чей нерушимый завет она хранила пуще зеницы ока. Вспомнился неслучайно. Тем себя и подбодрила: «Эй, ты ведь лиса, твои деды и прадеды могли укрыться за единой былинкой!»

Хочешь быть достойным потомком, не посрами и ты славы пращуров!».

Лиса ползла...

О, несчастные овцы! Самый несчастный ягнёнок уже намечен. Во-он он, кудрявый. Еще забавляется с ним матушка-овца разговорами. Но уже недолго ей любоваться крошкой, наслаждаться младенческим лепетом.

Смерть уже близёхонько. Смерть - прекрасная, рыжая, глаза изумрудные, хищно-лаковые - лисонька.

Осталось лишь успокоить дыхание, напружинить задние лапы и, оттолкнувшись, взлететь ярким пламенем - не промахнётся лиса. Такого ещё не было.

- Хей, что ты там делаешь?

(Говорят о неожиданном: как гром среди ясного неба. А понимают ли, как он ужасен? И сравнить не с чем. Даже с диким валуном, сорвавшимся с крутого склона, не так опасен. Страшно, коль ты на его пути. Если ловок - так увернёшься. Увернувшись, усмехнётся: «Лети себе дальше!»).

Гром грянул.

Лиса чуть не умерла от страха. Может, и

умерла на мгновение.

Чувств лишилась - это уж без сомнения. Быть бы знатной трёпке, а то и гибели, не её бы ноженьки: сами хозяйку, полуживую, понесли. «Ой, спасайте, голубчики!». Только что сама смерть была, да, оказывается, на всякую смерть другая есть.

- Гав! Гав! - Вот он, гром среди ясного неба,
- Арслан, волкодав из волкодавов.

Тут, наконец, и овцы всполошились, отпрянули, заблеяли.

У-у, беспечные мекалки! Раньше бы беспокоились. Не проснись вовремя гроза волчьего племени, не досчитаться бы ротозеям ягнёночка!

Лучше надо беречь. Но теперь не об этом речь.

О чем?

- Гав! Гав! - громыхает гром. А от грома лиса удирает. Увидали ее лисята, догадались: неладное что-то вышло и точно вихрем их сдуло.

Понеслись впереди матери. Только ножки мелькают.

А Мёнгёз замешкался.

«Чего они мчатся сломя голову?» - Не понять

ему, что причина в огромном псе. Он же знал, что большие собаки добрые, малых щенят не обижают. Не знал, что щенята бывают разные. И еще подумалось: “Хорошо, что лиса не украла мекалку, пусть живёт и растёт большой.”

А лисятам так и надо. Не облизывайся раньше времени».

- Гав! Гав! - Совсем рядом гром.

Не оглянись та хорошенькая лисичка, из-за которой, может, лиса и не выгнала бы Мёнгёза в тьму-тьмущую, под копыта «черных коней», с места не сдвинулся бы.

Оглянулась она - словно бы поманила. И Мёнгёз припустил во все лопатки.

- Гав! Гав! Ну-ка стой! Тебе говорят!

Лисье семейство и не думало останавливаться.

«Вон оно что, - сообразил и Мёнгёз, - когда кричат «стой», надо бежать еще сильнее».

Но ему ли тягаться с волкодавом?

Волкодав бросился наперерез Мёнгёзу, и тот сходу налетел на живую лохматую стену. Не захочешь - остановишься. Да еще и шмякнувшись оземь.

- Эй, ты кто? - Ну и грубый же голосочек у

этой рычащей глыбы. Таким в первый момент показался волкодав оглушённому Мёнгёзу.

- Я лиса...

- Какая же ты лиса, - небо над Мёнгёзом разверзлось и загрохотало. (Так смеются взрослые волкодавы, когда кто-то говорит что-то совсем уж несуразное).

Мёнгёз испугался. Но не грома. Как раз наоборот - тишины. Смех вдруг оборвался. Рыжий кобель гневно уставился на дрожащего щенка.

Наверное, он подумал, что эта мелюзга насмехается над ним.

- Вот тебе, если ты лиса! - От мощного удара Мёнгёз покатился кубарем.

Однако гнев волкодава сразу прошёл, едва он увидел хнычущего собрата. Суровое сердце закалённого в битвах богатыря наполнилось жалостью.

- Эх ты, глупенький щенок! Разве лиса, попавшись, признается, что она - лиса?

Слизинки на глазах у Мёнгёза мгновенно просохли: то, что начал рассказывать ему волкодав, по всему видать, обещало быть необычайно интересным.

- Знаешь, как пойманная лиса заговаривает зубы?

Мёнгёз замотал головой.

- Правильно. Откуда тебе знать? - Волкодав минуту-другую наслаждался своим превосходством, потом продолжил назидательным тоном: - Не верь, когда начнёт плести басню. Какую? Наизусть помню:

«Наши деды и прадеды когда-то произошли от одного зверя, затем вы нашли себе друга и ушли с ним, а мы остались здесь. Вы правильно сделали, что подружились тогда с людьми. Ох, сегодня у меня свободный денёк, вот и пришла помянуть своих предков. Как хорошо, что посчастливилось встретиться с тобой...».

Как-то раз она меня обвела вокруг пальца. Тогда моим напарником был бедняга Гаплан. Однажды мы поймали лису, которая тоже, как и вы, явилась за ягнёнком.

Гаплан был очень любознательным. Вместо того, чтобы растерзать лису, стал задавать ей вопросы.

- Сколько ягнят ты украла этой весной? Говори только правду, иначе... - не отставал Гаплан.

- Я счёта не знаю, Гаплан ага, но если хотите, нарисую на земле, а вы сами посчитайте.

«Покажи да покажи!». Нарисовала она одного ягненка, потом другого.

Признаться, здорово у неё получалось. У нас даже челюсти отвисли. «Вот и такого одного украла», рисует что-то вытянутое с двумя головами спереди и сзади, со множеством ног. Ну, вообще!

Такого диковинного зверя я видел в первый и последний раз в жизни...

Мёнгёз весь пылал от любопытства и нетерпения: он не только не видал, но и не слышал о таком невероятно удивительном существе.

Кто же это?

Волкодав печально вздохнул, точно угадал его мысли.

- И не увидишь!

Хотя Мёнгёз маленький, обижаться он тоже умеет. «Почему это я никогда не увижу?», - подумал он. И обиделся. Про себя.

Волкодав, недаром взрослый, легко прочёл мысли надувшегося щенка. А прочитав, ощерил клыки. Так он улыбался печально.

- Потому что такого диковинного зверя нет

на свете.

Мёнгёз захлопал глазами. Теперь уже весь его вид выражал глубочайшее удивление.

- Э, - снова вздохнул волкодав, - я был слишком молод, и лиса меня обманула - нарисовала сказочного зверя. Глупый простофиля, забыл отцовский наказ, что с лисы нельзя спускать глаз ни секунды, она мигом проскользнула под моим брюхом - только ее и видели!

Разумеется, взрослый пёс не нуждается в сочувствии щенка. Тем более, первого встречного. Ну а что кто-то посмеет над ним смеяться - такого быть не могло.

- Гхи, гхо! - Мёнгёз захихикал. О нет! Совсем не над ним, как, к сожалению, подумал волкодав. Причина же была, никто не догадался бы, - щекотка! Да, да. Хотя никто не собирался щекотать Мёнгёза. Как так? Стоило ему лишь представить что-нибудь - то и чувствовал, будто происходило с ним на самом деле. В этот злополучный момент он представил, как хорошенькая лисичка прошмыгнула под его животом.

Конечно, стало щекотно. Он и хихикнул.

Хорошо еще, что громадный рыжий волкодав

оказался не обидчивым. Да и на кого обижаться-то? На жалкое существо, какое недостойно собачьего имени.

- Коль ты - лиса, убирайся, откуда пришёл!

* * *

- Ну что, не остался у старшего брата? - Лиса встретила Мёнгёза у норы, сидя в окружении уже отдышавшихся лисят.

- Нет, не остался.

- Что, не узнал он тебя?

- Не знаю.

- А в самом деле, как ты попал в эти места, заблудился?

- С неба свалился.

- С неба? - Вот уж не думала, что её можно чем-то удивить. И кто? Щенок!

- Я летел со стервятником.

- Ах, ах! - Лисята одновременно заахали, зажмурились, будто это они попали в лапы стервятника.

Не дожидаясь просьб, Мёнгёз со всеми подробностями поведал историю своего увлекательного путешествия.

«Это, оказывается, он». Лиса вспомнила, что вчера, когда ходила пить, слышала краем уха

разговор двух мокрых воробьев. Искупавшись, они сошли на берегу и болтали, будто бы видели в небе щенка. Теперь Лиса с невольным уважением посмотрела на Мёнгёза.

О многом хотелось лисятам расспросить Мёнгёза, но лясы хорошо точить на сытый желудок. Когда же брюхо подводит, самый интересный рассказ не способен отвлечь надолго.

И снова выручил Мёнгёз. Увёл свою новую маму и братишек с сестрёнкой на то место, где вчера вдоволь полакомился остатками джейрана. Пир не пир, а на зубок досталось каждому.

* * *

Ночь сегодня выдалась подходящая. Можно сказать, на славу. Не использовать ли такую благоприятную погоду для урока?

Стремительно выскочив из норы, через несколько мгновений лиса сидела на вершине ближнего холма. Понюхала воздух. Необходимо еще раз убедиться, что вокруг нет никакой опасности. Убедившись, позвала лисят.

Мёнгёза, понятно, приглашение не касалось. Но не оставаться же одному?

Лиса бежала, не останавливаясь.

- Мама, подожди! Я же не успеваю... - недовольно заворчал один из лисят.

До сих пор не обращавшая внимания на жалобы неуклюжего толстяка, лиса придержала бег, оглянувшись, сочтя нужным сделать внушение ворчуну.

- Чем больше я говорю, тем меньше ты слышишь, дитя моё.

- Что я не слышу?

- Дома вы - мои дети, а в поле должны вести себя как взрослые и не капризничать.

- Мама говорит, что в поле надо быть самостоятельным, - защитила мать хорошенькая лисичка.

- А тебе-то что? - Сердито сморщил носик брат.

Мёнгёз почему-то пропустил мимо ушей эту перебранку, а то бы обязательно взгрустнул, вспомнив свою сестрицу. Та же встревала куда надо и не надо.

Темнота все больше сгущалась. Лисы с радостью смотрели в ту сторону, куда ушло солнце, и довольные наблюдали, как ночь глотала холм за холмом.

Пусть думают, как им нравится. Не жалко. Мёнгёз-то знает настоящую правду: просто на

ночь холмы надевают шапки-невидимки.

...Когда Лиса разрешила короткую передышку, хорошенькая лисичка неожиданно спросила:

- Мама, о чем думают в эту пору люди?

Мёнгёз встрепнулся, зачем ей знать? Если кого и могло занимать это, само собой, его. А что, если лисонька, задав вопрос, хотела сделать ему приятное: мать примется рассказывать, и у Мёнгёза начнет сладко ныть и щемить сердце. Будь щенок повзрослее, он бы так и решил.

На самом деле причина была другая. Приятного Наши* захотелось самой. А что приятнее, чем послушать песню людей, которую мать почему-то очень любила? Почему? Э-э, загадка сия велика. Скорее всего тайна неразрешимая. И разговор о том особый.

- О чем думают люди? - задумалась лиса, и глаза ее затуманились непонятной нежной печалью. Может, и правда, когда-то, в старые - престарые времена, лиса и собака были детьми одного роду-племени. - Их думы в песне.

- Мама, спой! Спой, мама!

Дважды просить не пришлось. Кто бы мог

* Наши - хорошенькая.

подумать, что у лисы такой голос, - нежный, струящийся.

Ах, ночь! Что за чудная ночь? Так прекрасна она была. Благоуханна. Нежна. Задумчива. О том и песня.

Усевшись в кружок, лисята, Мёнгёз зачарованно внимали матери. Их глаза, похожие на огоньки, разгорались все ярче и ярче. И небесные звездочки, думая, что это их сёстры, перемигивались. И всем было радостно.

Для себя Мёнгёз сделал еще открытие: оказалось, в темноте его глаза видят, если не лучше, то ничуть не хуже, чем днём. А чем особенно понравилась ему ночь - не мучило солнце. Когда оно нещадно печёт, разве можно заняться собой? А мухи, клещи, оводы - эти наглые приставучие жужжалки доводили порой до бешенства. Но сражаться с ними было бессмысленно.

А зачем сражаться и портить нервы, если?... О том и речь. Нет, не все лисьи повадки пришлись по нраву Мёнгёзу. Особенно воровские замашки. Но одна привычка очень понравилась - спать днём. Что приятней: бестолку шлаться в жару, разомлев, вывалив из пасти язык, или

похрапывать в прохладной норе? Спи, будто и нет тебя! Так и поступал частенько. Правда, не всегда. Так случилось и в тот денёк.

Впрочем, не слишком знойный.

...Запах, на который шли Мёнгёз и лисичка Наши, привёл их к какому-то незнакомому странному существу. Неудивительно, что оно показалось странным, ведь они видели его в первый раз. Время от времени существо разевало пасть и ловко, с необыкновенным искусством заглатывало насекомых. Похоже, охота была в разгаре.

Полюбоваться было на что! Мёнгёз и Наши с восхищением разинули пасти.

Кому придётся по нутру, когда мешают в самый-самый важный момент? Прервав трапезу, существо проворчало:

- Чего уставились? Земзема* не видели?

- Не видели.

- Тогда я - земзем.

- А-а-а.

- Что акаете, вытаращив глаза? Думаете, только мне и дело чесать язык со щенками и лисятами? Чтобы один раз насытить утробу,

* Земзем - варан.

я должен проглотить триста шестьдесят насекомых. Когда набью свой живот, если вы меня отвлекаете? Я пока съел только сто шестьдесят четыре жужелицы и червя. Вот и посчитайте, сколько мне еще надо.

- А мы не умеем считать.

- Знаю я вас, лис, всё вы умеете! - Раздувшись от злости, не поверил земзем. К тому же и Мёнгёза принял, наверное, за лисёнка. Почему он вдруг разозлился? Мёнгёз и Наши не стали допытываться о причине и, благополучно возвратившись домой, всё рассказали матери.

- Раздулся?

Оба закричали разом:

- Раздулся, раздулся!

- Ну и пусть раздувается. Когда он злится, всегда раздувается.

Случай пустяшный. Но он-то и разворошил старое. Увидев, что у лисы заблестели глаза, дружки-приятели чинно уселись напротив.

Приготовились внимать и левым ухом, и правым.

- Мы тоже когда-то с сестрой удирали тайком от матери, и, найдя земзема, начинали злить его. Он в тот момент не знал, за кем сначала гоняться.

Пыхтел, колотил хвостом по земле, кидался туда-сюда. Не ему тягаться с лисами! - Тут лиса спохватилась. Чему она учит, сама увлекшись ребячьими воспоминаниями? Известно, родители внушают детям, какие они были паиньки, как слушались с полуслова взрослых. Она же... Но то, что было, то было. - Как только он распухал, готовый лопнуть от злости, мы убегали домой.

Наши и Мёнгёз радостно щурились: оказывается, их мать тоже была не тихоней. И за это они еще сильнее любили ее.

Лиса поняла их радость и, усмехнувшись, продолжала:

- Была у нас третья сестрёнка. Не то, что мы, - степенная, ни на полшага без разрешения. Так вот однажды, от скуки, видно, увязалась за нами дразнить земзема.

- Я вам что, игрушка? - Скоро земзем, шипя от злости, раздувался на глазах, как шар.

А мы, знай, забавлялись, дразнили.

- Земзем, есть ли злость еще или кончилась? Не взорвись, смотри!

- Откуда у него злость? Фи! Это воздух, - фыркала моя сестра.

Пока мы делали вид, что спорим: «злость» или «воздух», третья наша сестрёнка приблизилась слишком близко. И не успела понять, что случилось, полёживала на земле без чувств. Наша вина. Забыли предупредить: «Бойся хвоста!». Земзем ждать не будет. Молниеносный взмах - не успеешь вскрикнуть: «Ах!».

- Ах, ах! - Невольно вырвалось у Наши и Мёнгёза. А они, дурачки, пожалели, что не догадались сыграть с земземом в дразнилки. Выходит, быть умным просто - лишь бы глупость сама не пришла на ум.

Лиса осталась довольна уроком, но все же добавила нравоучительно: - Если ещё вам встретится, лучше пройдите мимо. Лишних врагов не наживайте, это не нужно. И без него хватает. Пусть себя тешит: «Лисы меня боятся, дорогу мне уступают».

Э, а что с той лисонькой, маминой сестрицей? Очухалась помаленьку, побрела потихоньку и до сих пор вспоминает, в какую когда-то влипла историю...

Хорош был урок, да Мёнгёзу не впрок. Но об этом другая история...

* * *

Никого не спрашивал: «Кто такая?». Сам узнал - черепаха.

Вскарабкавшись на бугорок, она дремала на солнцепёке.

- Эй, черепаха, проснись! - Сам не зная зачем загорланил Мёнгёз.

Радость не уместилась в нём, хотел кому-нибудь отсыпать лишнюю горсточку. А что, как зависть? Мол, спят же иные и никаких забот. А он труди зря ноги да майся в жару до одури.

Как бы то ни было, черепаший покой нарушил.

- Что шумишь, сынок? Чего тебе надобно? - Высунулась из костяного домика на сморщенной шее головка, моргая тусклыми глазками.

- Чего, чего... - Мёнгёз растерялся было, но тут же нашёлся. - Что поймала? Ты так прилипла к земле!

- Э-э, этот мир никому не даётся в лапы, сынок...

- Может, ты землю слушаешь? Тогда скажи, что она говорит?

Конечно, мудрая черепаха легко поняла, что щенок от безделья решил поразвлечься.

- Земля? Она говорит: «Скажи этому

шалопаю, пусть идёт своею дорогой, иначе услышит то, чего говорить не хотелось бы. А также скажи, что стыдно шутить над старыми черепахами».

- Тогда и ты, Черепаха дайза, скажи земле: «Пусть не важничает!»

- погоди, сынок! - Куда девалась черепашня неповоротливость?

Высунулась по пояс, испуганно замахала лапами. - Оскорблять землю нельзя, сынок. Быстро раскайся!

Эх, Мёнгёз, Мёнгёз! Ему лишь поартачиться бы.

- А если не раскаюсь?

- Тогда земля проклянёт тебя, сынок, до окончания дней твоих!

- А тебе что, жалко? - Разгильдяй-то разгильдяй. Но разве ожидал кто-нибудь от Мёнгёза нахальства?

- Ах, дурачок! - огорчилась черепаха. - Быстро скажи три раза, что ошибся!

Заупрямится Мёнгёз - не переупрямить.

- А если мне не хочется говорить?

- Ах ты, щеночек, разве можно оскорблять святое? Вот я знаю не семь, а семьдесят

твоих предков. Были в собачьем племени БОРОВШИЕСЯ С ТИГРОМ, были ДРАВШИЕСЯ С ВОЛКОМ! О, бесстрашные! Великие герои! Есть и теперь такие, чей лай, как нерушимая стена, охраняет отары. Откуда, подумай, сынок, их могучая сила?

- Вот еще больно надо мне думать!

- Хоть ты этого и не стоишь, скажу: от земли-матери. А такого, как ты - лисьего прихлебателя!
- я никогда не встречала.

У Мёнгёза не хватало терпения, а может, духу выслушивать нравоучения, и он побежал прочь.

- А-а, не нравится слушать правду? Беги, беги. Земля не торопится, но все равно догонит тебя!
- скрипела вслед старая черепаха

...Когда Мёнгёз отыскал лисят, они кувыркались на склоне холма, лисичка Наши прильнула на миг к его боку.

- Куда ты пропал?

- Во-он на холме есть черепаха.

- Да разве стоит с ней разговаривать?

- Черепаха прожила двести пятьдесят лет.

- Как?

- Наверное, не торопясь...

- Я могу считать до трех. Двести пятьдесят

больше трех или меньше?

- Почему отстаёте? - Ворчливый голос лисы прервал их увлекательный разговор.

* * *

Белое молоко на склонах холмов - бледный свет луны. Тишина сиреневых сумерек. Дуновение ветерка.

Сегодня лиса повела щенят на «готовую добычу». Что это значит?

То же, что и насыщение желудка». Слышите в первый раз? Ничего. В двух словах вот это что: когда - а такое - о горе! случается - ягнята рождаются неживыми, чабаны волокут их подальше в степь. Иной кинет пару лопат земли, лишь бы прикрыть беднягу; ленивый - и лопату с собой не захватит. Так сойдет. Через день-другой и следа не останется: хищники да стервятники своё дело знают.

Разве падаль сравнить с парным, дымящимся мясом жертвы? А-ах! Добытой ловкостью и отвагой на вольной охоте, еще трепещущей - оттого и нет слаще!

Может, и есть среди лис гордецы - не прикоснутся к падали, лучше погибнуть с голоду, - лиса была не из таких. «Ешь, что можно есть,

да похваливай!». Тому и детей учила - ничем не брезговать. «Кому негоже, а нам дар Божий».

Весной «готовую добычу» найдём возле любой отары.

Запах дурманил голову. Ноги тянули сами. Привели куда надобно. Да не тут-то было! Местечко уже было занято. Старый облезлый лис в кучу сгреб три-четыре ягнячьи тушки, кружил вокруг, алчно облизывался. Увидев незваных пришельцев, зафыркал. Шерсть на загривке у него вздыбилась.

- Не подходите!

- Один столько мяса съешь? - изумился лисёнок.

- Съем. Еще как! Не подходите!

Ну и жадюга! Такого увидеть - тоже кое-чему научишься. Вдруг что-то случилось? Оставив свою добычу, старый облезлый лис бросился наутёк.

Ясно, такой жадина, что удавится за обглоданный хрящик, лишь бы не достался кому другому, не побежит просто так.

Рядом какой-то ужасный враг. Не иначе. Все уже помчались за лисом вслед.

- От чего бежим, кум? - на бегу спросила лиса

облезлого.

- Пахнет собакой, - прохрипел тот, глотая слюну.

- Где? Собакой?...

- Прямо сейчас, сзади. Догоняет нас, наступая на пятки.

Лиса понюхала воздух. «Э-э!» Все понятно: это был запах Мёнгёза, который стал одним из ее щенят. Остановилась. Лис, убежавший вперед, оглянулся и, удивившись, тоже остановился.

- Ну, что вы стали?

- Это ведь наш запах.

- Ты не рехнулась ли? Смерть к тебе уже приближается?

- Да погоди ты...

Время ли слушать лису с помутившимся разумом? От собачьего духа лиса тошнило.

- Стоишь, вот и стой! Мне своя шкура еще дорога. Да будет твой враг принадлежать тебе! - И тот растворился во тьме.

Гримаса презрения - награда трусливому. Неужели этот дрожня дрожащий был или просто казался минуту назад грозным могучим лисом? Жадность и трусость - не братья ли?

Лисята уселись в кружок как обычно: ушки

торчком, заострены.

Ждут, что мать скажет. Но лиса молчала. И никто не заметил, как искоса глянула она с благодарностью на Мёнгёза: это ведь он своим духом отвадил облезлого наглеца.

Вернувшись к «готовой пище», лисьё семейство спокойно и с наслаждением набило свои желудки. Мяса осталось столько - хватит десятку лис. Жалко, что ли?

Луна плавно плыла по тихому небу, словно серебряная лодочка.

Звёздочки разгорались все ярче. Наверное, там, в необъятной выси, происходил сейчас какой-то чудесный праздник. Может быть, день рождения властелина вселенной - какой еще мог бы отмечаться так величественно!

Сказать, что земным существам нет никакого дела до небесных забав и игрищ, - нет. Есть. И еще какое! Только ли оттого, что нежно урчало в животах, поднялось у лиси, само собой, у Мёнгёза настроение? Тоже нет. И чья-то радость, каким-то образом передавшаяся им, имела значение.

В такую торжественную ночь что-то должно было случиться хорошее.

И... случилось! Вся лисья семейка

затрепетала: в темноте (луна куда-то вдруг пропала) тяжело задышало какое-то огромное чудовище.

Не успев сообразить, что делать, поскольку в этот момент сияющая луна выскользнула из-за облака, и они увидели совсем-совсем не ужасное чудовище, а наоборот. У подножья холма пасся табун. А на вершине, взрывая копытом землю и насторожив уши, стоял знакомый чёрный жеребец - вожак табуна.

- Мама, это те кони, что гонялись за мной? - проговорил Мёнгёз, а Лиса про себя подумала: «Ах, дурачок!.. Какой же он наивный, не то что мои лисята». Объяснять в очередной раз не хотелось. Все равно он не поймет.

- Мама, когда мы станем лошадьми?

- Никогда! - Лиса хотела по привычке добавить: «Ах, дурачок!».

Уже едва не сорвалось с кончика языка. Но приبلудный щенок был нипричём. Спросил ее сын, она даже споткнулась от изумления. Вот уж чего не ожидала! Была уверена, ее умненькие - разумненькие дети не будут задавать вопросы, глупее которых не придумаешь.

- Почему никогда? Я хочу стать конём... -

Лисёнок спросил неспроста: ох, как ему хотелось походить на могучего чёрного жеребца!

- Ах... - Конечно, лиса не могла назвать родного сыночка «дурачком», только грустно вздохнула. «Заразился любопытством от щенка. Пройдет», - подумала она.

Оказывается, есть вопросы, на которые нет ответа. Когда лиса порой задумывалась, ничего путного в голову и не приходило. Лисёнок больше не спрашивал. Конечно, забыл. В этом лиса оказалась права. Но почему-то на этот раз не особенно гордилась, как это делают взрослые, думая, что они-то знают всё-всё на свете...

Однажды с вечера зарядил нудный-принудный дождь. Сеял и сеял, не переставая.

Но теперь, когда Мёнгёзу по праву принадлежало местечко в тёплой лисьей норе, ему очень понравилось шуршанье, шепоток, стрекотанье ночного дождика. А уж как спится под его баюкающее мурлыканье!

В то утро Мёнгёз пробудился раньше всех. Правда это случалось с ним не часто.

Однако, всегда не зря. И на этот раз предчувствие какого-то удивительного события подняло Мёнгёза. Оно же заставило его

выбраться наружу.

И не обмануло! Очередное чудо поджидало его: небо перевернулось!

Точно они летели. Кто-кто, а он-то ошибиться не мог. Во-первых, потому, что почувствовал вдруг, как захватило дух. Во-вторых, точно такие же лохматые шкуры* плавали вокруг, когда он путешествовал с добрым стервятником.

Ах, как чудесно лететь! А если летишь вместе с сестрёнками и братишками, со своей теплой норой, - сто раз «ах» - мало.

- Летим, летим! Мы летим! Как можно сейчас дрыхнуть? - Мёнгёз не простил бы себе никогда, не растолкай сопящих засонь. Вдруг небо вернётся на место? Тогда лисята, продрав глаза, не узнают, что они летали.

- Что, что? - Решившая с некоторых пор не удивляться фантазиям собачьего сына, встрепенулась лиса.

- Мы летим, мама! - Мёнгёз от радости чуть не заплакал. Ну, почему ему не верят?!

Чего лиса боялась, то и вышло: лисята выпучили глаза. Они-то готовы принять за чистую

* Конечно, это были облака. Но Мёнгёз ещё не знал такого слова.

монету любые бредни этого неугомонного выдумщика!

- И ты, и ты, и я - все мы летим! - Обрадовавшись, что его слушают, еще пуще заголосил Мёнгёз.

- Куда летим? - Лисята вскочили как один.

- Не знаю. Но мы, оказывается, летим. Выйдите - увидите сами.

Лисята завизжали от восторга. Земля куда-то исчезла. Или превратилась в клубящийся призрачно-голубоватый пар? Тот, что полз по склонам холмов, растекался, поднимаясь вверх? То вдруг в просветах показывались вершины холмов. Тут же и пропадали. Наверное, уплывали куда-то.

«Ах дурачки!...» - Лиса-то знала, что огромная белая шуба, окутавшая весь мир, - туман. Но ей почему-то не хотелось сейчас объяснять детям, что это такое. «Пусть они думают, что летят. Ведь им так этого хочется!»

Но лисята летали на самом деле. Так бывает, когда не чувствуешь под собой ног от радости.

- Мама, мы летим! - голосили они, кувыркаясь и прыгая, как безумные.

Лиса в ответ улыбалась.

- Мы летим, мама! - Прыгая, они зависали на мгновение в воздухе.

А это и был полёт. Самый настоящий!

Лиса не сердилась на баламута, то-есть на собачьего сына.

Пусть он заразил ее детей необыкновенной блажью. Зато как они счастливы! Подрастут и все поймут.

* * *

Полетали - и хватит! Пора на землю спуститься.

Туманный день - лучшее время охоты на сусликов.

Лиса замерла перед одним из холмов. Он-то и нужен. Весь в дырах от сусличьих нор. Как сыр.

Лисята, подражая матери, вытянулись в струнку, почти перестали дышать.

Теперь главное - терпение. Сиди затаившись и выжидай свою жертву. Мёнгёз не собирался охотиться. Ему было жалко их. Он даже сердился на глупых сусликов: почему не спят? И хотя не видел их, не слышать не мог.

- Сосед, ты вошёл в дом?

- Нет, я здесь.

- Я целыми днями молюсь, чтобы ты жил вечно.

- Спасибо. И мои мольбы о том же.

- Детишки здоровы?

- Вечером у малыша появился жар. Думаю, вчера съел многовато свежих корней катрана.

- Да, катран - очень сильная штука. Говорят, от нее даже верблюда пот прошибает. Нужно только знать меру...

- Разве детям объяснишь?

- Так дети ведь.

- И мы были детьми.

- Если вспомнишь, и мы были тогда не лучше них.

- Да, да. Ты прав, сосед.

- Что-то не видно солнца. По-видимому, и его этот туман укатил подальше от нас.

- Потерпим. Куда бы его ни увели, в полдень оно как всегда придёт. Потом...

- Ой, ой, ой!.. Беги-и!..

И уже возбуждённые голоса лисят раздавались вокруг.

- Поймал!

- И я поймал, мама!

Только один лисёнок остался с пустым ртом.

- И ты ничего не поймал? - Точно обрадовался он, увидев, что и Мёнгёз ни с чем.

- Нет, я... - Не мог же признаться Мёнгёз, что и не думал охотиться. Спугнуть бы - спугнул с удовольствием. Но тогда прощай, теплая нора...

- Ничего, - утешил его брат по несчастью. - Мать нас голодными не оставит. Пошли.

И верно, лиса разделила добычу поровну. Мёнгёзу - тоже доля.

Все без особого приглашения принялись за дело: захрустели, зачавкали, зачмокали - в общем, уписывали - за ушами трещало.

Мог ли Мёнгёз притронуться к пище? «Бедный суслик! Как ты любил своего малыша...», - думал он, чуть не плача. Но вдруг ненасытное брюхо принялось урчать, под ложечкой засосало. И щенок уговорил себя съесть кусочек. «Прости, фью-фью, очень хочется есть».

И не заметил, как уплёл свою порцию дочиста. Но аппетит лишь разыгрался.

- Дай чуть-чуть, - попросил Мёнгёз у лисёнка.

- Самому мало!

Слово за слово - и потасовка. Лисёнку ли со щенком тягаться?

Заверещал как резаный.

Разве лиса не мать? Ударила в бок Мёнгёза. Попробуй не полети вверх тормашками. Приземлившись, заворчал сердито. Да и больно ведь.

- Тебе и этого мало!

Обернувшись на грозный голос, все увидели Прекрасного Лиса. Он стоял на вершине холма. И похоже, давно наблюдал за ними.

Видела бы себя лиса: как же она похорошела! Хвост распушился. Глаза заиграли изумрудом. Будто камушки бросили в ручей.

- Откуда ты появился, мой Бек*!

- Я два-три года шатался по Устьюрту. Сюда прибыл недавно. Ты слышала, я потерял свою милую жену? Прошлой весной ее застрелили люди, которые охотились на джейранов с железной стрекозы...**

* Бек - господин.

** Железная стрекоза - вертолёт (на лисьем языке).

- Если ты одинок, может, присоединишься к нам? Следующей весной я не прочь быть матерью твоих детей, - сказала лиса, грациозно изгибаясь и с надеждой заглядывая в синие глаза нежданно-негаданно встреченного вдовца, жадно обнюхала его и потёрлась бок о бок.

- Посмотрим, - надменно бросил лис. В тот же момент, повернувшись к Мёнгёзу, нахмурился. - А это кто?

- Собака.

- Почему не прогонишь прочь? Или думаешь, с неба она свалилась?

- Да, она упала с неба.

- Шутить изволишь? - Шуток, а тем более насмешек над собой лис не терпел.

- Как я посмела бы, мой Бек? - Лиса униженно заюлила, завертела хвостом.

Небрежно выслушав историю щенка, лис раздумал обижаться, однако процедил сквозь зубы:

- Все равно ты должна от него избавиться. Видела сейчас, что он сделал с твоим лисёнком? А когда в нём проснётся настоящий пёс, и тебе не сносить головы.

- Я держу его не без умысла, - шёпотом

раскрыла свою тайну лиса. - Говорят, одичавшая собака становится Красным Волком. А они еще более жестоки и кровожадны, чем сами волки.

- Веришь, что твой щенок превратится в Красного Волка?

- Уверена, - сказала лиса. На самом деле она привязалась к щенку.

Хотя, конечно, неплохо, если став Красным Волком, щенок будет ее кормильцем на старости лет.

- Учти, не отведишь этого чужака, на меня не рассчитывай! - С этими словами Прекрасный Лис удалился.

* * *

Проснувшись однажды и прежде всего потянувшись всласть, потом зевнув во всю пасть, Мёнгёз вдруг обнаружил себя в полном одиночестве. Куда все подевались? Необъяснимая тревога вынесла его из норы - никого! Торопливо обследовал ближайшую окрестность - тоже никого.

Нужно было быть Мёнгёзом, чтобы не впасть в отчаяние, а наоборот. «Какая у меня добренькая мамочка! Пожалела - дала поспать. Вот, наверно, завидовали лисята». Так думал он, растянувшись

у входа в нору. И охранял. И заодно поджидал лис с прогулки. Порой задрёмывал в истоме. Когда в неясном смятении вскакивал от какого-нибудь шороха, ему мерещилась в голубоватом мареве стайка, спускающаяся с дальнего холма... Ошибся и на этот раз. Грусть охватила всё его существо - осенняя слякоть, которой еще не видел.

Лисы не вернулись ни в тот день, ни на другой.

Чем знать, что никогда-никогда больше не увидишь тех, к кому привязался всем сердцем, - легче умереть.

Знать, что те, кому ты верил без сомнений, бросили тебя на произвол судьбы, - и вовсе не стоило рождаться на свет.

«Может с ними случилось несчастье?» Было трудно дышать. Что-то теснило грудь. Наверное, это сердце в нём росло от жалости. Конечно, Мёнгёзу и в голову не могло прийти, что несчастье-то случилось с ним.

Минул и третий день. Мёнгёз боялся отлучиться далеко от дома. Вдруг лисы вернутся без него? Получится, будто их не ждали. Оттого и питался кое-как. Жил впроголодь. Хорошо что с утра удалось перехватить зазевавшуюся

перепёлку. Все лучше, чем шиш. Червячка хоть заморил. В результате за эти дни отощал. Мать родная не узнала бы: «Неужели этот шкет ее сын?».

Вообще Мёнгёз решил ждать сколько будет нужно. Хотя всю жизнь.

Так, несомненно, и было бы. Но необыкновенные приключения, для коих был создан, невыразимо волновали его душу. С этим уж ничего нельзя было поделать, ибо не зависело от него. Как будто ему кем-то было дано поручение испытать такое, что обычному щенку и не приснится.

А дальше было вот что. Сидел Мёнгёз пригорюнившись, да что-то вдруг привлекло его внимание. «Что-то» - не какая-нибудь ерундовина, а живой, утыканный иглами клубок. Катится, значит, куда-то. Мёнгёз, конечно, очень удивился. Однако, с места не сдвинулся. Так пригвоздила его печаль. Или, вернее, печалью был он сам. Прокатись мимо - поудивлялся бы и забыл. Клубок вдруг остановился, развернулся и заговорил:

- Греешься, сосед?

- Ага! А ты кто?

- Я? Ёж.

- Почему я тебя не знаю?

- Я всегда был здесь рядом. Ты, наверное, не замечал. А потом мы ни с собаками, ни с лисами особой связи не поддерживаем.

- Если раньше и не знались, теперь нам придётся знаться. - Мёнгёз вскочил было, чуть не хлопнулся наземь: лапы затекли и онемели. Как же давно, оказывается, он сидит сиднем. Надо поразмяться. Так можно и совсем обезножить. Быть калекой не согласен ни за какие блага.

Поставив уши торчком, повиляв хвостом, встал он перед ежом.

Мол, готов играть и поддерживать связь.

- Я не люблю играть.

- Милый ёж, мне так хочется поиграть с кем-нибудь. Давай поиграем! - Слышал ли кто мольбу жалобней?

- Я же сказал тебе, что не знаю игр.

- Я научу.

- Не знаешь, что было с твоими родичами, которые хотели меня учить?

- Не знаю. Но у меня получится.

- Ну, тогда и ты попытайся меня научить? - Ёж свернулся в клубок.

Мёнгёз запрыгал то слева, то справа.

- Давай и ты вот так прыгай! Он слегка ткнул носом ёжика. В тот же миг отлетел как ужаленный.

- Эй, ты что?

- Я же честно предупреждал. - Хоть не смеялся. И за то спасибо.

- А-а, узнать такого, как ты, тоже полезно, - обиженно заворчал Мёнгёз.

Ничего не ответив, клубок покатился своей дорогой.

Нос перестало щипать, но веселей Мёнгёзу не стало.

- Чик, чик, чик! Чего сидишь скуксившись?

- Что ты хочешь сказать? - Только воробья и не хватало.

- Хочу сказать, чтобы ты не обижался на ежа. Он такой, в обиду себя не даст. И всегда помогает соседям.

- Кому же он помог?

- Многим. Например, мне. Если бы не он...

- Воробей зажмурился, а когда открыл глаза, прочирикал такую историю.

- Мы тогда жили на склоне во-он той скалы. Однажды, услышав невообразимый птичий

базар, высунулся из гнезда и... замер от ужаса - змея!

- Почему не убежал? - Словно в ушах раздался мамин голос: «Увидишь змею - беги!».

- Да разве убежишь от змеиного зачаровывающего взгляда? На кого уставились эти глаза, испускающие прозрачные зелёные лучи, можно считать, - не жилец. Спасибо, если успеет проститься с жизнью.

- И вдруг змея, - продолжил свой рассказ воробей, - словно взбесилась, стала извиваться кольцами, яростно шипеть, кидаться из стороны в сторону. Что случилось? Оказывается, в ее хвост мёртвой хваткой вцепился ёж. Как ни мотай его, как ни колошмать оземь - не выпустит.

- А потом что?

- Лучи змеиных глаз потухли. И я вновь очутился на этом свете... Так что, пожалуйста, не обижайся на ежа. - Вспорхнул воробей. Только его и видели.

...От жажды запершило в глотке. И тут же перед Мёнгёзом возникло, плескаясь, озеро. Конечно, в воображении. До настоящего было далеко.

Опустив голову и высунув язык, семенил

он по едва различимой тропинке среди густой травы, как вдруг чуть не ткнулся лбом в громадный кожаный мешок, туго накачанный воздухом. Отскочив, вытаращил глаза: у мешка, оказывается, были туловище и еще голова - рогатый котёл. Об ушах, похожих на лопухи, о глазах, точно плошки, говорить не приходится.

- Му-у! Что стоишь на моем пути? - Если мог говорить колючий клубок, почему бы не говорить кожаному мешку?

- Ты кто?

- Корова.

- Можешь укусить?

- Нет, могу забодать. Посторонись!

- Тропинка твоя, что ли? Я сам нашёл ее в траве. Сама посторонись.

То, что назвало себя «коровой», угрожающе нагнуло рогатый котёл.

- Ну, проходи тогда, - разрешил Мёнгёз.

- Му-у...

У озера Мёнгёз увидал множество коров. Одни стояли в воде, другие, напившись, спали на берегу. «Вон их сколько! Молодец, что уступил», - похвалил себя Мёнгёз.

Пока коровы не выпили все озеро до донышка,

Мёнгёз быстро пристроился с краешку. Только начал лакать, тут же отскочил от знакомого, лучше не знать бы, зудящего голоса: «Липучка-колючка, и здесь отыскал!».

- Эй, щенок, растёшь?

- А тебе-то что?

- Ха-ха! Коровы испугался.

- Чего смеёшься?

- Нашёл кого бояться.

- А вдруг забодает? Рожища-то у нее во-он какая!

- Пока я здесь, не дрейфь! Хочешь, я сейчас отомщу за тебя?

- Как?

Противно жужжа, овод взвился ввысь. Коровы вдруг забеспокоились, захлестали себя по бокам хвостами. Жужжалке и этого было мало.

Сбив «кожаные мешки» в кучу, погнал их в долину. Спасибо, конечно. Но хорошо, что и сам убрался вместе с ними: всю душу истерзал, все уши просверлил. Чем слышать да видеть, Мёнгёз вдвое больше предпочитал не слышать и не видеть такого благодетеля.

Спокойно напившись, взобрался на холм и стал наблюдать за небом - текучее,

переливающееся зеленью и перламутром поле. Откуда ни возьмись появились курчавые облака. Стал пасти их. Не успел отвернуться - растаяли. Зато на их месте кружило двое стервятников.

От нечего делать, стоило лишь наострить слух, послушал, о чём их разговор. Стервятники спорили:

- Твоя очередь дежурить!

- Нет, твоя!

- Я рано утром сторожил.

- Утром ты стоял вместо матери. Теперь постоишь за себя!

- Я только что вернулся с охоты, принёс ягнёнка. Если не поем, околею же.

- Всё равно не собираюсь за тебя дежурить! Сам жрать хочу.

«Тьфу! Никто не может жить без свар, по-доброму. Слушать противно», - подумал Мёнгёз.

И вдруг ноздри затрепетали. Умопомрачительный запах, который в этот момент уловил Мёнгёз, долетал со стороны, с той низины, где кружили стервятники.

Понятно, ноги сами понесли Мёнгёза туда, куда хотело ворчащее брюхо.

Вот зачем, оказывается, понадобился небесный сторож: на холме пировали стервятники, железными клювами терзали добычу - видимо, того самого ягненка, о котором говорил один из них. Вдруг кто-нибудь вздумает помешать?

Нашёлся один такой - Мёнгёз.

- Тебе что здесь надо?

- Все кушают, и я думаю немного поесть.

- Га-гы, гкх! И долго думал, а? - разразился резким смехом сквозь кашель один из стервятников. Наверное, он уже насытился доотвала. Для полного удовольствия не хватало развлечения. Так вот и оно.

- Не хочешь-ли очутиться на месте этого сладенького ягнёночка?

- Нет уж!

- Да чего с ним зря разговаривать, давайте схватим, иначе... - Что иначе, прохрипевший стервятник не уточнил.

Мёнгёз, который хотел набить свое брюхо, а не оказаться в чужом, убрался от греха подальше. Он не узнал хозяина голоса, который советовал схватить его. Между тем это был старый его знакомый...

Спустя некоторое время, когда стервятники исчезли, Мёнгёз все-таки утолил голод. В глазах у него перестало мутиться.

Эта встреча, хотя и не отличалась гостеприимством, была полезной.

Теперь, когда начинали течь слюнки, Мёнгёз осматривал небо, зная, что там, где кружат стервятники, всегда найдётся пища.

* * *

Перед тем как отправится в страну чудесных грёз и смутных видений, а, попросту говоря захрапеть с тоненьким присвистом, Мёнгёз ложился перед норой - ждал.

Так было и на этот раз. Но когда собрался в нору, слышался голос. Похоже, человеческий. «А вдруг это мой хозяин ищет меня?!»

Невозможно описать волнение, охватившее Мёнгёза - ветка, брошенная в пламя. Всего охватило жаром. Жадно потянул воздух - знакомого запаха не было.

Но опять тот же голос. И еще раз. Звал кого-то? Так и есть. Стая птиц с шумом пролетела над Мёнгёзом. Ага, что-то там интересное! Чего раздумывать, лучше отправиться на поиски. Продравшись сквозь густые заросли, Мёнгёз

вдруг зажмурился: прямо перед ним сияли два желто-оранжевых фонаря. Откуда бы здесь им взяться? Владелец этих диковинных глазищ и кричал человеческим голосом. Потому, что прилетающие птицы говорили с почтением: «Здравствуйте, филин ага!».

Мёнгёз сообразил, большая птица, важно сидящая на кусте тамариска, и есть филин. То что по ночам филин рассказывает сказки другим птицам, слышал от кого-то раньше. Почему бы и Мёнгёзу не послушать?

Схоронился неслышно, настроил слух.

- В старые-престарые времена, - начал филин, - у всех были крылья. Верблюды, слоны, носороги, крокодилы - все-все животные могли летать. Представляете себе, друзья мои... - Как опытный рассказчик, филин сделал долгую паузу. Понятно, с какой целью: каждый должен сам мысленно нарисовать картину по своему воображению.

- О-ой! - пискнул кто-то. Наверное, столкнувшись в этот самый миг с бегемотом или кем-то еще похуже, лишился чувств.

Кто-то суматошно забил крылышками. Но долго ли трепыхаться в крокодильей пасти?

Одни стонали, другие зашлись в рыданиях, иные окаменели, закатив глаза.

«Ах, какое блаженство!» - Мёнгёз парил на лёгких крыльях. Сейчас он кружился вокруг коровы, дразнил ее. Душа обмирала от восторга.

Промелькнуло несчётное множество веков. Может, даже тысячелетий.

Дав своим слушателям вволю фантазировать, филин, усмехнувшись, вернул всех на землю.

«А-а...» - вздохнули все разом. Точно пробудились от кошмарного сна.

- Когда маленьким птицам, совсем не стало житья, - продолжал вещать филин, - появилась откуда-то совсем крохотная, с ноготок, мудрая-премудрая птичка. И, собрав мелюзгу на совет, сказала так:

«Друзья! Или свобода, или смерть! Надо действовать!». «Как?» - заплакали отчаявшиеся. «Как?» - пожали крылышками смирившиеся.

Мудрая-премудрая посланница удивила и тех, и других: «Надо без усталости расхваливать землю. Говорить, что лучшего обиталища нет на свете. Тогда, возможно, большие птицы откажутся от неба».

Посомневавшись самую малость, все согласились. И с той минуты заладили на

перебой: «Ах, земля! Как она прекрасна! Разве сравнится с ней небо?.. Ах!.. ах!..». Многие поверили в это. Млели и таяли. То, что и надо было. Чтобы тебе поверил другой, должен прежде поверить сам.

И так они увлеклись, что пропищали, причирикали, прокаркали уши огромным птицам. «Правда ли?» Тех все больше стало тянуть к земле.

Многим очень она понравилась. А потомки больших птиц считали: летать - удел мелкой братии. Затем поняла природа: «Не хотите летать, кто вас может заставить?». Отняла у них крылья.

- Эй, филин ага! И у моих предков были крылья? - Увлёкшись рассказом и забыв, что он прячется, таякнул Мёнгёз.

После рассказа о летающих слонах, носорогах и гиппопотамах представить летающего пса пустяк. Тут начался переполох.

Не испугался лишь филин. Он-то давно приметил в кустах щенка.

- Само собой, были.

- Я знаю, как приятно летать, - снова размечтался Мёнгёз.

- Я тоже знаю, что ты ничего не знаешь.

- Почему это я не знаю?

- Что твоя бедная мать до сих пор вспоминает тебя, скулит, глядя в небо. Не слышишь разве?

- Не слышу... - Что-что, а слух у него дай бог. И мама говорила то же. Сейчас он имел в виду Лакму. Зачем филину надо обманывать?

- То-то, что сердце у тебя глухое! Чем бродяжничать и бить баклуши, лучше иди в сторону во-он той горы, ищи свою мать и сестру!

Куст тамариска еще качался, хотя филин после этих слов сразу же исчез. Мёнгёз, только что пребывавший в сладостных мечтах, потащился домой.

- Куда лезешь? - Злобное шипение раздавалось навстречу ему из норы.

- Здесь мой дом.

- Ш-ш-што?! Ш-ш-штобы и духу твоего здесь не было! - Шипение было уже совсем рядом.

- П-пр-ростите, я ошибся...

...Так Мёнгёз снова стал бездомным.

Глухая ночь стояла вокруг. Мраком было объято и сердце Мёнгёза. Куда идти? Где его ждут? Нигде и никто... Смертельная усталость

подкосила горемыку, и он провалился в бездну сна. Но это и спасло.

Свеженький и немножко печальный пробудился с первыми лучами солнца на склоне какого-то холма. В небесах плавали облачка: барашки, слоники, крокодильчики и прочие животные, каких Мёнгёз и не видывал до сей поры даже во сне. В траве с шорохом сновало местное юркое население. Кто-то нагло нарушил покой Мёнгёза, прошмыгнув у него под брюхом. От обиды и от щекотки щенок окончательно очнулся.

- Эй! Ты кто?

- Ящерица.

- А похожа на змею.

Ящерица в долгу не осталась.

- Эй, собака, чем валяться без дела, не лучше ли, как другие псы, стеречь какую-нибудь отару?

Вот еще! Его смеет учить какая-то вертихвостка!

- Повтори, что ты сказала! Ну? - Двумя прыжками настиг нахалку.

Ящерица в панике заметалась. Мёнгёз не отставал. В тот момент, когда приготовился

схватить, от ее туловища вдруг отделилась маленькая вёрткая змейка и задержалась перед самым носом щенка.

Было отчего вытаращиться: живой хвостик то сжимался, то разжимался.

Пока Мёнгёз удивлялся, ящерица улизнула.

- Эй, эй! Штаны остались, стой!

Но ящерица и не подумала возвращаться.

Мёнгёз еще немного понаблюдал за живым хвостиком и, подумав, что это ему подарок, обиженно проворчал:

- Да зачем мне твой хвост нужен?

...Небо и не собиралось вспухать чёрными тучами, сверкать ослепительными клинками, низвергаться бурными потоками - сияло себе лазорево. Вообще-то Мёнгёз подумал так, услышав знакомый грохот.

Земля тряслась. И дрожь всё усиливалась. Взобравшись на вершину холма, он увидел то, что и ожидал, - по долине скакал табун.

Конечно, вёл его вороной жеребец. Только теперь, при свете разгорающегося дня, Мёнгёз приметил на лбу его белую звёздочку.

Наверное, это был самый красивый конь на свете! Мёнгёз во всяком случае не сомневался.

- Правда, я быстрый? - Жеребёнок вдруг на скаку остановился перед Мёнгёзом, перебирая ножками-тростинками.

- Да, хорошо скачешь! - Как думал, так и сказал.

- А кто ты? - Вот это да! Жеребёнок вспомнил, что не успел еще познакомиться.

- Я щенок. Пришёл поиграть с тобой.

- А можно мне играть с тобой?

- Не знаю.

- Тогда посиди немного. Я сбегая к маме, спрошу.

- Долго не задерживайся!

Жеребёнок вихрем сорвался с места. Вихрем же и вернулся: разрешила.

Только-только вошли в настоящий азарт, как лошади начали собираться.

- Иди сюда! - Стройная высокая кобыла, потряхнув шёлковой золотистой гривой, фыркнула - позвала жеребёнка.

- Мама, дай еще чуть-чуть поиграть...

Лошадь заржала так, что и Мёнгёз догадался по голосу: дальнейшее пререкание не сулит другу ничего хорошего.

- Иди... - Уши Мёнгёза опустились.

- Ну, я пошёл. - Хвост жеребёнка, только что стоявший султаном, тоже поник.

А через минуту Мёнгёз с невыразимой печалью видел, как табун уже разворачивался в долине, набирал скорость. Его друг скакал рядом с могучим отцом и очень походил на него. «Когда вырастет, и он обязательно будет сердаром»*.

- Вспомнив слова жеребёнка, Мёнгёзу стало стыдно: неужели он мог заподозрить своего друга в хвастовстве?

Сухой ливень копыт бил по травам. Сотрясая холмы, кони ускакали.

* * *

И еще одна ночь наступила. Но это была блаженная ночь. Стоило Мёнгёзу закрыть глаза, тут же ему стал сниться сон. И тоже непростой. Словно наяву он увидел то, что было с ним совсем недавно, на самом деле. А было вот что. Итак, по порядку.

Несколько дней назад мама-лиса повела всю ораву на очередной урок. Как всегда Мёнгёз с толстячкой Наши вразвалку плелись в хвосте, не очень-то обращая внимания на недовольство

* Сердар - предводитель

матери, требующей поторапливаться.

- Давай поднажмём! - Что он такого сказал обидного. Ведь мама права.

Но Наши вдруг обиделась. Впрочем, дело обычное: и раньше надувалась ни с того ни с сего.

- Нашёлся мне, торопыга!..

- Да ладно тебе! Я же летал, знаю: когда быстро - хорошо. Ты только представь, Наши, ты летишь, как птица! - Мёнгёз чуть не задохнулся от нахлынувшего восторга: он-то представлял.

- Ха-ха! Кто тебе верит, кроме тебя самого?

- Что-о? Я не летал?! Давай спорить!

- А как ты докажешь?

- Докажу!

- Не докажешь, твой ужин - мой.

- Согласен. Идём!

- Куда это?

- Идёшь или сдрейфила?

- Кто, я сдрейфила? Идём!

Сказано - сделано. И, свернув в другую сторону, потопали, куда им было надо.

Стервятника они увидели еще издалека. Тот тоже их заметил, насторожился на всякий случай: что надо?

Несказанно обрадовавшись, что не пришлось искать знакомого стервятника слишком долго и потому позабыв поздороваться, Мёнгёз не стал церемониться, сходу приступил к делу.

- Скажи я летал с тобой?

- Что-о? И за этим ты пришел ко мне? Ну-у, бездельник! Такого, как ты, вижу в первый раз!

- Скажи, пожалуйста, правду, чего тебе стоит? Я привёл Наши, чтобы она тоже слышала.

- Да-а, - вздохнул стервятник. - А теперь убирайтесь с глаз моих прочь.

- Ну, слышала? - возликовал Мёнгёз, пропустив мимо ушей нелестные слова стервятника.

- Слы-ы-шала, - понурилась Наши.

А Мёнгёз уже вновь пристал к стервятнику.

- Снова полетим?

- Хорошего помаленьку! - прохрипел тот, хмуро глядя на крутящего хвостиком, улыбающегося до ушей препротивного пакостника.

- Эх, полетать бы!..

Знал бы, Мёнгёз, как того же хотел и его добрый знакомый! С того самого дня, когда они рухнули на вершину холма, крылья ни разу не могли поднять стервятника в небо. Тогда же он

стал несчастным - жил, питаюсь чужой добычей. Но разве это жизнь для гордого властелина небес? А виноват в этом был он, щенок! Лишь бы не показать ему своего бессилья...

- Не подходи-и!

- От тебя так вкусно пахнет мясом...

- Глаза выключю! - заскрипел стервятник.

- А как ты выключаешь мои глаза?

Оказывается, от ярости можно чуть не зарыдать.

- Глупец! Пора бы уже познать страх.

- Меня же не учили...

- О-о, небо! Эх, я бы тебя!.. - Чего стоит злость колченогого инвалида?

Если бы не Наши, торопившая Мёнгёза домой, поговорил еще бы.

- До свиданья, дяденька!

- Нет уж, прощай навсегда, племянничек!

Всю дорогу обратно друзья думали о печальном стервятнике.

Может, все стервятники печальные, когда не летают высоко в небе?

- Тебе хочется летать?

- Спрашиваешь...

- Тогда я попрошу дяденьку взять и тебя тоже.

Нам с тобой всегда весело вместе.

- А мама разрешит?

- Маме о таком серьезном деле лучше не рассказывать. Мама хочет, чтобы мы всегда были рядом с ней...

Так всю дорогу говоря о небе, они не заметили, как сами полетели. Пока, конечно, в мыслях. Но правда и то, что даже не чувствовали, что их ноги касаются земли. И не поэтому ли домой пришли так быстро?

* * *

И опять спозаранку брёл Мёнгёз куда глаза глядят.

- Ме-е-е... ма-ма!.. Ме-е-е... ма-ма!..

Еще не видя глазами в густой траве обладателя жалобного голоса, Мёнгёз каким-то непонятным образом чувствовал крохотного мекалку.

Может, кто бы и прошёл мимо, только не Мёнгёз.

- Что ты здесь делаешь?

- Ищу маму, она только что была тут. Я уснул, а когда проснулся, ее уже не было...

Мёнгёзу ли не понять скорбь потерянного, одинокого!

- Пошли, я помогу тебе найти маму!

Легко ли успеть ягнёнку за щенком?

- Э-эй!.. Ме-е-е...

- Ну чего ты?

- Я же не могу поспеть за тобой. Нельзя ли идти медленно - медленно?

Поплелись черепашным шагом. Всё равно скоро ягнёнок устал.

Присели передохнуть. Оказалось, у Мёнгёза есть нервы: еле сдержался, чтобы не облаять копушу. Э-эх, как же ему хотелось мчаться по траве, взлетать на холмы и кубарем, как перекаати-поле, скатываться вниз! Не выдержал, наконец.

- Ты посиди, я сейчас! - Ноги понеслись сами, взлетели на вершину холма. А в следующее мгновение Мёнгёз катился кубарем по склону.

Когда, запыхавшись, он вернулся, ягнёнок, сладко сопя, спал.

«Бедняжка». - Неужели можно было на него сердиться? Сердце Мёнгёза таяло. А спустя некоторое время он и сам ощутил, как приятная тяжесть разливается по телу.

- Ме-е-е... ма-ма!.. Ме-е-е... ма-ма!..

Зевая и не раскрывая глаз, Мёнгёз понял, что он тоже, оказывается, слегка вздремнул. И вот теперь ягнёнок разбудил его. Дальше пошли уже

бодрее. И разговор повеселел.

- Когда придём домой, ты будешь со мной играть?

- А как же! - Разве не игра была тем, чем Мёнгёз не мог насытиться в этой степи? А слово «дом» вызывало в его памяти такое волнение, какого еще не испытывал в жизни, - перехватило дыхание.

Сейчас он увидит свою мать, сестрёнку, Дурды ага, осла - всех-всех... И он увидел их. Наверное, сердце становится иногда зрячим.

- Наши-наши! - вдруг запищал ягнёнок.

Навстречу им катилась маленькая тёмная точка. С каждой секундой она росла. И вот уже превратилась в огромную лютую собаку. Она никак не могла быть его матерью: что-что, а запах злого зверя отличается от доброго.

- Прощай, мекалка!

- Ты куда?

Но Мёнгёз ничего не ответил. Может, не услышал вопроса, удирал во все лопатки. По старой памяти встреча с чужой собакой ему не очень улыбалась. А за ягнёнка беспокоиться было нечего: дома его не обидят.

* * *

Что остаётся, когда ты один на всем

белом свете? Мечта. Увидь он сейчас доброго стервятника, сказал бы: «Ты - мой единственный друг, давай полетим!». - Не обиделся бы, если бы тот начал сердиться, говоря:

«Эх, дурачок, дурачок! Откуда ты свалился на мою голову? Это из-за тебя я не могу летать». - Мёнгёз придумал, что ему ответить, и это было самой настоящей правдой: «Ты только пожелай, тогда получится. Когда очень-преочень хочется, все получается».

Небо сияло бескрайне, влекуще. Очутись Мёнгёз рядом с пушистым облаком, наверняка сразу увидел бы своих. Думая так, он прибавил прыти: на этот раз был как никогда уверен, стервятник пожалеет его и взлетит. Неужели это случится? Конечно! И сомневаться нечего, потому что душа его уже пела! А так бывает, когда ты летишь.

Кому-кому, а Мёнгёзу это было известно лучше многих.

Но где же стервятник, который должен был поднять его высоко-высоко?

На вершине холма, где он теперь обычно сидел нахохлившись, изредка бродил, прихрамывая и волоча по земле крылья,

никого не было. Мёртвая тишина стояла вокруг. Неясная тревога в тот же миг охватила Мёнгёза. Он жалобно заскулил, давая знать о своем приходе.

Не мог же стервятник улететь один, бросив его на произвол судьбы.

Но никто не показался на голой вершине. Тогда он обошёл холм и на самом спуске увидел своего друга. Стервятник, раскинув громадные крылья, лежал бездыханным. Словно перед тем хотел взлететь. и, возможно, он взлетел последний раз, собрав остатки сил...

Может быть, сердце не выдержало - остановилось. Подойти ближе у Мёнгёза не хватило сил, и так всё было ясно. Какое-то время Мёнгёз молча сидел, а потом побрёл прочь. С этого момента он знал, что сюда больше никогда не вернётся, и стервятник больше с ним никогда не взлетит.

Кто-то окликнул Мёнгёза. Или просто почудилось. Обернулся - гора. Та самая Гарлыдаг маячила. Будто звала. И Мёнгёз побежал навстречу горе. Долго бежал без усталости. День. И другой. Вот и неделя минула. Много отар обошёл он в поисках мамы. Но слышал везде один и тот

же ответ: «Мы тебя не видели и не знаем, свою мать ищи в другом месте!».

А гора и не собиралась приближаться. Хоть на чуть-чуть. Наоборот. Казалось, она убегает прочь от него. Может, обиделась? Но думать об этом Мёнгёз не хотел.

«Дай пожевать чего-нибудь! Дай, тебе говорят». Это кто еще ворчит да приказывает? Догадался: брюхо. Его собственное. «У-у, обжора!» Если бы не оно, что заставило бы Мёнгёза остановиться, потянуть носом вечерний воздух. Перебивая божественный аромат цветов, из-за холма доносился не менее божественный запах - мясо! Так и есть. Стоило только взобраться на холм, чтобы увидеть внизу костерок. «Хо-очу-у шашлычка-а!» - снова заныло ненасытное брюхо. Приказав ему заткнуться, Мёнгёз притаился в кустах: ведь когда-нибудь эти странные существа, люди, насытятся и уйдут. Тогда и наступит очередь ему полакомиться «готовой добычей». Может, кому-то любопытно, почему люди показались Мёнгёзу «странными»? А потому что размахивали руками, вскакивали, обнимались, потом плюхались на землю; и тогда раздавалось бульканье и звяканье, после чего

противный запах бил Мёнгёза прямо в нос.

Потом люди стали громко горланить. Их резкие, визгливые голоса терзали слух. Но... если решено теперь, надо вытерпеть всё.

Эх, филин, филин! Взял и все испортил. Кто его просил узнавать Мёнгёза? Летишь по своим делам - ну и лети! Нет же. Завёл свою волынку.

- Иди, иди, щенок. Ты правильно идёшь. Лучше найди свою маму, пока ты ее не забыл. Тебе еще многому надо научиться у матери. Не будешь отличать друга от врага - хлебнешь горяшка!

Мёнгёз хотел было пожаловаться филину на гору, но в этот момент один из сидящих у костра вскочил и схватил лежавшую рядом палку, навёл ее в их сторону. Из палки вырвался гром.

Кто бы остался сидеть на месте? Филин, пронзительно ухнув, куда-то исчез. Только два пера кружили в воздухе. Мёнгёз уже был далеко и мчался сломя голову. Гроыхнуло снова. И тотчас кто-то укусил его в заднюю ногу, и он свалился без памяти. Но бесчувственное тело Мёнгёза само еще проползло два-три шага. Какая то необъяснимая сила заставила его двигаться - дальше, дальше от людей. Ночь,

укрой и спаси! Скройся в тёмную тучу, луна, не выдай несчастного!.. Луна послушалась, вошла в облако.

Очнулся Мёнгёз от озноба. Боль пронзила его насквозь. А мысль: “Кто вонзил клыки? Кто мог настичь его, быстрее из быстрых?” - разламывала мозги. Знал бы Мёнгёз, что чувство, какое теперь он испытывал, называется страхом. И снова вздрогнул. На этот раз не от холода. Наоборот: бросило в жар.

* * *

Для Мёнгёза начались мучительные дни.

Прежняя жизнь! Лучше бы ее не вспоминать. Но это было не в его власти и обычно случалось во сне: он видел себя то летящим в голубом небе, то бегающим по зелёным холмам вперегонки с жеребёнком, то пасущим заблудившегося ягнёнка, которого он привёл к маме... Сон также быстро исчезал, как и появлялся. Не раз пробуждался от громкого стога. Оказывается, это он скулил сам. Прежде мог храпеть без задних ног. Теперь они-то и не давали покоя.

А если добавить, что к боли примешивался нестихаемый голод, нетрудно представить то жалкое существование, какое влачил Мёнгёз.

Во что превратился - скелет на цыплячих ножках. Да и то на трёх.

Четвёртую волочил. Бывало, когда силы совсем покидали его, полз на брюхе. Терпеть можно многое, только не жажду.

Самое же гнусное и позорное: мошкара теперь безнаказанно донимала бедолагу. Еще и издевалась, как старый знакомый овод: «Ты теперь меня не укусишь! Лучше и не дёргайся, а я пососу твою рану в свое удовольствие. Знаешь, небось, как вкусна кровь, а?».

Когда, во-первых, Мёнгёз кусал этого надоеду? Очень нужно! Если и щёлкал пастью - понарошку. Попадись на клык - мокрого места не осталось бы.

Во-вторых, он узнал, что ранен. И укусила его палка, из которой вылетел страшный гром. Гром рассыпался раскалённым железным горохом, теперь он сидел в ноге. И оттого жизнь превратилась в пытку.

Неизвестно, как вынес бы, не навещай его то ёж, то черепаха.

Черепаха подсказала ему и укромное местечко - старую нору, в которой отлеживался. «Терпи, щенок. Твои предки выносили и не такие недуги. Терпение, доброе лекарство. Оно тебя излечит.»

А ёжик при каждой встрече сообщал какую - нибудь новость: «Не будешь есть - не поправишься. Если пойдёшь к подножью вон той скалы, там - «готовая добыча». Вчера детёныш кулана, бедняжка, внезапно сорвался в пропасть.»

Все-таки, что ни говори, самое лучшее лечение на свете - душевное слово. И это знали много повидавшие на своем веку черепаха и ёж.

* * *

Такое случилось с Мёнгёзом не в первый раз - ночь застигала его в степи. Нечего было и мечтать добраться до норы: покалеченная нога снова перестала слушаться. От острой, пронзившей насквозь боли, наверное, потерял сознание. Очнулся он от какого-то странного шума.

В темноте кто-то дрался. И, видно, не на жизнь, а на смерть.

Приглядевшись, Мёнгёз различил собаку и волка. У обоих яростно горели глаза, лязгали клыки.

Ну и зрелище! Ничего подобного Мёнгёз не представлял.

- Гав! Гав! Кто бы на его месте удержался при

виде столь увлекательной игры?

В тот миг, когда волк оглянулся на голос, огромный пес вонзил клыки в его незащищённое горло. И - всё было кончено.

- Это был ты? - Победитель тяжело дышал.

- Который? - растерялся Мёнгёз

- Который залаял. Который пришёл на помощь.

«Что я опять натворил? Наверное, и правда: я - дурачок...»

- Я. - Сейчас волкодав намнёт ему бока. И поделом!

- Молодец! Теперь я у тебя в долгу.

Сказать честно, Мёнгёз не очень понял, за что вместо хорошей трёпки удостоился похвалы.

- Когда ты залаял, волчара подумал, что нас много, и дрогнул. Тут уж задушить злодея - сам Бог велел.

Вообще-то Мёнгёзу было немного жаль волка, но больше - приятно, что пригодился единокровному брату. Правда, тот не поспешил сейчас же вернуть должок, однако подтвердил на прощанье: «Помни!».

Понимай, мол, так: выручу из беды, когда

стрясётся... Что беда уже стряслась, пес не заметил - темно же. А жаловаться Мёнгёз постеснялся.

* * *

Как ни желал Мёнгёз, как ни желали соседи - рана его не заживала. Перо отказывается описывать муку, какую он терпел. Боль так изнурила, извела беднягу, что даже на скулёж не оставалось сил. О, если бы нашлось местечко на всей огромной земле, где страдания утихли бы, отпустили бы на минуту! Увы и ах, видно, не было такого.

А что толку жалеть, если ничем не можешь помочь? Может, оно и так. Но все же...

Сначала Мёнгёз подумал, что ему померещилось: однажды днём холм вырос прямо на глазах. Вернее, у него появилась новая странная вершина, изнутри которой шёл назойливый непрекращающийся гул.

Сомнения быть не могло: все это ему снится или он попросту бредит.

Однако скоро все исчезло, растаяло в мареве, он забылся.

Когда же он очнулся уже в темноте, там, на вершине холма, весело помигивала звездочка

- костерок. Рядом суестились силуэты каких-то людей. Не тех ли, один из которых выпустил гром из кусачей палки, которая на самом деле оказалась ружьём? Правда, об этом он узнал совсем недавно. Но лучше поздно, чем никогда.

И вот теперь Мёнгёз пополз навстречу неизвестности. Что ждало его: приют или выстрел? Но страха не было. Ни капельки. Уж лучше смерть - лишь бы избавиться от невыносимой боли.

Полз всю ночь напролёт. Небо начало уже светлеть, когда добрался до подножья холма. Костёр то ярко вспыхивал, взмахивая рыжей гривой, то ослабевал, пыхая и задыхаясь. И в тот момент, как пламя готово было упасть и потухнуть, из палатки вышла женщина и, взяв из рядом сваленной кучи охапку сучьев, подкормила огонь. И он снова заплясал по-прежнему, загудел радостно. А звёзды будто поднялись повыше, прищурились от ослепительного света. Не обожгитесь, звезды!

Как же, оказывается, давно Мёнгёз не наслаждался теплом, не ощущал запаха человеческого жилья!

Не поэтому ли, как знать, почувствовал он облегчение? Другой же причины как будто не было...

Вскоре из другой палатки выбрался взлохмаченный усатый великан. Потянувшись с хрустом, он закурил и начал не спеша спускаться с холма.

Ведь только совсем недавно Мёнгёз ничего не боялся. Почему же холодный противный страх вернулся снова? Великан в громадных сапожищах двигался прямо на него. Стоит ему наступить - и... Нет, теперь Мёнгёз уже хотел побыть на этом свете, где пылает добрый огонь, где по ночам небосвод усеян звёздами, где мчатся по холмам чёрные кони, где... Да мало ли чего есть чудесного, что он должен еще увидеть своими глазами.

Великан грозно приближался.

Кто бы на месте Мёнгеза не затрясся от ужаса, представив, что случится? Как ни сцепил намертво зубы и как ни зажмурился крепко-крепко, но все равно заскулил. Вернее, то заскулил в нём страх.

Человек от неожиданности остановился. И в

следующее мгновение он не кинулся опрометью в палатку за ружьём, а чиркнув спичкой, принялся рассматривать незванного гостя. То, что перед ним собака, он установил без труда. Так же быстро понял, что собака ранена.

Если бы Мёнгёз мог уползти обратно в степь, в необъятное пространство уже убегающей ночи! Что привело его сюда, что за наваждение, какому он не смел не подчиниться, манило его к человеку?

Разве маленьким щенкам, к тому же бездомным, дано знать такие премудрости? Силёнок хватило только на стон: «Я пойду...я пойду...».

Человек не понял слов Мёнгёза. Впрочем, так устроено испокон веков: собаки почему-то понимают людей, а людям собачий язык кажется

*Если попытаться рассуждать о разных премудростях, то, честно признаться, даже многие взрослые люди, не говоря о собаках, часто не отдают отчёта, что их влечёт в опасный путь, чем притягивают звёзды, потому они с кем-то дружат, а с кем-то - враги. Э-э, рассуждать на эту тему можно бесконечно. Жаль, что многим лень даже думать об этом. Зря!

чуть ли не иностранным. Но таким, который знать не обязательно. Жаль...

- О-го, дурочок, я вижу, ты покалечен. - Голос великана был совсем не страшен. Наоборот, ласкал слух. И даже намёка на угрозу не таилось в нём.

Когда Мёнгёз с превеликим трудом приподнял голову (не мог же быть таким невежей, чтобы не поблагодарить хотя бы взглядом), то первое, с чем он встретился и что запомнил на всю жизнь, были добрые человеческие глаза. И уже совсем-совсем без сил закрыл отяжелевшие вдруг веки. А голос продолжал звучать.

Но слышал его Мёнгёз как во сне.

- Схватка с волком - не шутка. Ничего, ты еще очень молод, отомстишь. За битого двух небитых дают.

Хотя Мёнгёз чуть было не взвизгнул от гордости: ведь сам великан посчитал его героем, схватившимся с волком, но вспомнив, как все было не самом деле, опустил голову. Будь он человеком, то, конечно, покраснел бы от стыда.

- Ты пришёл к нам за помощью - правильно сделал. Давно бы так. Запустил рану, друг...

* Уста - мастер.

- Что случилось, уста* Джепбар?

- Собаку Бог послал, ребята! - Поглаживая жёсткие усы и широко улыбаясь, объявил великан подошедшим двум великанам поменьше.

- Шутите, уста?

- Самую малость. Конечно, щенок сам пришел к нам за помощью. Но направил его Бог.

- Как так? - От изумления молодые великаны разинули рты и округлили глаза.

- Говорят же, собака и лошадь всегда тоскуют по человеку. А кто их такими создал, а? Огромный великан хотел развить перед несведущими недорослями свою мысль, ради чего вдавил в землю папиросу, предварительно выпустив клуб дыма из носа, но тут вмешалась тётя, хранительница очага.

- Довольно вам балаболить! Не видите, божье создание корчится от боли? Может, Господь и послал беднягу за помощью к людям, да, видать, ошибся: не к тем! - Отчитав таким образом собравшихся доморощенных мудрецов, она осторожно, как ребенка, взяла Мёнгёза на руки и унесла в палатку. Там, оказывается, все уже было

готово: мягонькая, почти воздушная подстилка - ах, неужели такое бывает? От аромата похлебки закружилась голова, и в глазах почему-то промелькнули мама, сестрёнка и... что-то очень давнее и приятное. Но что не разобрал: уснул блаженно.

Во сне Мёнгёза кто-то ужалил. «Чего он ко мне прицепился?»

Ясно, кого имел в виду - овода, но пробудиться, чтобы отомстить немедленно, не было сил.

Сказать по правде, щенок ошибся на сей раз: ужалила его тётя Дуся. Не сама, понятно, - йод. Смазав гноящуюся рану, туго перевязала ее масляной тряпицей.

- Да-да... люди... - Кто это промолвил? В данном случае Джембар ага. Но мог бы и ты, малыш, слушающий или читающий столь печальную историю про беспризорного щенка.

...«Зачем это Джембар ага через каждые пять минут* смотрит в небо? Чего он там забыл?»

*Конечно, Мёнгёз не имел часов, да и вообще, не различая времени, повторял про себя чужие тёти Дусины слова: «Что ты каждые пять минут смотришь в небо?».

Тут и гадать нечего, кто так думал, - Мёнгёз. И, скажем, не был далёк от истины: уста ждал. Ждал вертолёта, чтобы отвезти найдёныша или, вернее, посланного Богом к ветеринару. То, что сердце Мёнгёза, невольно пялившего глаза в небо вслед за великаном, ёкало, можно было бы и не говорить. Если же сказали, тоже жалеть не о чем.

Бывали редкие минутки, когда жжение в ноге прекращалось, и лежанка в палатке начинала казаться Мёнгёзу тем самым заветным местечком на земле, где нет боли. Но... э-э, она находила его и здесь, стоило тёте Дусе отлучиться по делам. А дел у нее, как успел понять, ох невпроворот. Значит, хитрая и нахальная боль боялась только ласковых рук Дуси джан*, как называл ее иногда Джепбар ага.

И вдруг небо зажуужало, загудело. Поднялся такой ураган, что палатка надулась и вот-вот готова была взлететь. Наверное, несметные полчища оводов решили наброситься на беспомощного Мёнгёза и выпить его кровь до капли!

*Джан - душа моя.

Если бы не руки тети Дуси, он наверняка бы умер от страха.

Небо постепенно утихомирилось. И вместо чёрной тучи, готовой впитаться в него миллионом* острых иголок. Мёнгёз, приоткрыв один глаз, в щёлочку увидел гигантскую птицу, преспокойно сидевшую на земле. Птиц, как известно, он не боялся.

- Вот и твой вертолёт, - почему-то вздохнула тётя Дуся, передавая Джапбару ага из рук в руки Мёнгёза бережно, как новорожденного малыша. То ли ягнёнка, то ли человеческое дитя.

Ну и открытие! Оказывается, птица - железная, а не живая. Чего не покажется со страха: «Все-таки прав был филин: есть много, чего я не знаю. Потому, наверное, и боюсь».

Теперь, когда он очутился в гудящем брюхе этой самой птицы, Мёнгёз и не подумал испугаться. Во-первых, на руках Джепбара ага было почти так же хорошо, как на тёти Дусиных. А во-вторых, он летел!

Вот оно, оказывается, счастье, о котором вначале он и не догадывался.

* Считать Менгёз, конечно, умел. Правда, только до двух. Миллион в его понятии великое множество.

Уставясь вместе с Джеббаром ага в круглое окошко, Мёнгёз видел все то же, что и тогда, в первый раз полёта со стервятником. Кто подзабыл, пусть перелистает книжку назад.

Что и говорить, было бы куда лучше, если бы Джеббар ага умел летать без вертолёта, тогда бы небесный ветерок обдувал и гладил мордочку Мёнгёза. Ах, как это приятно! Где «ах», там «эх», коли знаешь, что глупо предоваться пустым мечтаниям. И так замечательно!

И боль пропала. Наверное, там, далеко внизу, она скрежещет зубами от ярости. Где ей угнаться за железной грохочущей птицей!

«Ага, значит, есть все-таки местечко* в мире, где нет боли. И это - небо.» С этой мыслью Мёнгёз незаметно задремал, и ему приснился чудесный сон: мама, увидев блудного сына, и сестрёнка - блудного братца, прыгают от радости.

* Стоит напомнить о каком местечке мечтал Мёнгёз: о том, где нет боли.

Часть вторая

Из-за дальних холмов торжественно поднимался красный воздушный шар - солнце!*

Оно вольно разгуливало по небу и вдруг... замерло на минутку. Почувствовало, что удивлено. С чего бы? А-а, вон оно что!

Далеко внизу увидело маленькие белые сугробы; они плавали друг за другом гуськом.

Снег среди лета - чудо неслыханное! Но кто бы стал возражать, случись оно? Солнце и не подумало. Наоборот. Ему так захотелось спуститься с высоты и поиграть в снежки, что ради этого удовольствия оно готово было превратиться в ...кого? Ах, да, в кого угодно. Во всяком случае, в ТОГО, КТО ЛЮБИТ ИГРАТЬ В СНЕЖКИ.

Вообще-то кое-кто может усомниться: откуда, мол, известно, чего хочет солнце? Кому как, но лично Мёнгёз был уверен, что так оно и есть; что это он внушил солнцу, будто белые ослепительные островки облаков - снег. Думать о снеге в такую умопомрачительную жару было

* Помнится, прежде солнце казалось Мёнгёзу огненным колесом. Ничего удивительного: тогда он еще не бывал в городе и не видел воздушных шаров.

просто необходимо: и приятно, и полезно-колючий холодок, точно ёжик, шмыгает туда-сюда промеж лопаток.

Если говорить, о чём думал Мёнгёз, то нетрудно догадаться, что он находится где-то рядышком. Как бы иначе мы читали его мысли?

Во-он он: разлёгся и лежит собственной персоной в тени за палаткой.

Не спорим, может быть кому-то интересно узнать, как звериный доктор колдовал над бесчувственным* телом Мёнгёза, ловко выколупывая пинцетом дробинки, как потом щенок заново учился ходить и еще о многом-многом... Однако, раз сам Мёнгёз предпочитает об этом помалкивать - при одном воспоминании становилось нестерпимо больно, то и мы не станем беречь словами раны. Тем более, чужие.

С тех пор, как Мёнгёз, став на ноги, зажил среди геологов, открытие следовало за открытием. Казалось, им не будет конца. Если прежде Мёнгёз был просто любопытным ротозеем, праздно пялившим глаза на всё и совавшим нос куда ни попадя, то теперь в нём

* Станешь бесчувственным, если усыпят наркозом.

пробудилась любознательность. Разница - если кто не прочь пораскинуть умишком - бо-о-ольшая! Можно сказать, преогромная.

Как известно, интерес начинается с удивления. Так вот. Мёнгёза больше всего поразила железная жердь, которая бешено вращалась и с визгом ввинчивалась в землю. Ну, конечно, то был самый обыкновенный бур. Так и ходил: то вниз, то вверх, доставая геологам породу. Девушка одна складывала ее в особые целлофановые пакетики, всякий раз что-то записывая в блокноте.

Смотрел, смотрел на это Мёнгёз - надоело. Да и землю было жаль.

Сколько должна еще терпеть? Все это в конце-концов явилось причиной того, что Мёнгёз окончательно охладел к геологии. А почесав лапой за ухом, он вспомнил, что у него своих, собачьих обязанностей, полным-полно. Чья, к примеру, забота охранять палаточный лагерь от шакалов? Его! Мёнгёза! А раз так: вот и защищай!

Прежде шакалы были полновластными хозяевами помойки: все объедки принадлежали им. Теперь Мёнгёз шакалов и близко к лагерю не

подпускал.

Стали шакалы думать-гадать, как бы им избавиться от незванного пса? Решили известить его, и вот что придумали: ближе к ночи рассядутся на холмах и взгорках, окружающих палаточный лагерь, и начинают выть своими противными шакальими голосами.

- Кто тебя звал, паршивец!

- Откуда ты только взялся, безродный бродяга?

- Убирайся прочь! Это испокон веков земля наших предков!...

Много еще разных оскорбительных слов пришлось услышать ушам Мёнгёза, что, понятное дело, выводило не привыкшего к брани щенка из себя; даже готов был порой выскочить из шкуры. Но не гоняться же за визгливой шушерой - терпел изо всех сил. Решил про себя, что расплатится с лихвой, когда представится удобный случай. Смирился как с неизбежным злом. Почему «неизбежным?» Да потому, что никогда не бывает так хорошо, чтобы не нашлось хоть маленького сучка или задоринки, какие нет-нет, а попортят на некоторое время безоблачное настроение.

Так минуло несколько дней. И, естественно, ночей. Второе - поважнее: хулиганские выходы шакалов выпадали, в основном, на ночь.

Видя, что щенок чихает на их издевательские речи и грубые насмешки, шакалы очень расстроились и собрали совет мудрейших: что можно еще предпринять, чтобы выжить-таки гнусного разбойника (так величали Мёнгёза шакалы) со своей законной территории? Но много ли проку желать, чтобы земля разверзлась и проглотила супостата? Ничуть не больше, чем кричать: «Порази его молния!». Солнцу тоже не прикажешь испепелить захватчика.

- Жизнь или смерть! - решительно тявкнул предводитель шакалов.

- Жизнь или смерть! - хором подхватили остальные участники Великого совета и при этом принялись грозно вращать запывавшими от ярости глазами.

- Кто?! - Все как один затрепетали от неожиданного неизбежного вопроса. Каждый воотчию представил себя стоящим лицом к лицу с могучим, не знающим пощады врагом. Впрочем, мудрейшим это не грозило. Совершить невиданный подвиг доверили молодому, но уже

матерому, закалённому во множестве схваток шакалу, из которых тот неизменно выходил победителем.

- Эй, трус!

Разомлевший от зноя щенок, валявшийся на траве с закрытыми глазами, мигом вскочил как ошпаренный: так его никто еще не оскорблял! Кто посмел?

- Если у тебя есть честь, выходи на поле! - Гнусный голос принадлежал мерзкому шакалу.

«Как, он нарушил границу? Разорвать его за такое преступление мало!» Кровь закипела в жилах разгневанного Мёнгёза. Но ученик премудрой лисицы («Э-эх, где она теперь?») не бросился сразу на стоявшего в воинственной позе наглеца: улизнет - и поминай как звали.

Наоборот, притворился, что страшно испуган.

- Ты что, братец, чем я тебя обидел? Прости, если...

- Какой я тебе «братец», собачье отродье?! - забыв, что минуту назад он уже простился с жизнью, шакал вдруг стал надменным. - Если боишься, так и скажи, и убирайся отсюда подобру-поздорову! Ну? - Мёнгёз (о, хитрюга!)

дрожал, поджав хвост.

- Ладно, - милостиво твякнул нахальный шакал. - Чтобы не было тебе вечного позора, выходи на поединок. Потреплю малость и отпущу. Согласен?

Когда Мёнгёз спустился по склону вслед за шакалом, выскочившие из засады шакалы взяли его в плотное кольцо.

«Ах ловушка? Тем лучше!» О таком счастливом случае разделаться с обидчиком он не мог и мечтать: теперь тому никуда не деться.

Будь здесь его мать-лиса, с каким бы удовольствием залилась она хихиканьем: все-таки кое-чему научила недотёпу!

Шакал между тем победоносно оглядел сотоварищей, мигнул Мёнгёзу, готовый начать трёпку. Всерьёз или понарошку - там видно будет.

О, глупость! Кто в первый, а кто лишний раз пусть убедится, что она - родная сестра нахальству. Не успел шакал и глазом моргнуть, как уже истошно вопил, схваченный за горло.

А что же другие шакалы? Только их и видели: кинулись врассыпную, предоставив трепыхающегося товарища самому себе и воле его

соперника.

Конечно, Мёнгёз не слишком гордился своей победой. Вернее, не гордился совсем. Разве щука торжествует, проглотив несметное количество мальков? И волк, задравший баранчика, тоже не трубит на весь свет об этом, как о неслыханном подвиге...

- Проклятый пёс! Пусть покарает тебя гнев нашего шакальева Бога!

- Трепещи, жестокий убийца! Мы еще встретимся с тобой!...

Очухавшиеся от пережитого смертельного ужаса шакалы сбились в кучу и бушевали пуще прежнего, распаляя себя собственным визгом и воплями.

А что Мёнгёз?

Что будет потом, тогда и увидим. Добродушие, скаким он отвечал на угрозы и проклятия, ничуть не утихомирило «храбрых» шакалов. Но Мёнгёз перестал их слушать. Пусть тешатся, тявкают себе на здоровье.

Ему пора домой. Что он и сделал, направившись вразвалку восвояси.

Быстро утешиться шакалам не удалось. Еще несколько ночей они взбирались на окружающие

холмы и призывали всяческие кары, земные и небесные, на собачью голову Мёнгёза. Но...

В какую-то ночь, когда луна сияла особенно ярко и можно было ожидать особенно злобного концерта, всех поразила оглушительная тишина. Ни звука. Стоит ли принимать учёный вид, обхватывая голову руками, будто отгадываешь какой-то таинственный секрет: ах! что бы это значило? Ах, ах!..

Все объяснялось очень просто: поняв, что Мёнгёза не выжить никакими оскорблениями, шакалы смирились с горькой судьбой и печальные понуро отправились на поиски новой родины, где не будет противных и ужасных собак.

Шакалы ушли и унесли с собой легенду об отважном батыре* - гордом Шакале (теперь его имя произносилось с большой буквы), вступившем в поединок за честь всего шакальского рода-племени и... повергшем необыкновенное чудище в прах.

Скажете: неправда! О-о!

Кто знает-ведает, что есть победа, а что поражение?

* Батыр - богатырь.

Приятно чувствовать, что тебя любят. Ах, как приятно! С чем сравнить ласковое слово, как не с сахарной косточкой? Язык сам вылезал из пасти и начинал облизывать морду Мёнгёза. Хвост сам начинал вилять и крутиться. Это ведь о чем-нибудь да говорит, не так ли?

С появлением Мёнгёза геологи, сами того не заметив, стали добрее и чаще улыбались друг другу. Хотя и смущаясь. Ясно почему: оставаясь наедине с Мёнгёзом, каждый делился с ним самым-самым заветным, о чем стеснялся или не умел говорить с себе подобными.

Когда кто-нибудь рассказывал Мёнгёзу о «самом-самом», то обязательно поглаживал по голове или почёсывал его за ухом. Конечно, рука этого «кого-нибудь» двигалась машинально, чтобы не разучиться ласкать детей.

Неизвестно как, но Мёнгёз догадывался, что ласка не совсем предназначена ему, а кому-то, о ком думают. Но что же обижаться-то? Все равно приятно.

Как бы то ни было, рядом с людьми Мёнгёз впервые почувствовал себя собакой. Оказывается, это несравнимо лучше, чем быть

лисой!

Чего только ни наслушался щенок от людей! Какие только тайны ни доверяли ему! Они ведь были уверены, что Мёнгёз не понимает человеческого языка, вот и изливали душу - благо слушал он терпеливо и внимательно, не порываясь уйти куда-нибудь.

Геолог, которого звали Кадыр, даже предлагал Мёнгёзу поехать с ним в город, когда кончится смена. Щенок было поверил и согласился.

Но когда Кадыр улетел на вертолете, не вспомнив о своём приглашении, Мёнгёз обрадовался: к этому времени ему расхотелось покидать дядю Джеббара и тетю Дусю. Их никто не ждал в городе. И до прибытия новой вахты они несколько дней оставались в пустыне совсем-совсем одни. Мог ли он бросить их?

Что это были за чудесные денёчки! Железная палка не вращалась, не буравила бедную землю. Вокруг воцарилась блаженная тишина! Если бы солнце еще не жарило так бесщадно. По расчетам Мёнгёза выходило - не сегодня-завтра оно должно сгореть дотла. Еще бы! Так жаростно пылать, так нещадно палить - долго

ли можно выдержать?

Однако и сегодня промелькнуло, и завтра прошло, а раскалённое добела солнце, похоже, не собиралось униматься.

Однако, Мёнгёз не был бы Мёнгёзом, не отыщи он выход из, казалось бы, безвыходного положения: в поисках прохлады он обнаружил у подножия куполообразного холма чью-то глубокую нору.

Какое дело, кто обитал в ней прежде? Главное, сейчас она свободна.

Теперь с солнцем можно было ужиться. Забравшись в нору и бросив себя в объятия прохлады, Мёнгёз умиротворенно посапывал, похрапывал и носом посвистывал. Короче, наслаждался. И не было ему ни малейшей заботы до того, что там, на поверхности, зной - не продохнуть, воздух расплавился и кипит, как вода в казане.

Долго ли, коротко ли дремал Мёнгёз, но когда пробудился, тут же расчихался без удержу. Терпко-сладкий запах езгена* подсказал ему, что уже наступил вечер, тени выбрались из щелей, выползли из-под камней и кустиков и бегут

*Езген - трава, остро пахнущая.

теперь по выжженной земле, вытягиваясь.

Пора домой. Мёнгёз знал, если он не вернётся вовремя, переполох поднимется - о-ё-ёй. «Куда запропастилась наша собака?», «Может, волки растерзали горемычного?» - дядя Джеббар и тётя Дуся примутся искать его, звать-голосить на всю степь. Маленький он, что ли? Не может сам за себя постоять? Носятся с ним, как с писаной торбой!

Мёнгёз делал вид, что недоволен, но на самом деле в глубине души млел от удовольствия.

Выбравшись из норы, Мёнгёз всласть зевнул да потянулся в охотку. Что тут долго расписывать! Кому неизвестна прелесть позёвывания и потягивания?

Зной шёл на убыль. Серебристые сумерки окутали окрестности.

Потянувшись напоследок еще разочек, Мёнгёз направился к дому, где жаждалась его вкуснящая похлебка, как вдруг...

Волчий дух!

Но какой-то он необычный. Точно к нему примешался другой запах. Позже, когда Мёнгёз повзрослел и стал матёрым псом, он узнал, что так пахнет страх.

Стая волков сломя голову в панике неслась по лощине.

“Удирай или ныряй в спасительную нору!”
Но кто мог крикнуть ему это?

О, праздношатающийся ротозей! Его, видите ли, взяло любопытство: чего так, до смерти, испугались волки? Никто ведь за ними не гонится.

Он и хотел им это сказать. Может, сами волки не знали, а оглянуться никто из них не догадался.

- Гав, гав! - подал голос. Если перевести на человеческий язык, это означало: «Не бойтесь, братцы! Если кто вас и преследовал, давно отстал».

...Перед тем, как поведать дальнейшую историю приключений Мёнгёза, сделаем коротенькую передышку - в нескольких словах расскажем о необыкновенных волках, прежде всего о причине страха, который гнал их в эту минуту, как безумных.

Итак, причина. Ураганом налетев на отдыхающую отару и уже потерзав ее изрядно, лихие разбойники вынуждены были дать деру: невесть откуда взявшийся чабан принялся без

устали палить из ружья.

Замешкайся они на лишнее мгновение, недосчитались бы на сей раз куда больше двух сотоварищей.

Скажете волк и есть волк. Что в нём необыкновенного? А вот что: эти были кызылкурты, то-есть красные волки. Такие рождаются от собаки и волка. Об их кровожадности ходят леденящие душу легенды...

Стая неслась прямо на Мёнгёза. Миг - и слепые от ужаса кызылкурты сметут, растопчут его, не заметив.

- Гав, га-а-ав! - Бежать или прятаться в подземелье - поздно.

Не спеши, Мёнгёз, прощаться с белым светом! Чудеса еще не кончились.

Пружинисто скакавший впереди стаи сивогривый кызылкурт вдруг, словно споткнувшись, замер на бегу.

Стая тоже замерла. Все остановились, как вкопанные. Страх, ослепивший волков, стал медленно проходить. Остекленевшие от безумного ужаса глаза засверкали живым колючим блеском.

Теперь Мёнгёз оказался в окружении ошетилившихся, зловеще щелкающих зубами кузылкуртов. Они ждали только малейшего знака вожака, волка с чёрной меткой на лбу, чтобы разорвать дрожащего щенка в клочья, - сорвать лютую злобу за постигшую только что неудачу.

Вожак почему-то медлил. Во-первых, не мог издать ни звука: тяжело дышал, бока ходили ходуном. Наверное, старый волк-собака был благодареннежданно-негаданновозникшейпреграде - иначе лопнуло бы бешено колотящееся сердце. Но почему он так пристально смотрел на Мёнгёза, точно хотел что-то вспомнить?

- А-а, это ты. Оказывается, я знаю тебя.

- Откуда? Я вижу вас, ага, в первый раз.
- Несчастный олух! Отказываться от столь лестного знакомства. Что другое могло спасти его жалкую жизнь, за которую сейчас самый щедрый не дал бы и обглоданной кости?

Волк снисходительно усмехнулся.

- Щенок! Там, где высший закон - мои власть и воля, нет ничего, что было бы мне неизвестно. Я видел, как тебя нёс в когтях стервятник.

- А я вас не видел. - Честность превыше всего.

Дороже жизни. К тому же лгать Мёнгёз не умел.

- Еще бы! Тебе и небо, наверное, показалось с овчинку, а? - Волк усмехнулся, не показав вида, что оскорблён: какой-то замухрышка посмел не увидеть его, грозного властелина пустыни!

Зато оскалилась стая кровожадных головорезов, обидевшись за своего повелителя.

Но случилось совсем не то, чего ожидал Мёнгёз, покорно опустив уши и поджав хвост.

- Ах, какой ты красавчик! Ах!.. - Что уж говорить о Мёнгёзе, если люди, даже самые-самые умные, становятся в тупик, удивляясь, как и почему в мгновение ока злюка может превратиться в нежного, аж до приторности, подлизу.

- Ну и что?

- Ах!.. - Только и могла проговорить Рыжая, обнюхивая Мёнгёза.

Нельзя утверждать, что ему это было неприятно. Во всяком случае, вовсе не противно.

- Хи-итрая, сначала кусается, а потом подлизывается. - О боли он, конечно, уже не помнил. Ворчал понарошку. Надо же что-то говорить, чтоб тебя не приняли за невежду.

- У-ух ты красавчик! Какой ты вкусенький...
- Глаза у рыжей собаки закатились, подернулись туманом.

Хотя голос её был ласков, Мёнгёз боязливо поёжился. «Вкусенький...»

Что бы это значило? На что она намекает?

Вдруг Рыжая опомнилась.

- Мне надо идти, - прорычала она, но, сделав два-три шага, остановилась, а потом вернулась.
- А-ах!

Такие глаза - влажные, с мерцающей звёздочкой в глубине - Мёнгёз когда-то уже, кажется, видел. Но когда? Прошло немало времени, прежде чем он вспомнил: точно такие глаза были у мамы-лисы, когда она смотрела на Прекрасного Лиса.

- Мы живем рядом, - сказала Рыжая. - Найди меня!

- А ты не станешь снова меня кусать? - осведомился Мёнгёз, а про себя подумал: «Поищи-ка другого дурачка, который тебе поверит! Очень надо мне искать! Мне бы век тебя не видеть!».

- Не обижайся, глупенький... - Кажется, Рыжая просила прощения.

«Никакой я не глупенький!» - Доказывать обратное Мёнгёз не счёл нужным. Тем более, что тон, каким Рыжая произнесла «глупенький», был совсем не презрительно-насмешливым, как у стервятника, а наоборот...

Но разговор на этом не закончился.

- Пока уноси свою обиду с собой, - сказала Рыжая. - Позабудешь - приходи. Я буду ждать тебя, я - дочь великого вождя славного племени кызылкуртов. Наступит время - и ты заменишь моего великого отца!

«Вот еще! Нашла чем заманивать!», - подумал Мёнгёз.

Вслух же сказал:

- Я не хочу быть волком! Я рожден настоящей чистокровной собакой!

Дочь повелителя кызылкуртов не успела объяснить Мёнгёзу, что к чему: ее ждали. Призывный вой доносился издалека.

Теперь в голосе Рыжей зазвучало отчаяние:

- Приходи... Я буду ждать тебя всю жизнь! - В глазах ее стояла бездонная мольба.

И уже из-за холма до Мёнгёза донеслось жалобное:

- Я бу-уду ждать!.. - Может, ему просто слышалось? Тогда с чего бы это?

Между тем сумерки всё стремительней заливали округу. Робкая звёздочка поднялась над горизонтом. Счастливый, что дешево отделался, Мёнгёз потрусил домой. Его там уже, поди, заждались тетя Дуся и дядя Джепбар: «Куда запропастился наш сынок?». А похлебка, конечно же, остыла. Придётся теперь хлебать холодную. Но после тех приключений, что пришлось пережить за день Мёнгёзу, остывшая похлебка - мелочь.

Откуда было знать нашему герою, что неожиданности ещё не закончились.

А неожиданность была такая, что в первый момент Мёнгёз не признал тетю Дусю. Какая-то красивая женщина в шуршащем голубом платье появилась из палатки. Откуда она здесь взялась? Запах как будто знакомый, хотя к нему примешался какой-то другой. Так благоухал в пору цветения пустыни алый цветок, названия которого Мёнгёз не знал.

Закрыв глаза, он потряс головой. Нет, видение не исчезло.

- Га-ав... - То ли облаял незнакомку, то ли выразил ей свое восхищение. Мёнгёз и сам в этом не разобрался.

- Ты что милый? Это же я!

Голос, верно, был тети Дусин только тоже не будничный, как всегда, а праздничный - мягкий, певучий.

Вышедший следом мастер Джепбар - в эти дни он жил в палатке тети Дуси - тоже был не похож на себя: вместо пыльной робы - на плечах шёлковый халат, на голове - тибетейка. Усы ровнёхонько подстрижены.

Как это они оба умудрились так помолодеть? Мёнгёз еще не знал, что люди молодеют от счастья. А то, что они счастливы, это он сразу почувствовал своим чутким собачьим сердцем. И очень обрадовался за тетю Дусю и дядю Джепбара.

А когда блескучие звёздочки начали мерцать-перемигиваться в тёмной таинственной вышине, Мёнгёз улегся у палатки и, слушая шёпот, прерывающийся временами негромким ласковым смехом, отдался воспоминаниям. Вспоминал он свой полёт. Больше того - Мёнгёз снова летел. Да еще как! Сам! Могучие крылья поднимали его все выше и выше. На такую высоту, куда не может взлететь ни один стервятник.

Но это Мёнгёзу, разумеется, просто снилось после дня, полного приключений.

- Иа-а! Иа-а!...

Ослик! Любезный друг-приятель! Как давно он не приходил в гости. Правда, это зависит не от него, а от чабана Ягмура, его хозяина.

Впрочем, жаловаться на него не стоит. Ягмур ага и раньше не упускал случая завернуть к геологам на пиалушку ароматного зелёного чайку да почесать язык. Быть по полгода одному с овцами в пустыне - можно разучиться говорить. Но с тех пор, как однажды Ягмур ага увидел тетю Дусю в голубом платье, он стал приезжать часто. Приедет и обязательно привезёт тёте Дусе подарок. Свежей баранинки! Да столько, что обязательно и Мёнгёзу перепадёт. Но совсем не поэтому он приветствует чабана вежливым помахиванием хвоста и ласковым лаем.

Просто пусть все видят и знают, что Мёнгёз уважает этого человека.

Кто должен знать и видеть? Геологи. Они хоть и не прочь полакомиться свежатиной, но над чабаном почему-то посмеиваются, называют его меж собой Тахир беком*, хотя знают его

* Тахир - герой легенды “Зухра и Тахир”, прекрасный влюбленный.

настоящее имя.

Стоит увидеть им приближение Ягмура ага, начинают перемигиваться и посмеиваться: «Тахир бек оседлал скакуна в поисках своей Зухры».

Может у людей так принято? Вот и Ягмур ага всегда почему-то называет Мёнгёза Ёлбарсом*.

- Спасибо, Ёлбарс! - говорит он. - Ты добрый пёс!

Попробуйте тут не смутиться.

А кроме того, что имеет в виду Ягмур ага, назвав Мёнгёза «добрым»? Уж не хотел ли он тем самым сказать, что преотлично понимает насмешливое отношение к себе геологов? «Добрым» его и вправду не назовёшь. Впрочем, так это или не так - кто знает...

«Тахир бек» между тем с кряхтением сполз с ишачка и, взвалив на плечо тяжеленный хурджун, направился прямёхонько к тете Дусе.

- Все ли благополучно, Дуся гелин?

- Слава Богу.

- Вот! - Ягмур ага свалил хурджун у ног покрасневшейся от жара очага стряпухи.

От запаха свежего мяса Мёнгёз невольно

* Ёлбарс - лев.

заурчал и пустил слюнки.- Спасибо, дорогой! Кормилец ты наш! - Тетя Дуся одарила «кормильца» одной из самых нежных своих улыбок. Зачем она это сделала? Ягмур ага от счастья едва не лишился сознания. Насилу устоял на дрожащих ногах.

- Что-то не видно нашего друга - проговорил он, еле ворочая языком, когда, наконец, вновь обрёл дар речи и принялся озираться вокруг, не выдержав устремлённого на него ласкового взора тети Дуси.

Мёнгёзу это очень не понравилось: так тетя Дуся смотрит только на дядю Джепбара. И то лишь, когда они остаются вдвоём, Мёнгёз, сам собой, в счёт не идёт.

- Да никуда твой друг не денется. Вон он идёт. Весь в мазуте с головы до ног.

Действительно (как это Мёнгёз прозевал), мастер Джепбар, широко улыбаясь и вытирая руки ветошью, был уже совсем рядом.

- О-о, друг наш пожаловал!

- Да, решил справиться о твоём здоровье.

- Правильно сделал. Мы вчера с Дусей вспоминали тебя: что-то Ягмура давно не видно. Не уехал ли в аул?

Усадив приятелей чаёвничать, тетя Дуся снова отправилась к очагу, пообещав вскорости обед в честь дорогого гостя. Эх, когда же поговорить всласть как не за душистым чайком, прихлёбывая и причмокивая, дымя папироской да катая за щекой мятную конфетку!

На сей раз, в основном, говорил Ягмур ага. Воодушевлённый вниманием тети Дуси, он клял на чем свет стоит свою долю - проклятое одиночество.

- Хотя и имеешь пять сыновей, пять невесток, друг, но они не стоят одной жены. Когда бедняжка была жива, меня все время тянуло в аул, - излил свою печаль Ягмур ага.

- Чего бы тебе тогда не жениться, а? Мужчина ты хоть куда! Красавец!

- А что? А что!.. - закудахтал Ягмур ага, выпятив тощую грудь и разглаживая свои реденькие усики.

- Я и говорю, за тебя любая молодуха пойдет, сочтёт за великую честь!

- Не-е... - скис Ягмур. - Мне бы какую вдовушку. - При этом он украдкой метнул взгляд на проходившую мимо тётю Дусю.

Джепбар ага, перехватив восхищенный

взгляд приятеля, чем вогнал того в малиновый цвет, подмигнул:

- Вообще-то она говорит, что замуж не собирается. Но... чем чёрт не шутит?

Тахир бек приуныл.

- Ну, ну, не опускай сердце в кипяток! - ободрил его Джепбар ага.

- Она это говорила не видя тебя. Стоит тебе глянуть на нее - вся меняется. Посмотрит на тебя - розой расцветает.

- Друг! - Лицо Ягмура ага мгновенно побелело.
- Верблюд и десять баранов твои... Ничего не пожалею... Спроси! А? Если согласится, брошу овец и буду жить в ауле около нее.

- Овец оставь для свадебного тоя. Только должен тебя предупредить... - Ягмур ага весь во внимание. Даже дышать перестал.

- Думаешь, Дуся в городе не могла найти работы? Она здесь из-за воздуха пустыни. На черта ей твой аул!

- Если вместе, я согласен жить в любом месте!
- заверил Ягмур ага. - Ах, хоть бы пришла к какому-нибудь решению.

- Придёт. Не торопись.

Слушая эту беседу, Мёнгёз поначалу

удивлялся - неужели у людей так принято: думать - одно, а вслух говорить - другое. Затем стал жалеть чабана, а потом, сам не заметил как стал на него злиться: неужели он не понимает, что над ним смеются?

Но может, оно и к счастью, что люди, даже взрослые, не умеют слышать, как животные.

Не дождавшись обеда и вспомнив о каких-то важных делах, Ягмур ага суматошно засобиравшись и довольный ласковым приёмом покатил на грустном ишачке, который тоже все понимал и жалел своего доверчивого, бесхитростного хозяина.

- Иа-а! Иа-а! - Прощай, друг собака!

- Гав, гав! - До свидания, друг ослик!

Когда Ягмур ага скрылся из виду, геологи дали волю смеху. Дядя Джепбар и тетя Дуся смеялись вместе со всеми.

Эх!... - теперь Мёнгёз с горечью вынужден был поверить в то, чему изо всех сил сопротивлялось его собачье сердце.

- Гав! - Такая непередаваемая тоска была в его голосе, что смеющиеся геологи тут же замолчали и с тревогой уставились на Мёнгёза: не болит ли у него что? Может, колючка впиалась в лапу.

Но Мёнгёз отвернулся. Не хотелось ему смотреть на людей.

* * *

Неизвестно, что произошло, но вот уже как неделю с наступлением сумерек Мёнгёза всякий раз охватывало странное волнение. Бедняга не знал, куда себя деть, потерянно слонялся туда-сюда, словно хотел что-то найти.

Звезда вечерняя! Звезда путеводная...

Уныло сидя на вершине холма, Мёнгёз отправил взор свой путешествовать по небесному океану. Может, там найдёт себе мятущийся дух утешение?

Час сидел. Второй на исходе. Лучше на душе ничуть не стало. Хоть вой.

Наверное, затянул бы печально-тягучую песню. Но вдруг - а все чудеса на свете случаются вдруг! - задул ветерок... Ах! Не сообразишь сразу, с чего бы это какая-то непонятная сила сорвала с места Мёнгёза и заставила вскочить - крылья что ли прорезались за спиной?

Ветерок пропал. Потом появился снова. Во-от, оказывается в чём дело - запах!

Что это был за необыкновенный запах! А-ах! Как он, несчастный, мог забыть, что так приятнее

всех цветов и трав, благоухала она - Рыжая собака с изумрудными глазами! И тотчас Мёнгёз будто услышал ее слова: «Найди меня! Я буду ждать...».

Запомни же, малыш, когда тебе невыразимо грустно и не понимаешь отчего - это тоска о друге.

Что теперь могло удержать Мёнгёза! И все-таки он оглянулся на палаточный лагерь, который доверили ему охранять. Но желание хоть одним глазком снова увидеть Рыжую собаку перебороло чувство долга.

Оно устремило в ночь.

- Эй, бродяга, ты ли это? - Чей-то хриплый голос остановил Мёнгёза. Это был филин.

- А-а, это ты, сказочник! - насмешливым тоном протянул Мёнгёз.

Кажется, филин не заметил, что “сказочник” прозвучало почти «трепач».

- Куда ты среди ночи? Или в словах сусликов есть истина?

- Каких еще сусликов? - недовольное бурчание Мёнгёза объяснялось досадой, что, решив однажды быть вежливым, он вынужден теперь поддерживать пустую болтовню. Тем более, что его желание ушло далеко вперед.

- Тех самых, что плетут про тебя всякую всячину...

- А ну-ка скажи, о чем сплетничают эти фьюкалки?

- Да разную чепуху, небылицы. Я-то им не верю!

Хитёр, бестия! Знает, как распалить любопытство, чтобы продать слух подороже. Окажись почти любой из нас на месте Мёнгёза, разве бы не сгорал он от нетерпения?

- Говори, раз начал. Я тебя не просил.

- Брось! Неужели сплетни каких-то глупых свистунов достойны твоего внимания?

- Не скажешь - больше тебя не знаю.

То ли филин испугался этой ужасной угрозы, то ли натешился вволю, но он перестал дразнить Мёнгёза.

- Ладно уж, если хочешь. Говорят, что Рыжая собака воет по ночам, жалуется луне. Умоляет, чтобы та дала тебе силу прийти к ней.

Она, мол, мечтает о таком друге. - Расхохотался филин. Мёнгёз словно не слышал этого хриплого смеха. Сердце его колотилось, готовое выскочить из груди.

- Какую силу может мне дать луна?

- Ту, которая гонит сейчас тебя в ночь!

- И правда, Петре хан (так звали филина), я не знаю, что со мной творится...

Старый филин - он не только был мудрый, но и великодушный, мгновенно оборвал смех.

- С тобой творится самое-самое прекрасное на земле: твое сердце становится большим и умным, ибо нуждается в сердце Друга. Знай, оно будет расти до тех пор, пока ты останешься верен той силе, что без страха ведёт тебя сейчас навстречу ждущим в ночи.

Таких слов, да еще произносимых таким торжественным тоном, Мёнгёз никогда не слышал. Но почему в голосе филина сквозила затаённая грусть? Ясно: Мёнгёз напомнил ему, что и он был когда-то молод. Эх, когда это было?..

- Счастливого пути, бродяга! - «Бродяга». Сейчас это слово в устах филина звучало совсем иначе, чем в начале разговора: и ласка, и добрая зависть, и отеческое напутствие - что-то ещё, тоже очень хорошее, таилось в нём...

Луна!

Теперь Мёнгёз мог поспорить с кем угодно, что так ослепительно волчье солнце сияло для

него, - чтобы не заблудился, не ухнул в какую-нибудь яму, не налетел с разлёту на валун.

Ноги несли сами. Точно знали дорогу наизусть. Да так оно и было: манящий запах не мог обмануть Мёнгёза. Он летел сквозь ночь, как на крыльях.

Луна едва поспевала за ним...

* * *

ТА, КОТОРУЮ ОН ИСКАЛ, чтобы предложить ей вечную дружбу, стояла на громадном плоском камне.

Что она делает там среди ночи? Такой наивный вопрос мог прийти в голову Мёнгёзу. Еще издали по тому, как напряженно впилась Рыжая сверлящим взором во тьму, по тому, как чутко подрагивают поставленные торчком уши, по тому, как всем телом ловила она таинственные шорохи ночной пустыни, Мёнгёз безошибочно понял: рыжая собака - на страже. Это его здорово озадачило. И, само собой, навело на кое-какие мысли. Признаться, совсем не праздные.

Древнейший закон гласит: только вождь - предводитель стаи, и никто другой, охраняет покой соплеменников.

Рыжая нарушила священную заповедь? Или...

или отныне она стала вожаком кызылкуртов?

Луна остановилась прямо над сторожевым камнем. Рыжая гладкая шерсть собаки искрилась, переливалась огненным блеском.

Понятно, сердце Мёнгёза трепыхалось у него в горле - так поразительна, неопишуема была гордая осанка и вместе с тем нежная красота ТОЙ, КОТОРУЮ ОН НАШЁЛ.

Пока Мёнгёз замер зачарованным, превратившись в немигающий глаз, самое время нам вставить парочку слов.

Что все-таки могло случиться с великим вождём - отцом рыжей собаки, перед взглядом которого трепетали матерые кровожадные подданные, превращаясь в жалких, дрожащих от ужаса щенят?

Еще при первой встрече Мёнгёз заметил, что повелитель кызылкуртов сильно изнурён старостью. Хотя стая еще беспрекословно повиновалась ему, Мёнгёз видел, как зловещие огоньки пламени вспыхивали в глазах молодых кызылкуртов, когда кое-кто из них исподтишка кидал взор на запыхавшегося вожака. Разве могла стая простить позорно сорвавшийся набег? По закону кызылкуртов вождь был уже ПРИГОВОРЁННЫМ К СМЕРТИ.

Единственная надежда - дочь одряхлевшего вождя, рыжая собака. Неужели она позволила стае безжалостно и сладострастно свершить жестокую кару?

То, что Рыжая теперь предводительница кызылкуртов - несомненно.

Откуда было знать Мёнгёзу, что Сивогривый еще жив и как бы продолжает оставаться главой стаи. Вернее, считается таковым. Предводительницей стала его дочь. Правит от его имени. Вожак не только позволил ей это, но и втайне сам того желал, хотел, чтобы свирепые кызылкурты привыкли к мысли, что Рыжая, его дочь, - их госпожа.

Сам же он мечтал об одном - героически принять смерть на поле сражения. Только об этом и молил небеса.

Все это, разумеется, было Мёнгёзу неизвестно. И он, любуясь Рыжей, витал в облаках. Тело его, конечно, оставалось на земле, а вот мысли кружились поблизости от прекрасной собаки. Наверное, она почувствовала что-то (может быть лёгкое головокружение) и тотчас повернула голову в ту сторону, где, слившись, смешавшись с ночью, затаился в зарослях Мёнгёз. Хорошо,

что до этого он успел глубоко вдохнуть - теперь можно было не дышать.

Луна вошла в беспризорное облачко. И это тоже было кстати: спрятала Мёнгёза понадежней. Изумрудные глаза Рыжей ничего не разглядели, чуткие уши ничего не уловили, ноздри не затрепетали.

Последнее, кажется, нужно объяснить. Дуй ветерок в сторону Рыжей - Мёнгёз был бы мгновенно обнаружен. А там, пока бы разобрались, кто есть кто, от нашего героя осталось бы лишь одно мокрое местечко. На том бы и завершилась история о СОБАКЕ, КОТОРАЯ ЛЕТАЛА ОДНАЖДЫ. Но ветерок, к счастью, дул на Мёнгёза.

Чем больше смотрел Мёнгёз на чудесное видение*, тем больше хотелось ему выскочить из укрытия и, одним мощным прыжком вскочив на камень, встать рядом с ТОЙ, КОТОРУЮ ОН УЖЕ СЧИТАЛ СВОИМ ДРУГОМ.

Но Мёнгёз этого не сделал. Во-первых, не хотел напугать Рыжую.

*Если долго-долго, не оглядываясь, смотреть на что-нибудь, может случиться, как с Мёнгёзом: это «что-нибудь» превратится в видение.

Во-вторых, пока бы разобрались, кто есть кто... Впрочем, повторяться не стоит.

Пересилить подаренную луной силу было почти невозможно. И всё же Мёнгёз одолел её на этот раз.

Где-то спросонья застрекотали кузнечики. Высоко в небе зажурчал родничок - жаворонок. Звезды тоже, одна за другой, начали медленно бледнеть.

Мёнгёз, не сомкнувший глаз и на мгновение, не мог насытить свой взор видением прекрасной собаки.

Ах, зачем ночь не без конца!

* * *

- Ёлбарс! - позвал мужской голос.

- Ёлбарс! - Знал, что следом услышит этот голос: мягкий и ласковый.

Откуда люди могли знать его настоящее имя, данное настоящей матерью, Лакмой? Если не забыли, с лёгкой руки чабана Ягмура окрестили «Ёлбарсом». Сначала Мёнгёз не понимал, что обращаются к нему. Потом сообразил. А потом привык. И вообще иметь запасное имя - в этом что-то есть. Признаться, весьма и весьма волнующее.

Голоса, окликнувшие Мёнгёза, принадлежали Юсупу и Лене. Юсуп - черноволосый юноша, Лена - светловолосая девушка. Нетрудно догадаться, что они зовут его гулять с собой.

Повторять приглашение дважды не потребовалось. Мёнгёз любил гулять вместе с Юсупом и Леной. Это куда лучше, чем смотреть, как геологи после ужина рубятся в домино. Резкий стук, раздающийся при этом ежесекундно, переворачивал все собачье нутро, точно гвозди в уши заколачивают. К тому же Мёнгёз терпеть не мог, когда люди начинают вдруг кричать, размахивать руками, толкаться. А какая игра обходится без ссоры?

Зато какое блаженство лежать у ног Юсупа и Лены, когда они сидят рядышком на вершине бархана! Юсуп легонько трогает струны гитары и рождается песня.

Песня!.. Разве можно ее пересказать простыми словами? Тем более на собачьем языке. Да не только в этом дело. Как объяснить, что такое «море», «парус»? Как представить то, чего не видел собственными глазами? Но почему, несмотря на это, так сильно бьется в груди сердце, когда слышишь песню? Ну, совсем как

«чайка». Чайка - это такая птица. В чём-чём, а в птицах Мёнгёз разбирается. Будьте уверены!

Поют Лена и Юсуп, и даже звезды опустились пониже, заслушавшись.

Мёнгёз еле удержался, чтоб не подтянуть людям. И оттого тяжело дышал. Песня звучала в нём, рвалась наружу. Мёнгёзу казалось, что за спиной у него потихоньку растут крылья. Как без них он мог бы вознестись к самому куполу неба! Сейчас он парил выше звёзд и любовался с высоты прекрасной рыжей собакой - отныне и навсегда лучшим его другом. Как было бы прекрасно, если бы и она, услышав песню, стала крылатой!

В небе - все прекрасно. Им суждено встретиться.

* * *

Бешеная буря поднялась среди кызылкуртов, когда откуда-то (уж не наябедничали ли поганные шакалы?) стало известно, о каком Друге мечтает Рыжая - предводительница стаи.

- Ты что, думаешь, этот пес, подвластный человеку, более достоин тебя, чем я, вольный охотник? - Считавшийся самым красивым кызылкурт выступил из рычавшей стаи и гордо

выпятил грудь.

Рыжая смерила нахального красавчика презрительным взглядом. Ей ли не знать, каков он? «Герой» - всегда прячется в бою за чужими спинами!

Тогда слово взял самый храбрый, исполосованный шрамами кызылкурт.

- Собака, э-э, есть, э-э, собака. Она не может, э-э, быть тебе, э-э, достойным другом.

- Разве наши предки - не собаки?

Храбрец стушевался, не зная, что возразить. Бесстрашный в смертельных схватках с врагами, он был не мастер вести словесные перепалки.

Почувствовав, что стая дрогнула, самое главное - перехватить инициативу - Рыжая выкрикнула: - В будущем он станет нашим вожаком!

Сказала бы она это, знай заранее, какая дикая ярость вспыхнет в жестоких сердцах ее соплеменников, какой леденящий кровь скрежет зубов огласит окрестности? Она не ждала другого. Но будет так, как она решит. Она дочь вождя или нет? Она не предводительница стаи?

- Никогда!

- Позор!

- Лучше умереть!..

Недаром Рыжая была любимой дочерью великого вождя кызылкуртов - сейчас она следовала урокам своего мудрого отца:

«Пусть потешатся, дай им выпустить злобу. Когда выдохнутся - поступишь по-своему».

Пиратского вида одноглазый кызылкурт прохрипел с пеной на губах:

- По какому такому праву нам, свободным хищникам степей, навязывают в вожди «варяга»*, да еще из собачьего племени? Кто смеет решать такое без согласия всей стаи? - Удар он нанёс сокрушительный и победителем оглядел беснующуюся, оскалившую пасти стаю.

Но Рыжая не рухнула без чувств от его удара. Именно того вопроса ждала она с нетерпением. И не показывая своего торжества, тихим, но твёрдым голосом ответила:

- Так решила наша священная Мать - бессмертная Природа.

И смолкла. Что к таким словам добавишь?!

Кызылкурты, как открыли пасти, так и застыли. Только языки вывалили наружу. Глаза

* Так называют чужестранца, которого приглашают стать вождем.

у них на лоб выкатились.

Кто-то, опомнившись, прошептал:

- Чем докажешь?

«Олух! Ничего лучше не придумал, чем заподозрить предводительницу стаи во лжи».

Но вслух сказала смиренно:

- Я думала, вы сами, мудрые мои сородичи, догадались, что этот пес...необыкновенный.

«Она издевается над нами?», «Довольно терпеть насмешки!» - Стая чуть не задохнулась от негодования: «На лбу у него что ли написано, что он - необыкновенный?», «Считает нас слепыми глупцами!».

- Издревле известно: кызылкуртам суждено подчиняться шестипалой собаке. Шесть когтей - вещий знак, что раньше или позже обладатель его станет неустрашимым вождём кызылкуртов.
- Голос Рыжей был по-прежнему негромок. Речь нетороплива.

- Может, и так. - Первый обретший дар речи кызылкурт усмехнулся. - Но знает ли он сам о своём могуществе? Нет. Вот пусть и живёт разиней!

Стая одобрительно зарычала, заклацала зубами.

- Верно!

- Пусть не знает!

Наступила очередь усмехнуться Рыжей собаке:

- Зря надеетесь! Если он захочет стать моим другом, я открою ему его судьбу.

В первый миг стая оцепенела. В следующий - хрипло завyla и двинулась на предводительницу.

- Предательница!

- Не бывать псу вождём кызылкуртов!

- Ты об этом пожалеешь!

Кто бы не дрогнул перед яростно ревущей, обезумевшей, намеревающейся растерзать в клочья стаей? Только не она, дочь великого вождя.

- Я хочу, - голос Рыжей был твёрд и звонок, - чтобы восторжествовал закон Великой Природы. Этот могучий, не ведающий страха и сомнений пес послан нам небесами. Стая без настоящего вождя - не стая. Посмотрите на себя - кто вы? Шайка разбойников! Подлые шакалы! Вы недостойны славного имени кызылкуртов!

Точно незримая проволока, по которой пропущен ток, преградила путь стае - отпрянули,

завизжали, трусливо поджали хвосты. А может (так, наверное, и было) стальной взгляд предводительницы укротил безумную ярость кызылкуртов.

«Красавчик» униженно заюлил: не передумает ли дочь великого вождя? Не снизойдет ли к его смиренной просьбе?

Рыжая даже не удостоила его ответом.

- Таково веление свыше, кызылкурты! Не в моей власти ему противиться! - Резко повернувшись, Рыжая пошла прочь. И только скрывшись от взглядов соплеменников, дала волю чувствам, которые едва уже сдерживала, - тоненько заскулила, затряслась мелкой дрожью и изумрудная слезинка выкатилась из глаза и упала на землю.

Кузнечик от удивления раскорячил свои огромные, навывкате, глаза: вот уж подумать не мог, что грозная и суровая предводительница кызылкуртов может быть такой слабой и беспомощной, что ему, кузнечику, станет ее жалко.

Разумеется, Рыжая не подозревала, что кто-то наблюдает за ней. Какое дело владычице стаи до порхающей, ползучей, мелтешащей мелюзги?

Какой-то кузнечик!.. Лишь бы не видели соплеменники - возликуют, возгордятся, поймут, что не железное сердце у их предводительницы, только притворяется такой.

И вдруг!

К чему тратить попусту слова, впадать в необыкновенное изумление по поводу того, каким образом и почему прямо перед Рыжей возник Мёнгёз. Никакого колдовства в этом не было. Все просто: его привела лунная сила, с недавних пор, как известно, забурлившая в крови у Мёнгёза.

- Это ты?

- Я.

- Я знала, что ты придёшь.

- Я хочу дружить с тобой.

Потом Рыжая пошла впереди. Мёнгёз последовал за ней. Они двигались все быстрее и быстрее. Потом побежали. Потом точно на крыльях взлетели на высокий зелёный холм, необъятная цветущая степь открылась их взору...

* * *

Мог ли Джеббар ага сердиться на исчезающего по целым дням и ночам Ёлбарса? Не

такой он человек. Наоборот, радовался в душе.

Думаете, не бывает прекрасной... болезни? А вот и да. Именно такая привязалась к Ёлбарсу, отчего его сердце то сладко замирало, то разрывалось на части от муки. И теперь он, забывая себя, думал только о своей подруге.

Знал бы Джембар ага, что Ёлбарс стал одним из кызылкуртов! И в голову не могло прийти. Был уверен, тот подружился с какой-нибудь чабанской собакой и охраняет вместе с ней отару. «Так-то и лучше! – думал, поглаживая заявившегося на побывку бродягу. - Не собачье это дело мотаться среди мазута и грохота». А вслух говорил:

- Ну, что же ты опять не привел свою невесту? В крайнем случае мог бы пожаловать с одним из своих щенят! А-а, ты боишься, хитрец, мы оставим его здесь? Да, конечно. Можем и оставить. - Вполне возможно. Ты наш, мы имеем право... Спеша домой, Ёлбарс вспоминал эти шуточки.

Выполнив то, что приказывала ему голова, Мёнгёз решил, что теперь надо прислушаться к голосу сердца. Ну, а что говорило Мёнгёзу его сердце, вы, надеюсь, догадываетесь. Ноги сами

понесли его по залитой серебристо-зеленоватыми потоками лунного света пустыне. Дивно-то как! И совсем чудо-расчудесное нежданно-негаданно встретить среди пустыни доброго знакомого. Им оказался чабан Ягмур. Хотя Мёнгёз очень торопился, вежливость не позволила сделать вид, что он его не заметил. А как обрадовался дядя Ягмур! Понятно: ему тоже очень хотелось сказать кому-то ласковые слова.

- О-о, Ёлбарс! И тебя сон не берёт?

Мёнгёз завилял хвостом. Этим, он, если опять переводить на человеческий язык, отвечал: «Увы, не берёт, дядя Ягмур. А почему, сам не понимаю».

Чабан Ягмур между тем приговаривал ласково, точно ручеек журчал:

- Да, Ёлбарс, ты пёс, что надо. С таким характером быть тебе отменным волкодавом! Жаль только мешают твои уши и хвост...

Похвала! Кому нелестно услышать о себе доброе слово? Чему-чему, а вежливости Мёнгёза не учить - облизнулся. Улыбнулся по-собачьему. И приладившись к неспешному шагу чабана Ягмура, как воспитанный пес пошёл с ним рядышком.

- Что молчишь, Ёлбарс? Расскажи-ка мне лучше о своей хозяйке, о Дусе...

О, мука без вины виноватого! Мёнгёз беспомощно заскулил: как же он расскажет, если не умеет говорить по-человечески...

Но чабан Ягмур, видно, и не ждал ответа. Забыв о Мёнгёзе, он стал разговаривать сам с собой...

- О-о, Дуся - хорошая невеста! Чего одно то стоит, как она вокруг очага ходит, словно уточка, вперевалку, да-а... - Сладкие мечтания нахлынули на чабана. И погрузившись в них, он начисто забыл о Мёнгёзе и овцах, обо всём на свете. В мыслях он встретился с тетей Дусей и теперь беседовал с ней, говоря и за себя, и за нее.

«Дуся-гелин, как дела?» - «Это ты, Ягмур?» - «Захотелось увидеть тебя - вот и пришёл. Ты, наверное, говоришь, куда я пропал, почему в последнее время не видно? Вах! Если бы от меня зависело, приходил бы каждый день. Но я человек робкий, с людьми общаюсь редко...»

Когда чабан Ягмур говорил о себя, Мёнгёз сразу узнавал его голос - хриплый, точно простуженный. Когда же за - тетю Дусю, как ни старался он произносить слова нежно,

певуче, можно было только догадываться. Мёнгёз - сообразительный, он сразу догадался и порадовался за чабана.

- Ах, вах! - Что хотел выразить этим вздохом чабан Ягмур? Начни рассуждать - запутаешься. Да и зачем рассуждать, если всё и без слов понятно.

Мёнгёз понял, что он больше здесь не нужен. Вильнул хвостом на прощанье и, оставив чабана наедине с мыслями о тете Дусе, бесшумно растаял в ночи.

* * *

Невообразимый, чудовищный шум, доносящийся из-за холмов, заставил Мёнгёза сначала ускорить шаг, затем помчаться сломя голову. Понятно, почему: за холмами были владения его подруги.

Битву он застал в самом разгаре. Не на жизнь, а на смерть сцепились давние враги: волки и кызылкурты.

Чего бы им, казалось, делить-то? Э-э, всегда найдется что, стоит лишь позариться на чужое. Так и у волков с кызылкуртами. Распря тянулась уже не первый год. С тех самых пор, как волки, появившись невесть

откуда, стали соседями своих красношкурных степных сородичей. Поделить территорию поделили: здесь охотиться тем, здесь - этим. А как быть, если, к примеру, куланы, за которыми гнались волки, пересекут невидимую черту и... что тогда делать? Облизываясь, глядеть, как кызылкурты, захватив чужую добычу, пируют себе в удовольствие? Только не это!

Подобного рода история произошла и на этот раз. Потому-то и разгорелось сражение, невольным свидетелем которого довелось стать Мёнгёзу. И не только свидетелем. Но давайте все по порядку...

...Мечта великого вождя кызылкуртов сбылась...

Ненавистный враг, вожак волчьей стаи, мечтал о том же. Матерый, в самом расцвете сил и славы волчище, медленно приближался, оскалив огромные клыки.

- Ты до сих пор не сдох, старый дьявол?
- Наглая грубость - способ проверенный: противник, выйдя из себя, открывает свои слабые места.

Но волк ошибся: Сивогривый и ухом не повел, только презрительно усмехнувшись, прорычал:

- Щенок, я не покину этот мир, пока не перегрызу тебе глотку!

- Старость давно убила тебя. Но ты, оказывается, трус: до сих пор не примирился со своей смертью.

Так они обменивались угрозами и оскорблениями, наливаясь лютой яростью, чтобы затем схватиться в смертельном поединке.

Матёрый волчище не торопился. Что ему этот обессиливший, седой, облезлый кызылкурт? Разумеется, волк не проникся к нему сочувствием. Он даже не знал, что это такое. Наоборот, слепая злоба, наконец, закипела в нём. И в тот же миг он прыгнул, ударил соперника грудью.

Сивогривый зашатался, но устоял.

Когда волк налетел на него во второй раз, он не выдержал натиска и упал.

- Отойди! - Мёнгёз, до того с любопытством наблюдавший за единоборством, ухватил волка за загривок. Разъяренный злодей, подмявший задыхающегося кызылкурта и готовый вонзить железные клыки в его незащищённую шею,

услышав Мёнгёза, невольно растерялся.

Велико же было удивление волка, когда оглянувшись, он увидел перед собой не кызылкурта, а обычного пса.

- Ты кто?

- Ай, Ёлбарс* я, - охотно отвечал Мёнгёз, решив, что волк желает с ним познакомиться, и показывая, что он, в свою очередь, тоже не прочь завести знакомство.

Волк порядком опешил. Накопленная ярость могла вот-вот схлынуть, и тогда вместе с ней он лишится половины сил. Он понимал и то, что ему не следует вступать в беседу с незнакомцем. Получилось машинально.

- Ёлбарс? Да какой из тебя лев? Ты - обычная собака. Мы называем вас помойщиками.

- Ну и что? Когда проголодаешься, можно поискать еду и на помойке.

- О-о-о! Дурак ты, что ли?! - Волк был удивлен и растерян. Невесть откуда взявшийся пёс никак не реагировал на его ядовитые насмешки, а это, в свою очередь, оскорбляло и унижало самого волка: пустобрех он, что ли?

* При знакомстве с волком Ёлбарс, согласитесь, звучит внушительней, чем Мёнгёз или Мёнгёзлюдже.

Мёнгёз, который не собирался вступать в драку, от неожиданности едва устоял на ногах, когда волк накинулся на него. Толчок в грудь был весьма ощутим.

- Ты чего, а? - удивился Мёнгёз. Вслед за этим пришла охота слегка размять косточки. Жаль, что противник оказался не так силен, как хотелось Мёнгёзу. Не прошло и минуты, как скулящий волк уже валялся на земле, не решаясь подняться.

Но что это? Стоящий над ним пёс, похоже, и не намеревался вонзить клыки в его глотку. Почему он щадит его, пусть поверженного, но великого волка? Если недавно он только удивлялся, то теперь готов был свихнуться от странного поведения своего противника.

Мёнгёза же в самом деле перестал интересовать поверженный волк. Поиграли - и хватит. Направившись к кусту, он поднял заднюю лапу... Когда обернулся, волка уже и след простыл.

- Помойщик, ты еще попадешься мне в лапы! Я из тебя пыль вытрясу! - вопил издали волк, клацая зубами и трясясь от злобы и унижения. Что еще ему оставалось? Поверженный волк, увы,

мало чем отличается от трусливых шакалов.

- Ну и что ж, встретимся - посмотрим! - Болтать попусту Мёнгёз не любил.

Увидев, что их вожак с позором покинул поле боя, волчья стая пустилась в беспорядочное бегство.

Поле отдыхало после жестокой битвы. Трава еще кое-где продолжала дымиться от пролитой на нее жаркой крови. В воздухе, там и сям, подхваченные ветром, кружились клочья шерсти. Пять бездыханных тел, совсем недавно мощных, пружинисто мускулистых, полных жизни и лютой ненависти к врагу, теперь застыли в смиренных позах беспробудного сна. Три кызылкурта и два волка навсегда остались на поле брани.

Остывающая, постепенно приходящая в себя стая кызылкуртов, сидя вразброс, зализывала раны.

Нет, не подумайте, что в суматохе мы забыли про Сивогривого. «О, Небо! Зачем этот щенок спас меня? К чему мне постылая жизнь, если я не могу теперь одним грозным рыком обратить в бегство супостата, осмелившегося покуситься на права кызылкуртов, на их священную завещанную

предками землю? Почему не погиб я в этом бою, не ушёл, овеянный небренной славой?..» - Немые стенания разрывали старое, дряхлое сердце некогда грозного повелителя кызылкуртов. И вдруг мысль, словно молния, сверкнула у него в мозгу: значит он еще нужен стае, еще должен сослужить ей последнюю службу. А раз так, то невольно обиды на Ёлбарса как не бывало. Тяжело поднявшись, он медленно направился к молодому псу, которого однажды видел летящим под облаками. Отдыхавший Мёнгёз мигом вскочил и стал почтительно ждать, что скажет ему Сивогривый.

- Ты неплохо дрался.

- Я думал, он шутит. Иначе... - Мёнгёз не стал договаривать. Зачем - если и так ясно.

- Твои настоящие битвы еще впереди.

- Чему быть, того не миновать.

Старый кызылкурт остался доволен ответом. Он был достоин истинного храбреца, который, как известно, не задумывается о последствиях.

- Хорошо, что ты оказался поблизости и пришёл нам на подмогу! - Конечно, Рыжая хитрила: прямо-таки «случайно». Она-то знала подлинную причину того, почему

Мёнгёз оказался на земле кызылкуртов. Душа ее ликовала. А больше всего радовало ее, что стоя воочию увидела необыкновенную силу ее избранника.

Кызылкурты исподлобья метали взоры на лапы Мёнгёза: есть ли у него в самом деле шестой коготь? Зрячий да узрит. Откуда им знать, что шестой коготь на задней лапе это след операции, которую сделал Мёнгёзу в городе звериный доктор. Все кызылкурты покорно опустили головы, признавая над собой власть чужака.

Ни Красавчик, ни Силач даже не осмелились пикнуть. А что они затаили в себе, то известно только им.

Старый Пес, хотя в душе у него и поскрёбывали кошки, сказать по совести, был рад за стаю и за дочь: о лучшем приемнике можно только мечтать. Ему же судьба подарила шанс, чтобы свершить последний героический подвиг. Ради этого он обязан жить! На том и порешил.

С этого дня для Мёнгёза началась новая жизнь.

* * *

Вольная охота!

Никто не нальёт тебе жирной похлебки в миску, не подложит сладкую сахарную косточку. Занает, заурчит противным голосом брюхо - будь добр сам добыть себе пищу. Иначе ноги протянешь.

А скоро Мёнгёз стал замечать косые взгляды кызылкуртов в свою сторону. Плевать он на них хотел! А все же интересно: в чем дело?

- Мой вождь! - Только когда Рыжая обращалась к нему так, Мёнгёз смутно вспоминал, что он, кажется, является вожаком стаи. Сколько ни внушала ему подруга, что он обязан делать, - прежде всего водить кызылкуртов на разбойные набеги - все ее наставления Мёнгёз пропускал мимо ушей. Пришлось Рыжей снова взять на себя бремя предводительницы стаи, править от имени своего супруга, как до недавнего времени правила она от имени отца.

Не всем это пришлось по нраву. Сначала один, потом еще двое кызылкуртов покинули стаю и ушли искать другую жизнь.

Мёнгёз этого не заметил. Он был счастлив: Рыжая всегда рядом с ним. Когда они бежали вдвоём по расстилавшейся перед ними степи, он верил, что стоит пробежать еще немного, и

ноги сами оторвутся от земли. И - тогда... Как хотелось ему показать своей подруге всё, что он сам видел некогда из-под поднебесья. Если по небу плыли облака, Мёнгёз представлял в мыслях, что он вместе с Рыжей сидит на облаке и смотрит оттуда на землю...

А вскоре исчез Сивогривый. Следы вели в сторону гор. Но искать бывшего вожака не стали, все догадались, что он примирился со своей старостью.

Как-то раз почему-то невыносимо защемило сердце у Мёнгёза. До этого оно никогда в жизни так тревожно не изнывало, не болело ни с того, ни с сего. Уж не беда ли обрушилась на людей, которых он, Мёнгёз, - страшно произнести - предал? Но разве не так? Возможно, не совсем так. Не виноват же Мёнгёз, что тоска о Друге увела-утащила его, как пленника на аркане, в благоуханную, дурманящую до головокружения степь...

Он оставил орду и возвратился домой. Его сердце не ошиблось.

Но на этот раз, увидев пса, Джепбар ага не обрадовался.

- А-а, вернулся... Жаль, что тебя не было...

Мёнгёз виновато завиллял хвостом. Ему тоже было жаль, но он не мог поступить иначе: нельзя заставить друга ждать тебя слишком долго. Вдруг он подумает, что тебя уже нет в живых? Ведь какая еще может быть причина, что друг не пришёл вовремя?..

- Такие вот дела, Ёлбарс, - задумчиво проговорил Джембар ага, машинально поглаживая Мёнгёзу голову - Ночью пришла змея и ужалила нашего товарища. Вообще-то, ты ведь знаешь, змеи не трогают того, кто не сделал им нечего плохого...

Мёнгёз знал об этом. Мотнул головой в знак согласия.

- А может это друг той змеи, которую ребята нечаянно задавили машиной на дороге? Но при чем здесь Ата? Его в тот раз даже рядом не было. - Джембар ага недоуменно пожал плечами.

Мёнгёзу тоже невдомек.

- Да-а, Ёлбарс, будь ты здесь, не случилось бы этого несчастья. - Джембар ага вовсе не думал упрекать Мёнгёза. Сказал без задней мысли.

Вина же, какую переживал сейчас Мёнгёз, была тем больше, чем острее осознавал он несправедливость случившегося. Что-то тут

не так. Мёнгёз превосходно знал всех змей в округе. Дружбы особой с ними не водил, но сосуществовали мирно. Неписанный закон о ненападении соблюдался строго. Чего же больше? А коли ничего другого не требовалось, жили в полнейшем ладу, не мешая друг дружке заниматься каждому своим делом.

- Кто же нарушил закон? - Не замечая, что рассуждает вслух, Мёнгёз направился к старому заброшенному колодцу, что находился километрах в двух-трёх от лагеря геологов. В том колодце жила семья Кобры.

- Ш-што за ш-шалопай ш-астает тут? - услышал Мёнгёз свистящее шипение и сразу же увидел перед собой поднявшийся сам собой пастушеский посох.

Понятно, так показалось в первое мгновение. Разве палка может быть живой, да еще и разговаривать? То был молодой змеёныш. Он уже раздул свой капюшон и готов был, не раздумывая, броситься на незванного пришельца.

- С-с-стой, с-с-сынок! - Голос старой Кобры, вылезшей на шум из колодца, предотвратил непоправимое. - С-с-совсем тебя не видно в пос-

с-следнее время.

- Кобра-ханум, я спрошу, а ты мне ответь.

- Знаю о чём хочешь спросить.

- Тогда скажи, чьё это дело.

- С-с-сама ума не приложу. Но точно, что это с-с-сотворили не наши.

- Значит, один из гоклята*.

- С-с-скажу по с-с-совести, мне это неизвестно. Мы же поклялись не причинять друг другу вреда. Разве не так?

То, что говорила Старая Кобра, было чистой правдой. Значит, понял Мёнгёз, в этих местах появилось неизвестное ему змеиное семейство.

Ту же догадку высказала ему и мудрая Кобра.

- Ищи чужого, кто недавно поселился в наших краях.

- Спасибо, Кобра-ханум. - Хотя Мёнгёз не нуждался в подобном совете, но решив однажды быть вежливым, и на этот раз не отступил от правила.

- Удачи тебе, сосед!

Мёнгёз отправился на поиски. Через некоторое время его дорогу пересёк еле заметный

* Гоклята - вид змеи.

извилистый след - змея. И верно, чужая! Так бывает: отлучишься ненадолго из дома, а вернешься - там уже разбойники кровавый пир учиняют.

Ну какое там - отлучился. Мёнгёз лукавил. Правда, невольно. Когда он был вместе с Рыжей, время для них переставало существовать.

Между тем след привёл Мёнгёза к норе. Змеи там не было. Тем лучше! Затаившись в засаде, Мёнгёз приготовился ждать. Хоть целую вечность. Ждать - хоть всю жизнь! Если он не сумеет отомстить, так нет у него права жить на свете.

...Змея показалась в самую глухую и тёмную предрассветную пору. Никто, кроме Мёнгёза, не смог бы уловить чуть слышный шорох.

«Во-он ты какой!» - С подобными гигантами Мёнгёзу до сих пор встречаться не приходилось. Это был огромный полоз.

Миг, и клыки Мёнгёза вонзились в упругое змеиное тело чуть пониже головы.

В следующий миг, оторвав извивающуюся змею от земли, Мёнгёз подбросил ее вверх.

И это повторилось четырежды.

В последний раз, тяжело шмякнувшись на

землю, змея больше не трепыхалась. Глаза полоза потухли, а потом начали стекленеть.

Победа!

Одно лишь сейчас огорчало Мёнгёза: никто не видел, как он сражался с полозом-великаном. Ничего - кто не видел, тот услышит. Лапы Мёнгёза так и чесались, они готовы были хоть сейчас отнести своего хозяина туда, где его поджидала Рыжая. Но голова приказала: «Нет! Люди должны узнать, что им больше ничего не угрожает!». И хотя лап у Мёнгёза - четыре, а голова - только одна, на этот раз она победила в споре.

Выйдя рано утром из палатки, Джепбар ага чуть не вскрикнул: еще шаг - и наступил бы на огромную змею. Таких больших он в этих местах никогда прежде не встречал. Страшилище было мертво. «Умница, Ёлбарс!» - прошептал он и смахнул холодный пот со лба.

А Мёнгёз в это время нёсся по утренней, переливающейся всеми цветами радуги степи. Его ждала, изнывая от тоски, Рыжая. Мёнгёз ясно слышал её зов - немой, потому что как бы громко ни кричало сердце, его услышит только другое сердце, если тоже томится в разлуке...

* * *

Через несколько дней старый вождь кызылкуртов случайно нашёлся. Сам-то он далеко от своих не ушёл и жил, не показываясь, поблизости. А когда скучал по своим, издалека, украдкой наблюдал за ними. Увидев, что они целы и невредимы, успокаивался.

...Эту потрясающую весть принесли два щенка. В то время как стая отдыхала после очередной охоты, они с оглушительным лаем и визгом носились по холмам и долам. И... вдруг наткнулись на деда.

- Где он?

- Ведите скорее к нему!

Ах, как обрадовались все. Особенно молодые кызылкурты. Теперь они поняли, кого им не хватало, - доброго мудрого деда! Кто мог лучше его оценить их сноровку, быстроту, отвагу? И не было большей награды, чем его похвала.

Жил Старый Пёс в небольшой пещере отшельником. Питался чем Бог пошлёт. Изредка охотился. И то на мелочь. Если хватало сил. Больше довольствовался «готовой добычей». Много ли старику надо?

Он не слышал, как приблизилась стая:

дремал. Также и лай щенков до этого не нарушил его блаженных грез. Почудился ему далеким-далеким эхом.

- Отец, проснись! - Никто, кроме Чёрной Собаки, не имел права потревожить его покой.

Старый Пес медленно-медленно поднял веки. Ему не хотелось покидать страну прекрасных сноведений. И он, подумав, что Чёрная Собака тоже снится ему, снова закрыл глаза.

- Дед! - Преступив все правила вежливости, самый маленький из щенят подбежал и затормошил вкушающего сон патриарха.

И случилось чудо! Тот пробудился в одно мгновение.

- А-ах! - Вздых был глубок и протяжен.

Запах детства...

Есть ли какой другой на свете приятней? Он и разбудил Старого Пса, вернул его из смутных воспоминаний былого в сияющий день настоящего.

- Мой Жёлтенький... Коричневенький... Чудик мой... - Чуть не задышался от радости Старый Пёс. Как замечательно, что от счастья не умирают.

Но кто по-настоящему мог понять, что испытывал сейчас Старый Пёс? Конечно тот,

кто сам жестоко страдал от одиночества. А это
- Ёлбарс.

* * *

Голод нещадно терзал кызылкуртов.

«Проклятье! Почему я не напился впрок горячей крови? Сколько ее пролилось зря...» - вспоминал давнюю охоту один.

«Дай есть! Есть хочу-у-у...» - выло брюхо у другого.

Мёнгёзу тоже было нелегко. Но он забывал о голоде, когда любовался играми своих щенят. Какие они замечательные!

А между тем стая уже была готова взбунтоваться: «Чего он ждет? Почему не поднимает нас на охоту?».

Но Рыжая не торопилась: она выдерживала стаю. Пусть накопится побольше злобы. Пусть дикая кровь закипит в жилах кызылкуртов. Правда, тут опасно перегнуть палку. Важно не упустить момент, когда злобы в самый раз для охоты, но еще маловато для бунта.

«Пора!» - наконец, подсказало Рыжей чутьё. Она встала. Шерсть вздыбилась у нее на загривке. Сейчас всякий признал бы в ней грозную предводительницу. Кызылкурты обрадо-

вались: настал час большой охоты.

...Место для нее Рыжая выбрала заранее. Отменное местечко для засады: узкая горловина ущелья, где начинается спуск к водопою.

Приказав стае приготовиться, Рыжая устроилась за кустом езген-травы. Мёнгёз, ясное дело, залёг рядом и не заметил, как сладко засопел-задремал под ласковыми лучами солнца.

Попробовал бы задремать кто из кызылкуртов! Впрочем, никто и не пробовал. Все сверлили взглядами вход в ущелье, откуда вот-вот должны были показаться джейраны или архары, или... Ах, кто бы ни показался, от предвкушения славной наживы у кызылкуртов уже текли слюньки.

Мёртвую тишину нарушало лишь стрекотание взбалмошной сороки. Но скоро и оно стихло.

Время, казалось, остановилось.

Вдруг... камешек, величиной с горошину, скатился откуда-то сверху.

«Идут!»

Так и есть. Через минуту или мгновение, не угадать, из-за скалы показалось стадо. То

были не джейраны. И не архары. Овцы... Вёл их длиннобородый гордый вожак. Он иногда на миг останавливался. Прислушивался. И, не обнаружив ничего подозрительного, мотал головой, давая знак, что можно продолжать путь...

Кызылкурты появились внезапно. Возникли как из-под земли. В мгновение ока отара была окружена. Началось побоище...

Перо отказывается повиноваться. Нет слов, чтобы описать беспощадную резню. Овцы и ягнята с жалобными криками валились на землю. Но их мольбы не в силах были смягчить каменные сердца кызылкуртов. Бойня прекратилась лишь когда жалобно прозвучал последний вопль последней жертвы.

Трава - черна от крови. О, печаль неизреченная...

Кызылкурты же, опьянённые кровью, продолжали жуткое пиршество. Некоторых уже тошнило. Но многие кызылкурты считают, что в этом - то и состоит наивысшее наслаждение.

Тошнило и Мёнгёза. Только совсем по другой причине: не мог он без отвращения смотреть на такое жуткое зрелище. «Зачем убивать столько

невинных, лишь бы ненадолго набить брюхо?» Хмурый сидел он в стороне, отвернувшись.

- Мой вождь! - Рыжая прекрасно понимала настроение Мёнгёза. Словно читала его мысли. Ясно: он долго жил среди людей и привык думать как люди. Бесполезно объяснять ему, что у стаи свои законы. Лишь бы со зла не натворил Бог знает чего! Чего доброго может сцепиться со всей стаей. Известно, чем это для него кончится. И для нее тоже. Несчастные щенки останутся сиротами.

- Мой вождь! - повторила Рыжая. Ей хотелось отвлечь Мёнгёза от этих мыслей. Подошла еще ближе, чтобы отвлечь Ёлбарса. Был и другой повод. Более чем грустный. - Зовёт Старый Пёс. Хочет попрощаться.

Пренебречь последней просьбой умирающего, кем бы он ни был, нет хуже поступка.

Когда они подошли и Чёрная Собака окликнула Старого Пса: «Отец, мы здесь», тот постарался открыть глаза. Но силы его уже иссякли. И только дрогнувшие веки показывали, что он еще жив, что они не опоздали, и он благодарен им за это.

Прощальное слово - право дочери.

- Ты был настоящим полководцем, отец! И смерть твоя - смерть великого вождя! О, если бы и я могла стать достойна такой кончины!

Слышал ли Старый Пес эти слова?

Слышал ли он клятву кызылкуртов, собравшихся вокруг:

- Ты будешь сурово отомщён, мудрый и бесстрашный предводитель! Этот поганый козёл не избежит нашей кары! Твоя душа возрадуется, когда мы растерзаем его в твою честь и память!

В тот же миг, как кызылкурты замолчали, Старый Пёс глубоко вздохнул и испустил дух.

Всю ночь напролёт сидела скулящая стая, окружив навеки уснувшего вождя.

* * *

Не заблудился ли он? Не зря ли доверился ногам, отдавшись посторонним мыслям? Вот теперь и стой истуканом, разинув пасть и вытаращив глаза! На холме ни геологов, ни их палаток. Словно ураганом сдуло.

Нет, его ноги не ошиблись. Только откуда им было знать, что их хозяин снова стал бездомным?

Обегав все кругом, Мёнгёз обнаружил всё, что осталось от геологов. В стороне валялась помятая железная бочка. Раньше в

ней плескалась густая коричневая жидкость. Поодаль лежала длиннющая погнутая труба. Зачем она Мёнгёзу? А впрочем, могла и пригодиться. В этой железке для Мёнгёза таилась смутная надежда: вдруг люди забыли эту трубу и еще вернутся за ней?

Мог ли Джеббар ага рассердиться, чтобы, не попрощавшись, оставить своего любимца одного в пустыне? Нет, не такой он человек! В душе он всегда радовался прекрасной болезни Мёнгёза. Думаете не бывает прекрасных... болезней. Ошибаетесь. Именно такая и привязалась к Мёнгёзу, отчего его сердце то сладко замирало, то готово было разорваться на части от муки. Вот и теперь, вспомнив о своей рыжей подруге, о счастливых деньках, проведённых рядом с нею, о весёлых щенках Мёнгёз так расчувствовался, что его сердце наполнилось истомой. Что стоит вернуться? Но... Нет, вольная охота не для него! Мёнгёз решил ждать возвращения людей. Ждать, сколько ни потребуется. Он выбрал местечко рядом с трубой и лёг. И забыл о времени, даже не заметил, как свет превратился в тьму.

* * *

- Гыв, гыв-ув-гыв! - Видно, даже для шакалов родина не пустой звук. Иначе зачем

возвращаться туда, откуда ушли с плачем? Ушли не ради сладкого житья в райских кущах, а чтобы спастись от голодной смерти. И вот вернулись, не вынесли разлуки с землёй предков.

- А-а, это вы, братцы? - Оглянувшись, Мёнгёз узнал старых соседей. И обрадовался. Да на радостях забыл о том шакале, чья душа по его милости вознеслась в высь небесную.

Шакалы же помнили крепко!

- Что, пёс, увидел, как мир меняется. Кто сидел в седле, вдруг оказался в пыли.

Было отчего опешить. Не ожидал Мёнгёз таких насмешек. Однако, нашёлся, притворился, что не понял, о ком речь.

- Это кто же упал?

- Зря стараешься скрыть свою худобу, пёс! Брюхо тебя выдает: рычит, как голодный волк. Миновали денёчки, когда ты ел наравне с людьми.

- Вам-то что? - хмуро огрызнулся Мёнгёз. Возразить не мог: кишки, правда урчали. Может, и не как голодные волки. Но все равно - есть очень хотелось.

- Слава Богу, теперь узнаешь, каково питаться падалью!

Такого оскорбления Мёнгёз стерпеть не мог.

- Ах, вы! - Разозлившись, что его приравняли к шакалам, Мёнгёз бросился за мелкими наглецами. А ведь только что готов был с ними чуть ли не целоваться от радости! О, наивность!.. Бедняга Мёнгёз, видно, никак тебе не расстаться с детством!

Шакалы, смеясь, бросились врассыпную. Довольны, что рассердили собаку, своего давнего врага. Такова месть шакалья!

Пронзительные голоса шакалов долго еще раздавались в ушах Мёнгёза. Чтобы спастись от них, он ушёл в степь.

Шёл, куда глаза глядят. Пока не оказался возле чабанского коша. Острый овечий запах напомнил о дяде Ягмуре. Увидеть бы его, узнать от него, куда исчезли дядя Джепбар и тётя Дуся. Не может же он не знать!..

Звуки протяжной песни, доносившиеся с коша, привели Мёнгёза в уныние. Ясно, дяди Ягмура там нет. А коли так, то и Мёнгёзу тут делать нечего. Песню же тянул подпасок. Он недавно попал в пустыню, боялся её темноты и тишины. Оставаясь один, принимался петь для храбрости. Вернее, думал, что поёт. На самом деле

мычал что-то нудное и невнятное. Куда ему до Юсупа и Лены! Даже звёзды поднялись высоко-высоко, а так как туч, чтобы спрятаться, на небе не было, светили тускло и печально. Мёнгёз тоже не испытал удовольствия. Прочь отсюда, прочь...

Возвращаясь к лагерю, вернее к тому холму, где прежде был лагерь геологов, Мёнгёз повстречался со знакомым верблюдом. Он хотел сделать вид, что не заметил его. Почему-то Мёнгёз чувствовал себя виноватым, словно не люди его бросили, а он людей. Но верблюд сам окликнул Мёнгёза.

- Те, кого ты ищешь, уехали. Два дня назад. С тех пор у моего хозяина нет настроения. Сердится по пустякам.

- Хорошо, что я тебя встретил. Иначе бы не поверил, что это то самое место, где я жил.

- Люди тебя любили.

- Правду говоришь, сосед. А не знаешь ли, где они сейчас? Мне так хочется их увидеть.

- Этого не знаю. Перед отъездом они тебя искали. Кричали на всю округу. Перед тем, как завести вертолёт, мастер Джеббар все время оглядывался, высматривал тебя. Вертолёт полетел

на восток. А где он приземлился, не знаю.

«Упустил я случай еще разок полетать». - Печален был вздох Мёнгёза.

- Прощай, сосед! - Мёнгёз вернулся к трубе и лёг. Ждал и думал. О чём? Конечно, вы догадались сами: если бы он умел лететь, как в старые времена, то быстренько догнал бы вертолёт с дядей Джеббаром и тётей Дусей, помахал бы им весело хвостом... Почему сердце вовремя не подсказало ему, когда надо вернуться?..

* * *

«Что-то задерживается мой вождь. Уж не посадили ли люди его на привязь?» - Эта тревожная дума точила душу рыжей собаки. Она же заставила ее во главе стаи броситься на выручку другу. «Как он, бедняга, мучается в неволе! Целых три дня не видел меня, наших щенят!..» Скажи ей кто, что причина другая, в два счёта нажил бы себе вечного врага.

- Ты не привязан?! - Удивление и обиду тут же сменила безумная радость. Восторг же щенков, увидевших отца, просто неопишуем. Рыжей пришлось их даже приструнить. Порядок есть порядок.

Мёнгёз между тем не выразил никакого

удовольствия. Остался лежать у трубы, как лежал, - даже не шелохнулся. Точно окаменел.

- Их нет? - Рыжая легла рядом.

Ответа на ожидала. Но Мёнгёз ответил хриплым, прерывающимся голосом:

- Я опоздал. Пришёл, когда их уже не было. Но они, возможно, возвратятся. - Последнее он прибавил, как бы оправдываясь. А может, чтоб не лишить себя последней надежды.

- Может, вернутся, - негромко вздохнула Рыжая. Потом прибавила: - В той яме с тамариском есть такая же воткнутая в землю труба. Ее оставили, когда мы были еще детьми. С тех пор за нею никто не пришёл.

Кажется, мы до сих пор не отметили, какой деликатной была Рыжая по отношению к Мёнгёзу. Даже неловким словом боялась задеть его за живое. Мы не вспоминали об этом прежде лишь потому, что до сих пор не было подходящего случая. Теперь же он представился. Из рассказа Рыжей Мёнгёз должен был сам сделать вывод: жить надеждой - пустое занятие. Но, кто знает, сделал он его или нет. Мёнгёз даже не шелохнулся.

Вдруг кызылкурт, который вел наблюдение

за местностью, примчался с ошеломляющей вестью:

- Люди-и!..

Мёнгёз встрепенулся и даже обрадовался. Но потом по дрожащим ноткам в голосе дозорного понял, что его радость была напрасной. Не геологов увидел кызылкурты, а людей с огненными палками - охотников. И всем было ясно, что появились они здесь совсем не случайно.

- Кызылкурты, мы уходим! - Голос Рыжей прозвучал строго и величественно, словно сам дух великого вождя кызылкуртов заговорил устами его дочери. Потерянного - не воротишь. А потеряли кызылкурты доверие чабанов. Когда вожаком был Сивогривый, строго соблюдался закон - не трогать соседа. Все знали, что нападение на отару карается неминуемой смертью. А теперь - закон погран.

Повторять приказ дважды не потребовалось. Стая вскочила. Стояла, перебирая лапами, точно на раскалённых углях. А через мгновение кызылкурты уже бежали к холмам. Не оглядывались, не задумывались, когда еще придётся вернуться в родные места, скоро ли люди забудут про учинённое стаей побоище?

Мёнгёз бежал рядом с Рыжей, рядом с детьми. Нет, не общая паника подхватила его и сорвала с места. Что-то другое, а что об этом сейчас некогда рассказывать. Лишь когда поднялись на вершину холма, какая-то сила прервала его лёгкий, размашистый бег.

В тот же миг Рыжая поняла свою ошибку: надо было уходить другой дорогой. Проклятый холм! Это он заставил Мёнгёза остановиться.

Да, так и было. Лишь в одном ошибалась Рыжая. Не воспоминание о сытной похлебке задержало Мёнгёза, нет. Здесь был холм Юсупа и Лены. Здесь они пели под звёздным небом. Их песня и зазвучала сейчас в ушах у Мёнгёза. Неважно, что никто ее, кроме него, не слышал. Даже Рыжая. Хотя она догадывалась, что с Мёнгёзом творится что-то необычное, и в мыслях он снова становится собакой.

- Что, мой вождь, ты почуял какую-то опасность? - Это второй случай, когда можно убедиться в деликатности Рыжей. Своим вопросом она надеялась поскорее увести Мёнгёза с этого опасного места, где с каждым мгновением он все больше становился собакой. Она знала: если превращение случится - тогда

Мёнгёза не оторвешь от родных мест никакой силой.

- Мне, кажется, я не могу уйти с вами, - признался Мёнгёз.

- Что мы будем делать без тебя?

- Уходите!

- Люди, может, никогда не вернутся...

- Какая-то сила тянет меня к ним... Не отпускает. Разве я виноват, что постоянно думаю о них.

- Как же я?

- Ты должна уйти отсюда вместе со стаей.

- Без тебя?

- Я хочу быть собакой. - И тут Мёнгёз вспомнил о своей власти вождя и пронзил Рыжую взглядом: «Разве ты забыла, что мое слово - закон?!».

Стая ждала в отдалении, нетерпеливо перебирая лапами.

- Будь здоров в тех местах, где будешь! - прошептала Рыжая.

Когда она повернулась к стае, глаза Рыжей лихорадочно блеснули. Но кызылкурты были слишком перепуганы, чтобы заметить стоявшие в ее глазах слёзы.

Рыжая гордо вскинула голову и побежала. Стая в тот же миг последовала за ней.

- Уходите подальше! - Это был последний совет, который мог дать Мёнгёз. Но услышал ли кто его?

Взобравшись на холм Лены и Юсупа, он долго следил за удаляющимися кызылкуртами.

* * *

Чабан Ягмур...

Вот кого не хватало, о ком мечтал, чего бы он ни отдал, лишь бы услышать его ласковые слова!

Первый, кого он встретил в поисках отары, - знакомый пёс по имени Верзила.

- Ёлбарс, это ты, что ли?

- Как видишь.

- Да от тебя вроде волком пахнет? - Ничего не понимающий Верзила брезгливо сморщил нос.

- Ну, ты даешь! Не знаешь небось, что я теперь опять бездомный? Где найдешь свободную нору, там и живешь. Вот и привязался чужой запах.

- Недаром когда-то в детстве он был учеником лисицы. К тому же провести доверчивого Верзилу ничего не стоило.

Невежливо, конечно, обрывать на полуслове затеявшийся было разговор, но, увидев издали

возвращающегося откуда-то на ослике чабана, Ёлбарс мигом забыл о правилах хорошего тона - кинулся навстречу.

Ягмур-чабан восседал на ослике как-то уныло и, зажмурив глаза (то ли от солнца, то ли еще почему), гундосо бурчал что-то себе под нос.

Если это «что-то» он считал песней, - и слава Богу! На сей раз Ёлбарс не судил строго. Наоборот, ему очень понравилось.

- Аф, аф! - На человеческом языке значило: «Мир дому твоему, дорогой дядюшка Ягмур!»

Тот от неожиданности едва не плюхнулся из седла. Насилу удержался. Верить или не верить своим глазам, которые само собой вытаращились? Не мерещится ли? Убедившись, что глаза не лгут, он обратился к Мёнгёзу:

- А, Ёлбарс, это ты что ли... Ты - хороший волкодав. - А потом, вспомнив что-то неприятное, неожиданно разозлился:

- Ах, чтоб тебя вместе с твоей хозяйкой Дусей! - запустил в Ёлбарса посохом: благо, тот оказался под рукой - лежал перед ним на холме ишака.

«Какая змея укусила бедненького дяденьку Ягмура? - Только и успел подумать Ёлбарс, отскочив в сторону и с жалостью глядя в

сгорбленную спину удаляющегося пастуха. - В чем моя вина? Ведь я люблю дядю Ягмура».

Что мог ответить ему внутренний голос? Наверное, то было не собачьего ума дело. Иначе бы он догадался, почему добрый человек стал совсем другим - неприятным и злым. Словно его подменили.

Но мы-то ведь люди. Нам и гадать особенно не надо, почему чабан Ягмур возненавидел весь мир, в том числе и Ёлбарса.

А случилось вот что. Чабан Ягмур долго лелеял мечту: «Рано или поздно Дуся будет моей отрадой, остаток жизни проживу вместе с ней». Именно эта надежда заставляла его посещать геологов. Там он оказался и в день их отлёта. «Ну, друг, найди какой-нибудь предлог и оставь ее здесь!» - уговаривал мастера Джепбара. А тот, как всегда, отделялся шуточками: «Дуся пока на работе. Вот выйдет в отпуск, тогда сам привезу её к тебе».

Едва вертолёт скрылся за холмами, Ягмур понял, что никогда в жизни не встретится с Дусей, что над ним просто потешались, что... И теперь, когда он вспоминал их, кровь прилиwała к голове, и он не мог сдерживать свою ярость. До

этого и сам не знал, что может быть таким...

- Гав, гав! - Если бы Ёлбарс обиделся, ничего бы страшного не произошло, разошлись бы себе подобру-поздорову - и делу конец. Да чутье подсказывало Ёлбарсу, что человеку еще хуже, чем ему. Иначе не припустился бы вдогонку. - Аф, аф! - Понимай оскорблённый людьми пастух собачий язык и переводить не стоило бы: «Не кручинься, дяденька Ягмур, все печали проходят. Хочешь, я тебя жалеть буду?».

Эх, ничего этого не понял Ягмур ага, снова предававшийся в это мгновение своим мрачным мыслям.

- У-у, проклятый кабыздох! Отвяжешься ты наконец? - Взбеленился, трясущимися руками срывая с плеча берданку. - Пошёл прочь! Застрелю-ю-у!..

Ёлбарс не двинулся с места. Не верил, что Ягмур ага приведёт угрозу в исполнение? Так оно и было.

- А-а, и ты вздумал издеваться надо мной? Ну, тогда...

Глупо было дожидаться второй пули. Второй раз вряд ли дядя Ягмур промахнется. Мёнгёз

бежал, не оглядываясь. Взобрался на холм, где стояли палатки. И опять кружил вокруг трубы, которая была свидетелем прошлых дней, и жалобно заскулил. Мёнгёз понял, что он больше здесь не нужен. Вильнул хвостом на прощанье и, оставив чабана наедине с мыслями о тёте Дусе, бесшумно растаял в ночи.

Хотя Мёнгёз точно не знал, что произошло, но догадался: между чабаном и геологами отношения стали натянутыми. И еще понял, что теперь опасно встречаться с чабаном Ягмуром. Прислонясь к железной трубе, он немного поспал. А потом в тот же день он навсегда распрощался с местом, где стояли палатки геологов. Ноги скоро увели его далеко.

Однажды перед рассветом у подножья одного холма он напал на след своей стаи. Обнюхав и выяснив их направление, Мёнгёз пошёл следом за ними...

Морские бы пустыни

Уловка - это хорошо или плохо?

Наверное, моя мечта увидеть пустыню весной никогда не осуществится. Как ни просил отца, он не соглашается взять меня с собой.

- Что ты будешь там делать?
- Буду играть около тебя.
- Пустыня разве место, куда ездят играть?

Я сам виноват, что он не понимает меня. Ведь мог бы я сказать, как часто он снится мне в эти весенние ночи и как радостно я просыпаюсь, чтобы тут же разочароваться: всего лишь сон! Но я не могу в этом признаться отцу - я уже почти мужчина.

Весной чабаны очень заняты: отары растут за счет новорожденных ягнят, и отец редко появляется в ауле. Мой младший братишка Язгельды даже успевает забыть его. Придет отец, позовёт его, чтобы приласкать, а он дичится, убегает к маме. За несколько дней, что отец дома, братишка еле привыкает к нему.

Правда, так было раньше. В прошлом году. Теперь брат уже бегают вприпрыжку по улице и хвастает: «Я скоро пойду в школу. Я тоже большой». Он любит, подражая взрослым, облакачиваться на подушку, когда пьёт чай. И,

важничая, наставляет нас отцовскими словами: «Кушать надо не торопясь... Если за обедом болтать, то поперхнёшься...». Мама согласна, чтоб он и подушку брал, и поучал нас, лишь бы не звал отца, разинув рот в небо. Каждый раз, когда это случается, мама вздыхает: «Хоть бы отец приехал, а то изведётся ребёнок...».

У меня от истошного рёва «Па-а-па-а!» тоже почему-то подкатывает ком к горлу. Наверное, жалко братишку. Он не знает способа, как почувствовать себя старше, чтобы было стыдно плакать. А я знаю.

В комнате висит папаха отца из светло-коричневой смушки. Он надевает её по приезду в аул. Когда мама с братишкой заняты во дворе, я украдкой снимаю папаху и примеряю. Из зеркала на меня смотрит высокий юноша с возмужавшим лицом и озабоченным взглядом. Такой не станет кричать в тоске «Папа!».

Подрастёт брат, и я научу его своей уловке. А еще расскажу, что помню, как однажды отец поехал в этой папахе в Ашхабад и вернулся с орденом на груди. Наш отец - хороший чабан, и его сыновья должны серьезнее смотреть на мир.

Как-то Шекер вдруг спросила меня:

- Зачем ты надеваешь большую папаху?

- Не ври! - Я почувствовал, что краснею - то ли от ее вопроса, то ли от собственного грубого и несправедливого крика.

- Я видела однажды в щёлку двери...

- Нечего подглядывать! Можно ошибиться и потом ляпнуть глупость, - гнул я своё.

Шекер, должно быть, обиделась и решила привлечь на свою сторону мою маму. Но мама, занятая шитьем, будто не слышала обращённых к ней слов.

- Гельнедже*, - настойчиво повторила Шекер, - Агадурды примерял новый тельпек отца, я случайно увидела...

Не поднимая глаз от шитья, мама тихо сказала:

- Шекер-джан, ты ведь друг Агадурды. Вы всегда играете вместе... Если друзья станут следить один за другим и принимать некоторые слабости за недостаток, их дружба не будет долгой, Коль слабость друга не причиняет никому вреда, а ему неприятно слышать о ней от невольного свидетеля, то лучше сделать вид, что ты её не замечаешь...

* Гельнедже - невестка.

Мне стало ясно, что мама давно знала о моей игре перед зеркалом, но не считала нужным осуждать это. Сердце мое было полно благодарности к ней.

Шекер посидела в задумчивости, потом немного повозилась с Язгельды и ушла домой. Наверное, поняла, что сегодня мы не сможем с ней играть как всегда.

Вообще-то она хороший друг. Всякое там сю-сю-сю, как у других девчонок, не по ней. Она предпочитает играть со мной, а не с ними. Мы бегаем наперегонки - она не уступает мне. Я начну стрелять из рогатки - и она просит своего дедушку сделать рогатку и тоже стреляет вместо того, чтобы, как другие девчонки, учиться вышивке у молодух. Мы и на речке загорали вместе до прошлого года, когда подруги сказали ей: «Ты должна купаться в нашем броде».

Мама всегда защищает Шекер, если мы ссоримся. Говорит: «Она единственный ягнёнок в семье, ты должен быть снисходительным. У нее на службе две женщины - мать и бабушка. Вот родится у Берды ага сын, и Шекер угомонится».

Наши семьи - дружные соседи. Вечером мы с Шекер часто встречаемся на тропинке между

домами с тарелками в руках: по народному обычаю несём соседское угощение от только что приготовленного ужина.

Именно с дедушкой Шекер Акмурадом ага решил я посоветоваться, как найти подход к отцу.

- Видать, ты по-настоящему хочешь в пустыню, верблюжонок, - улыбнулся Акмурад ага.

Его доброжелательное «верблюжонок» прозвучало для меня как «дитя малое». Я насупился.

- Дело это нетрудное, - положив руку мне на плечо, продолжал Акмурад ага, - несмотря на сопротивление твоего отца.

- Но ведь если я увяжусь за ним потихоньку, он вернёт меня с полдороги.

- Исподтишка ничего не надо делать, - хитро блеснул глазами Акмурад ага. - Подход к отцу нужно искать через маму. Угодишь ей - не только в пустыню, но и в Стамбул сможешь поехать.

- Как?! - поторопился я с вопросом, имея в виду, конечно, не турецкий город.

- А чтоб она не повторяла тебе дважды какие-то поручения по дому. Делай всё быстро и сразу, а сам время от времени говори: «Хочу поехать к

папе». И уж если твоя мама станет советоваться со мной, я все устрою как надо.

Акмурад ага оказался прав. Поначалу мама ответила мне: «Нечего делать в пустыне. Думаешь, отец сидит там сложа руки? Ты распустишься без присмотра. Что, разве в ауле мало места для забав? Вот и играй здесь в свои игры». Но постепенно стала смягчаться. Как-то сказала: «Посмотрим». Потом: «Приедет отец, спрошу». И, наконец, полностью сдалась: «Съезди и отвяжись, совсем надоел!».

Как она говорила с отцом, когда тот приехал на побывку, не знаю, но она уловила-таки его в сети обещания: на мою очередную робкую просьбу он вдруг ответил утвердительно!

Правда, за день до весенних каникул в школе мама всё же вспомнила, что я целую неделю буду ходить в пустыне неухоженным. А там еще эти «проклятые» расползаются по ожившей земле (так мама иносказательно называет змей, очевидно, веря в пословицу: «Если о волке речь - он тебе навстречь»).

- Вы поглядите на нее! - в сердитом изумлении воскликнул отец. - Разве не ты своими уговорами заставила меня сказать парню «да»? Что, вчера

ребенком была, сегодня выросла?

Я всегда удивляюсь, как умеет отец, не обижая словами, указать маме на женскую непоследовательность. Другие мужчины в таких случаях чаще вспоминают длинный волос и короткий ум.

На его счёт у меня сомнений не было: уж если давал слово - менять ни за что не будет. Может за делами упустить из виду, но напомним, и он сразу скажет «ага».

Когда я учился в четвёртом классе, отец обещал купить велосипед, если закончу без троек. В конце учебного года я положил перед ним табель, где были одни «четверки» и «пятерки». Отец с удовольствием рассмотрел оценки по каждому предмету и сказал маме: «Ты посмотри, что делает наш сын!». Я, конечно, сам знал, что поработал неплохо, но смотрел на него, ожидая большего, чем простая похвала. Ну, как я-то мог забыть про двухколесное чудо со звоночком? Отец заметил мой пристальный взгляд, вспомнил, видно, свое обещание, и мы тут же отправились в магазин. Но велосипедов, увы, не оказалось. Я расстроился ужас как, потому что отец через два дня уезжал обратно в пустыню.

И напрасно расстраивался: он крепко наказал маме купить велосипед, как только появится в продаже. Я каждый день бегал в магазин, но мой зелёный велосипед нашёлся в соседнем ауле: его привез Акмурад ага вместе с красным для Шекер. И мы стали гонять с ней по округе...

В общем, как я понимаю, отец не пользовался никакими уловками, но все же признавал уступки. Иначе чем объяснить, что он все же согласился с доводами мамы о пользе моей поездки?

В ночь перед отъездом я долго не мог заснуть. Со мной всегда так: стоит ли отцу появиться дома, или бабушке приехать к нам в гости - не могу унять дневного волнения. И еще я лишился сна, когда к этому новому году директор школы премировал меня книгой за успехи по литературе и языку.

Завтра исполнится моя мечта: я увижу пустыню...

Нужно ли нарушать тишину?

Рано утром у дверей нашего дома лежал на брюхе верблюд. Отец навесил на его бока переметные сумы-хурджуны, наполненные

необходимыми вещами и домашней едой, посадил впереди меня и сел сам. Короткая команда, и верблюд, покачиваясь, встал.

- Если он соскучится и станет хныкать, пришлѐшь его с попутной машиной, - торопливо сказала мама, прижимая к глазам платок.

- Посмотрим, - ответил отец. - Будьте здоровы!

Какое там хныкать! Что за странная мысль пришла маме в голову? Глядя сверху вниз на завистливо округлившего глаза братишку, я чувствовал себя великаном, которому всё по плечу. Наш дом присел передо мной, дружелюбно распахнув крышу, я мог похлопать по ней ладошкой. Разве великан позволит себе хныкать? Прощай, детство, вон какой я - ого-го-о-о!..

И вот уже аул внизу. Холмы, по чьим горбам взбирался верблюд, еще больше увеличили мой рост. Я видел всё-всё вокруг: обросшие ивами голубые извивы Мургаба, разбросанные тут и там по берегу дома, квадраты участков-меллеков с муравьиными фигурками людей, развалины старой крепости на холме среди поля, усыпанного цветами...

Почему-то вспомнилась легенда о шахской дочери и юноше-чабане. Вот так же весной она вышла со служанками на поле собирать ранние цветы. И вдруг услышала грустную мелодию. Поодаль на дудочке-туйдуке играл молодой пастух. Жалкий бедняк, которого и близко не подпускали к шахским покоям, стал властелином чувств принцессы, обласкав ее сердце божественной музыкой. Чтобы задержаться здесь, девушка порвала свои бусы из десятков мелких монет, и, проливая непритворные слезы, вызванные печальной мелодией, долго искала монеты в траве...

И я уже чувствовал себя не великаном, а певцом-бахши, потому что при виде открывшегося передо мной простора из груди рвалась песня, хотелось громко кричать от беспричинной радости.

А история с шахской дочерью, наверное, и вправду была: не зря же крепостной холм и сейчас называется Монетным. Однажды близнецы Гельды и Курбан нашли там шесть кругляшков с полустёршимися знаками. Прибежали домой, показали «клад» матери, а та завернула их обратно, сказав, что вещь,

которая потеряла своего хозяина, им не пойдёт на пользу. На улице Гельды предложил мне две монетки, остальные, мол, они уж так и быть бросят, где взяли. Жалко было расставаться со старинными денежками, но у моей мамы языка, что ли, нет? Она, уверен, сказала бы то же самое.

Аул уже позади, мы будто глубже и глубже погружаемся в тишину пустыни. Ни ветерка. Кусты, похоже, тамариска задумчиво застыли. Вон там дно оврага заросло ериантусом. Я его сразу узнал, потому что в ауле мы любим грызть его сладкие молодые побеги. Узнал я и дикий лук, и эпилозию, но было много растений мне незнакомых. Отец в коше, конечно, расскажет мне обо всём новом, что там встретится. Да я бы и сейчас мог задать ему вопрос, но спрашивать неинтересно, лучше, когда разговор непринуждённый, тогда отец больше вспомнит любопытных подробностей.

Сбоку слышался свист. Я повернул туда голову, но никого не увидел. Свист повторился. Суслик! Белесый фартук его живота возвышался над кучкой свежевыкопанной земли. Тогда и я свистнул.

Важничающий зверёк тут же панически юркнул в нору. Наверное, сигнал показался ему враждебным.

Видно, в тишине пустыни все чужеродное воспринимается как опасность. До самого конца я не нарушал царственного покоя песков.

Стоит ли задираться, чтобы потом проявить выдержку?

Палатку чабанов я увидел издали. Она была похожа на кузовную машину, остановившуюся на склоне с заглохшим мотором. Длинный склон кончался коньком крыши, которую как бы и представлял собой довольно высокий холм. Отец предложил слезть с верблюда и добираться до коша своим ходом. Так мы и сделали.

Сама палатка стояла не на склоне, как показалось снизу, а на широкой проплешине, вытоптанной овцами. Отара собралась чуть поодаль, под скалистым выступом, и все головы, словно по команде, были повернуты в мою сторону. Выпялились, будто век человека не видели!

От гурта отделился большой круторогий баран и, подойдя ко мне, затопал передними

копытцами. То ли удивить хотел, то ли напугать. Не обнаружив в незнакомце ни страха, ни удивления, спокойно вернулся к отаре. А может, он угадал во мне сына своего пастуха и именно таким театральным способом выразил свое почтение?

С черноухим верблюдом, лежащим на привязи у вбитых в землю двух шестов с короткой поперечиной, мне знакомиться не надо: приходя с отцом в аул, он всегда пользовался моим гостеприимством.

Из-за палатки вышел здоровенный, с телёнка, рыжий пес и уставился на меня грозным взглядом.

- Гаплан, жив-здоров? Все ли овцы целы? - Отец, конечно, не ожидал ответа на свой вопрос, он просто поздоровался с собакой.

Пес с красноречивой кличкой "Тигр" нехотя отвел от меня злucie-презлucie зрачки и чуть наклонил голову, как бы кивнул отцу. Нет, не по нраву я ему. Если б не отец, наверное, растерзал бы тут же. А за что? Сузил я, что ли, мир, в котором он властвует? Не собираюсь я с ним соперничать.

Из палатки вышел помощник отца, Йомуд, за

ним - нанчи-баран. Нанчи, как добрая собачонка, подбежал ко мне и уткнулся носом в ладони. Возможно, ждал угощения, но я не был готов одарить его чем-либо вкусненьким. И с этим, значит, подружился.

О чутком и покладистом характере нанчи-баранов я знал из рассказов отца. Они ночуют вместе с чабанами и днём не раз наведываются в палатку. Не случайно их называют «будильником»: один из пастухов на ночь привязывает нанчи к своей руке. Если отара без команды снимется с места, нанчи тут же бросается за ней и будит чабана.

Когда отец только начинал подпаском, он решил, что живой будильник нужен тому, у кого глубокий сон, а он, мол, и так просыпается по малейшему шороху, и, в отсутствие старшего в коше, перестал привязывать к себе нанчи. Однажды проснулся - нет отары. Ни рядом, ни вдали. Целый день убил, чтобы найти ее щиплющей во влажной впадине только что проклюнувшуюся травку. «Ну, так бесшумно ушла, вот как волос из теста вынимают, - вспомнил отец, и по прошествии лет удивляясь способности овец и своей переоценке

собственных возможностей. - Тогда-то я понял, что навыки предков рождены не зря, пренебрегающий ими вредит делу...».

Опыт старших полезен, верно. Меня в этом еще раз убедил Акмурад ага, так чудесно устроивший мою поездку в пустыню. И я решил прощупать Йомуда насчёт Гаплана. Чувствовал, будут у нас с ним осложнения, и если хочу здесь спокойной жизни, значит, должен наладить контакт со свирепым псом. Спросил не напрямую, а увидев еще двух собак коша: какая из трёх самая умная и храбрая?

- Обрати внимание, Бек ходит за отарным ослом, как привязанный. - Йомуд показал на чёрного пса. - А джигита ведь узнают по другу. Да и имя говорит о многом. Люди из породы беков тоже ведь не утруждают себя работой. Зато острый нюх - первым даёт знать о появлении волка... Серая спит очень чутко, и в скорости ей нет равных. Это помесь собаки с волком. Она всегда идёт впереди отары на расстоянии звука. Быстрота бега объясняется ее сложением. Ты заметил, она похожа на гончую?.. Но настоящий смельчак у нас - Гаплан. Воистину тигр. Он нелюдим, но стоит подобраться к отаре волку, вот

тогда увидишь его силу. Те двое к хищнику и не подступятся, будут кружить, поднимая задние лапы у каждого куста, и скулить. Гаплан подойдёт и решит вопрос, будто спичку переломит. Но... стареет, бедняга, слепнуть начал...

Очень тепло говорил Йомуд о Гаплане, что называется, раскрыл мне глаза на все его достоинства и недостатки, и я твердо решил добиться расположения рыжего страшилища.

Я нет-нет, да и приближался к его лёжке, но когда переступал какую-то черту, ведомую лишь ему, он с коротким тихим рыком скалил огромные клыки. Этого зачаточного рычания хватало, чтобы я поворачивал лыжи назад. Всю оставшуюся половинудня я его как бы не замечал, пытаюсь уловить хоть каплю интереса к себе. Но подслеповатого волкодава, как я убедился, моя особа нисколько не занимала: он просто ни разу не взглянул в мою сторону.

А на утро отец раным-рано поднял отару и не стал меня будить, пожалел. Йомуд уехал на день в аул. Мы оказались в коше вдвоем с Гапланом. Ну, ещё черноухий верблюд, но о нём что говорить? На его помощь я в случае нужды не рассчитывал.

Умывшись, я прислонился к чугунку с

углями и, выковыривая ножом кусочки мяса из сала в эмалированном ведре, стал раздумывать под ленивое жевание, как же мне приручить высокомерного компаньона. Гаплан лежал в тени скального выступа, не обращая на меня никакого внимания.

Постепенно созрел план. Он высокомерен, а мне чего чиниться? Попробую подлизаться. В конце концов он прав: мы не равны. Я должен склониться перед его мощью и силой. Уступить старости, если хотите.

Развернув скатерть-сачак, где лежали чуреки, напечённые мамой, отломил большой кусок и снова завернул, вспомнив наказ отца, что у раскрытого сачака найдётся хозяин, да не один - ящерицы, жуки, суслики, короче, любителей дармового хлеба в пустыне много.

- Гаплан мой - храбрая собака... И волка не боится..., и тигра не боится, - приговаривая вот так, я потихоньку подходил к нему. У нас в ауле многие собаки любят ласковые слова.

Подойдя на бросок, кинул кусочек чурека к собачьей морде. Потом ещё и ещё. Гаплан с сытой неохотой понюхал逼近ющий кусок и уставил на меня жёлтые глаза. Если бы он начал есть, это бы значило, что недалеко и до полного доверия. Потом я глажу его по спине, а следующий этап в

дружбе - забираюсь на него.

Под эти приятные мысли о персональном коне в пустыне я сделал еще два шага, льстиво выпевая: «Гаплан мой - сильнее льва...». То ли черту запретную переступил, то ли перехвалил, но пес ощетинил загривок и рывкнул оскаленной пастью. Сердце моё ушло в пятки, и не желая показывать это противнику, я тихо-тихо попятился назад.

Выйдя из опасной зоны, я сам неожиданно расสวิрепел. Подумаешь, гроза волков! Я что, себя ниже ценю? Дрожа от мстительного чувства за свое малодушие, обошёл палатку и возле каких-то длинных узких ям - для ловли ночных зверей, что ли, вырыты, как рассказывается в учебнике про древних охотников, - подобрал всякие отбросы: консервную банку, обломок кирпича, даже бутылку из-под масла нашёл.

С неё я и начал артобстрел. Когда, подпрыгивая, бутылка покатила к Гаплану, его будто взрывом подбросило с земли. Он прижал мой «снаряд» лапой и цапнул зубами. Та же участь постигла и кусочек кирпича. А консервная банка еще была в воздухе, когда пёс, поняв, что причина его беспокойства не в летящих предметах, а во мне, метнулся в мою сторону.

Я и «мама» не успел подумать, как оказался верхом на верблюде, благо он стоял сегодня у перекладины. Что помогло мне прям-таки взлететь по коновязи, ума не приложу. А ведь и в расчёт не брал черноухого.

Гаплан подступил разумнее, чем я. Он не стал бросаться на меня, а спокойно улегся у ног верблюда, как бы говоря: «Если ты обойдешься, сидя на горбатом, то и я обойдусь, не мстя тебе».

Испуг мой утих, и я с верхотуры принялся разглядывать окрестности. Стало понятно, почему отец выбрал для коша такое место: отсюда можно было пасти стадо глазами - взгляд обнимал безмерный травяной простор вокруг приземистых нижних холмов. Под лёгкими порывами низового ветра поле перекатывалось изумрудными волнами разных оттенков, от самых ярких до зеленовато-седых, и походило на беспокойное озеро. Отец, видно, оберегая ближнее пастбище, увёл отару далеко-далеко. На глаза попадались только редкие купы ериантуса, похожие на лениво пасущихся коров.

А день был сегодня словно летний - весь сиял. Сквозь прищуренные веки я понаблюдал за солнцем, катящимся по небу, как лепешка

сказочной Акпамык, потом - за тенью от верблюда, которая все уменьшалась и уменьшалась...

В ауле сейчас жарко. Наверное, ребята купаются. Я представил наш Глубокий брод и себя в кругу друзей. У каждого в руках чурек, который еще вкуснее, если размочить его в речной воде. Песок и река, жар и прохлада - сколько раз за день мы меняли одно на другое! Весна и осень! А что это такое? Для аульских ребят лето начинается, когда входит в силу солнце, несмотря на время года, и тянется до холодов. На берегу не бывает только тех редких пай-мальчиков, что боятся простудиться. И часы бегут быстро в компанейском веселье, не успеешь оглянуться - вечер.

А вот когда ждёшь...

Уже и Гаплану надоел его караул - замучили мухи. Он лязгал зубами вдоль своих боков, встряхивал передними лапами, морщил шкуру - ничего не помогало.

Соревнуясь с ним в выдержке, я подумывал и о вариантах побега. Что, если бы верблюд оборвал верёвку? Тогда мы этого кровожадного увальня оставили бы в дураках. Если горбатый

наберёт прыти, за ним не то что собака, и скакун не угонится. Однажды верблюдопас Овездурды поскакал за двумя покинувшими стадо верблюдицами. Он даже не смог окунуться в пыль от их ног, а конь его считался самым резвым в ауле.

Нет, не откликается черноухий на мои подталкивания. Жуёт свою колючку и не возьмёт в голову, почему я прилип к его спине.

На горизонте проехала машина, я замахал рукой, что, конечно, было смешно на таком расстоянии, но нечто похожее на отчаяние Робинзона, незамеченного с проходящего судна, испытать пришлось.

Другое порадовало: тень от верблюда сползла с Гаплана, и солнце вынудило-таки пса убраться под навес в скале. А может, это хитрость опытного потрошителя волков? И он ждёт, когда я слезу со своей стремянки? Назло ему я не покинул спасательные горбы, пока не вернулся отец с отарой. И очень гордился проявленной выдержкой.

Правда, если бы я не встал на тропу войны с собакой, которой до меня не было никакого дела, не пришлось бы и терпеть. А?..

Что напоминает дождь?

Дождь идёт...

Когда идёт дождь при нахмуренном небе, у меня портится настроение. Чувствую себя неудобно, будто в гостях у незнакомых людей. Плачущие облака, намокшая одежда, вокруг всё серое - бр-р-р, неприятно.

Осёл вон и тот стоит съёжившись, словно хочет уместиться под своим седлом, как под зонтом. Сидящая далеко впереди отары Серая похожа на промокшую курицу. Собака, по-моему, тоже не очень-то жалуется такую погоду, и, если бы не овцы, как ни в чём не бывало пощипывающие траву и нуждающиеся в охране, она бы давно нашла себе укрытие.

Вот что я люблю, так это дождь при солнце. Мне кажется, светило смеётся до слез, глядя на меня, и самому становится радостно, хочется не пропустить этот миг веселья. «Миг» - потому что нельзя смеяться долго, скулы заболят. Когда я был маленьким, всегда бегал под солнечным дождём, взбрыкивая, как козлёнок. Теперь одно из любимых моих занятий - задрать брюки выше колен, побродить после такого дождя по сверкающей каплями траве. Намокшие баш-

маки напоминают детство...

Часто из мокрой травы тебе выставляет шляпки грибная семья. И опять пожалеешь, что нет с собой лукошка, и снова выручает подол рубахи.

Славные, тихие минуты сопровождают солнечный дождь...

Когда с тёмного неба льётся затяжной дождь, я чувствую себя всадником, все более удаляющимся от своего аула, от мамы, от друзей, от всего любимого.

Сегодня снова идёт дождь...

Отец принёс в хурджуне что-то жалобно мекающее, и я сразу забыл о дожде. Ягнёнок! Он родился в поле!

Еле дотерпел, пока его вытащат на свет, и прижал к груди. Маленький серый комочек голосом звал мать. Мог ли я, только что представивший себя одиночкой, которого унылый дождь отделяет от материнского тепла, не посочувствовать малышу? Да и найдутся ли такие, что не захотели бы приласкать увиденного на улице ягнёнка, погладить по его завиткам, по мордочке!

Правда, пострелята не всегда отвечают

взаимностью. При их склонности к игре они пугливы и, чуть протянешь руку, убегают вприпрыжку за спину матери. Остаётся смотреть, какие забавные пируэты они выделывают в погоне друг за другом.

В ауле, когда в дом вносят из хлева новорожденного ягнёнка, за ним тут же вбегает и овца. Она не успокоится, пока ее чадо не уткнётся ей в живот. А за моим неожиданным гостем никто не шёл, и снаружи не было слышно голоса тоскующей матери.

Оказывается, Йомуд искал ее сейчас в отаре, чтобы привести на принудительную кормёжку к новорожденному. И лучше бы он этого не делал. Не видел бы я тогда, как вырывается из чабанских рук овца с одним желанием - вернуться в стадо. На ягненка она и не глядела, какая уж там забота! Будто серенький не родной ей, а так, седьмая вода на киселе.

Во мне всё клокотало от возмущения. Но запарившийся Йомуд не отпустил ее, не сказал: «Иди. Что найдёшь - твоё», как говорят в досаде отчаявшиеся на уговоры взрослые своим доросшим до показной самостоятельности

детям. Овца зря старалась выскользнуть из крепких. рук: её ждала одна из ям, которые я видел за палаткой. Это, оказывается, не ловушки для зверья, а овчарни, специально для таких вот малосознательных, которые не признают своих детей. Овца не может здесь развернуться или удрать, и ягнёнок, как правило, все же заставляет ее выполнить долг кормилицы.

Йомуд с помощью отца затолкал упирающуюся овцу в яму. Туда опустили и ягненка. Очень хотелось посмотреть, как он начнёт есть, но... Шёл дождь, и меня отправили в палатку. Пока я, переодевшись, ставил воду к чаю и помешивал на огне каурму, пришел отец с Йомудом.

Когда мы поужинали, уже совсем стемнело, и отец сказал, что я ничего не разгляжу в яме, пора готовиться ко сну. Сам он лёг в углу палатки, а мне постелил ближе к печке. Йомуд угостил барана-нанчи любимым лакомством - черствым чуреком, и они вместе устроились у входа. В палатке было тепло, дождь со своими заботами остался на улице и ярился на нас, не в силах проникнуть сквозь брезент. Его струи тревожными упрёками падали на палатку,

шуршали по стенам. А временами он в стоворе с ветром пытался приподнять наш шатёр, но - увы.

Мне было не видно тяжёлого неба со жмущимися друг к другу облаками, но я знал - они есть. Я не видел и наших собак, но знал - они стоят на постах вокруг отары. А вот что с моим беспризорным другом-ягнёнком? Признала ли его мать? Накормила? Не мокнет ли он под холодным дождём? Сердце мое было там, в узкой яме. Хорошо бы проснуться раньше всех...

Но встал я не первым. Дождь прекратился, и Йомудасотаройнебылопоблизости. Лишьвзагоне остались овцы с ягнятами. Отец кормил собак. Забыв умыться, я бросился к яме. Ягнёнок тихо без жадности сосал молоко. Овца с тоской водила глазами по сторонам, наверное, прислушивалась, где отара. Подошёл отец, обронил: «Угу, эти в порядке», - и вытащил пленников на волю. Значит, он тоже волновался, не останется ли ягнёнок сиротой при безмолочной матери. Тогда его пришлось бы кормить у других маток, а это сложнее.

Перевоспитавшейся овце явно хотелось побыстрее соединиться с товарками в загоне и

поболтать о достоинствах своего отпрыска, но она сдержалась. Дождалась ягнёнка, который говорил: «Ме-ме, и я с тобой!», и повела его, не торопясь, к таким же лопоухим, чтобы он почувствовал себя членом большого овечьего коллектива.

**Говорят: собака - друг человека.
А разве человек не должен быть
другом собаки?**

На этот раз я не проворонил рассвет и всем своим видом показывал, что готов вместе с отцом и Йомудом следовать за отарой.

Не оставаться же еще на день в обществе угрюмого Гаплана, то и дело ожидая расплаты за давний грех?

Но отец сказал, что путь стаду предстоит дальний и лучше мне остаться в коше.

- А ты, Йомуд, смени-ка сегодня посох на ружьё да поищи того шакала, в зубах которого осталось мясо ягнёнка корноухой овцы. Помнишь, той, что принесла в прошлом году двойняшек? - Йомуд кивнул. - Надо с ним побыстрее рассчитаться, иначе он доставит

нам хлопот. Сдаётся мне, нора его где-то поблизости.

Отец говорил мне, что его помощник меткий стрелок, поэтому, значит, и поручает ему это дело. Йомуд отбросил в сторону чабанскую палку и скрылся в палатке. Высунувшись вскоре с двустволкой в руках, он обескураженно обратился к отцу, который уже седлал осла:

- Рахман ага! Нет на месте... Этого...

- А! Это есть! Подними мешок с солью - найдёшь.

Как они понимают друг друга - с полуслова! Да и я догадался, о чём речь: отец спрятал от меня патроны, чтобы, не дай Бог, не бросил их в огонь. Что я, маленький, что ли?

Когда Йомуд вышел с заряженным ружьём, я, будто ничего не жду от этой жизни, копал землю носком ботинка.

- Идём, Агадурды, вместе пойдём, - понял он моё настроение.

Дважды повторять мне не надо было. Я подбежал к нему, жадно разглядывая двустволку.

- Не боишься звука выстрела? - спросил он.

- Если неожиданно, могу вздрогнуть, - честно

ответил я.

Йомуд бросил на меня внимательно-весёлый взгляд. Должно быть, ему понравилось, что я не старался казаться лучше, чем есть на самом деле.

Мы довольно долго шли по холмикам, я острым взором охотника окидывал окрестность, но по виду Йомуда нельзя было сказать, что он стремится увидеть шакала - он больше смотрел себе под ноги. Конечно, взрослые считают, что они нас должны учить, и обижаются на советы младших. Так что помолчу уж.

Пошёл песок, и я тоже невольно уткнулся в него взглядом, выбирая дорогу. Сыпучая поверхность вся в перекрещивающихся чёрточках и каких-то пятнах, как альбом для рисования моего братишки. Вон след желтопузика! В нашем ауле их можно встретить на каждом шагу. Мой одноклассник Абдулла иногда приходит в школу, подпоясанный желтопузиком, чтобы девчонки в сладком ужасе заверещали: «Ах, какой удалец!». Но у желтопузика и яда-то нет. А вдруг я пересёк след ядовитой змеи, и она подстерегает меня где-то впереди? По коже поползли мурашки. Но я

быстро успокоился, вспомнив газетную статью, где говорилось, что в нашем этрапе обитают двадцать два вида змей, известный змеелов Орлов ежегодно вывозит их отсюда мешками, но я что-то не слышал в ауле об укушенных. Говорят, если не трогать ядовитую гадину, и она не тронет...

Из-под ног то и дело брызгали прочь ящерицы, но вот следов, напоминающих собачьи, я не углядел, и как открытие, пришла в голову мысль: «А ведь шакал похож на лису! Может, он свои следы замечает хвостом?». Я поделился ею с Йомудом. Тот только улыбнулся, искоса взглянув на меня.

Он часто так улыбается, не давая понять, подтверждает ли соображение собеседника или отрицает. Вчера, нет, позавчера, когда он в дождь вернулся из аула, я за чаем обратил внимание на шишку у него на лбу. Небольшая такая, как альчик, которым мы играем с ребятами. Я не удержался: «Дядя Йомуд, откуда это у тебя?». И он вот так же мило улыбнулся, скользнув по мне весёлыми глазами. Ответил за него отец: «Сынок, в ауле, в гостях, он забыл, что находится не в коше, и решил налить себе сам

супу. Тогда одна тётя обиделась: «Кто ты такой, чтобы отбирать мою заботу!» - и шлепнула его ложкой». Йомуд опять улыбнулся. Возможно, отец пошутил, но я почему-то решил не уточнять, где правда. Это личное дело Йомуда, верно?

Тут из-за куста вдруг залаяла собака. Рядом с ней оказалась недавно разродившаяся овца с чёрненьким ягнёнком. Обходя эту троицу, Йомуд поднял ружьё. Собака яростно заметалась туда-сюда, залиvistый лай перешёл в злобный хрип, но своих подопечных она не бросила.

- Ты видел, что она делает, - спросил Йомуд, когда мы миновали куст.

- Видел.

- А понял, что она сказала, когда я нацелил ружьё?

- Нет... - я пожал плечами: что за шутки?

- Она сказала: «Вашей доли здесь нет. Если захотите отобрать, не отдам, хоть умру». Знай: это очень хорошая собака. Никчемная убежала бы от ружья, подняв хвост. Наверняка собака Сары Лысого, его отара должна быть неподалёку.

Сколько я видел собак, и все разные. Как люди... Но и шакалы бывают с чудиной, вспомнил я вдруг. Обычно они убегают при

виде человека, а вот тот шакал, который встретился Язджуме Махи, проявил себя храбрецом. Правда, потому, наверное, что Язджума струсил. Он нарезал у реки камыш для крыши сарая и на обратной дороге наткнулся на шакала. Бросил вязанку и с криком: «Ой-ой, вай-вай!» - мы с Сапаром купались и слышали - пустился наутёк. Позорное бегство человека взбодрило шакала, и он кинулся вдогонку. Я как представляю вжавшего голову в плечи, отмахивающегося назад серпом Язджуму, так хохочу всегда. Но надо же было случиться, что в очередном скачке шакал налетел-таки глазом на серп. Это дало потом возможность Язджуме похвалиться: «Этот бешеный как набросится на меня, а я как дам ему серпом по морде, он - брык, и тут же дух испустил». Мы с ребятами бегали смотреть труп, пока Аман ага из Калтахара не засыпал его песком.

Мы успели к полуденному чаю в коше Сары ага. Лысым его называют, конечно, только за глаза, хотя голова его и впрямь как голая коленка. А шутник, оказался, с ним всё время держи ухо востро.

Протянув мне руку, он сказал:

- Дай пять. - Тряхнул мою. - Ты в каком классе учишься, батыр?

- В пятом. - Я сделал вид, что не заметил подтрунивания.

- А в каком классе наша Айпарча?

- Айпарча Сарыева? - Я сразу вспомнил девчонку, которая сидит на третьей парте в ряду учителя и носит платья с красиво вышитыми воротниками.

- Та самая, сынок. Эта Айпарча Сарыева - мой чертёнок.

- В нашем классе.

- А-а, хорошо-хорошо. Тогда ты, парень, будешь нашим зятем?

Ну, уж это слишком! Я опустил загоревшееся лицо.

- Ты ее за косы не дергай, молодец. Знаешь, как теперь повысилась ценность девушки? Будешь хорошим сейчас - в будущем это твоей заслугой обернётся.

- Не смущай парня, Сары ага, - вступился за меня Йомуд и взялся за ручку закопчённого кумгана. - Давай, браток, подолью тебе чаю. Хозяин, видно, к зиме приготовил запас каурмы, уж больно солона. Обопьёшься потом.

Он налил чаю в мою пиалу с жареным мясом, превращая второе блюдо в первое - суп с плавающим жиром.

Бойкий Сары ага не остался в долгу.

- Насчёт соли, браток. Подобный тебе тупица... то есть, я хотел сказать, такой же, как ты, подпасок есть и у меня. Попросишь принести халат-дон - несёт казан. Это мясо - его рук дело, будь оно неладно.

Йомуд понял, что разговор краем коснулся и его, улыбнулся и почесал затылок. «Неужели опять ограничится своей непонятной ухмылкой?» - подумал я. Ан нет...

- Сары ага, - продолжая мягко улыбаться сказал Йомуд, - мне кажется, чабаны похожи на свекровей. Как тем всегда не нравятся невестки, так вам - подпаски... Ешь, браток, - кивнул он мне успокаивающе, - Сары ага не может испортить нашего аппетита.

Хозяин открыл рот, выпучил глаза и... громко захохотал, схватившись за тугой живот...

- Дай пять! - пробормотал он, наконец, сквозь слёзы и шлёпнул ладонью о ладонь Йомуда.

Отходчивый, понимает шутки и других. Мне стало легко в компании этого толстяка.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Сары ага на днях отплатил шакалу, загрызшему нашего ягнёнка, и нору его засыпал. Йомуд рассказал о собаке, которую мы встретили. Да, это его собака, но хозяин и не подумал бежать на указанное место. Наоборот, теснее прижался к внешней стенке палатки - «Если в спину дует ветер, я чай не признаю» - и принялся рассуждать о своем верном стороже:

- Говорят, если животное не похожа на владельца - это несчастье. Мой Бойнок такой же жесткий, как и я. Десять дней не приду к нему - все равно не подпустит к овце никого. Я этот род хорошо знаю. С его бабкой-прабабкой познакомился еще в войну, только в пески тогда пришёл. Байрам ага был моим пастухом. Старый-престарый, еле ноги передвигал, и то лишь потому, что весь народ в большом несчастье находился. Однажды загнали с ним овец за загородку, сели пить чай. И тут к собачьей миске побрела, качаясь, старая сука. Чабан расстроился и замолк. А потом запел вполголоса: «Достигнешь горы, скажи: счастливое время прошло...». Чем я мог его утешить? Да... В тот же день, после полудня, он дал мне в руки

тарелку с трещиной и сказал: «Отведи старую собаку к тем холмам, а это поставь перед ней». Я и не задумался, что к чему, молодой был, глупый. Выполнил поручение. Утром пришлось мне седлать верблюда и ехать в аул, уж и не помню, по какой причине. Вернулся через неделю - нет старой собаки в коше. Побежал к месту, где ее оставил, а она лежит возле треснувшей миски остывшая. Как говорится, умерла на посту... Бойнак - ее потомок. Да... - Сары ага задумался, видно, о прошлом и вдруг блеснул в мою сторону хитрыми глазами. - А на днях у него потомство появилось, целых пятеро: куцая сука ощенилась...

- Я так и заёрзал на месте: ужас как захотелось щенка. Сары ага заметил это, но вопрос обратил к Йомуду:

- Вам не нужна собака? - И тут, хитрец, равнодушно бросил в сторону: - Вообще-то, в ауле многие просят привезти щенка.

- Мне нужен! - невежливо опередил я ответ Йомуда.

- Если нужен, зять, подожди дня два-три, пусть откроют глаза. Я вам сам сообщу.

Как ни хотел я сдержать радость, не мог. Сары

ага посмотрел на меня с завистливой улыбкой.

- Что можем, надо делать для детей. Ты гляди, Йомуд, как радуется наш зять. Да подари нам сейчас кто-нибудь ключи от «Волво», мы не обрадуемся так, как он.

- А в тот день, когда у тебя родился внук, какого барана отвалил ты Гарли Ферме за эту весть? - ядовито-ласково спросил Йомуд. - Если ты не обрадуешься, Сары ага, из тебя, и копейки не вытащишь.

- Человек только тогда человек, когда хорошему радуется, а плохому печалится.

- Значит, пока мы оба принадлежим к людской породе, - примиряюще сказал Йомуд.

Но Сары ага не мог успокоиться, коль разговор зашёл о внуке:

- Малыш уже знает много слов. Щебечет: «Я дедын сын». Как приду, с рук не слезает. А когда без меня плачет, говорят, орёт: «Я к деду хочу!».

Чувствовалось, о своем «языкастом звоночке» Сары ага может говорить бесконечно. Но Йомуд, поблагодарив за гостеприимство, встал. Нас ждали дела в своем коше.

На обратном пути Йомуд лишь раз помянул имя Сары ага:

- Ты, небось, решил, Сары ага только тем и

занимается, что разговоры разговаривает? - Он скосил на меня улыбчивый взгляд. - Потому, думаешь, он и лысый, как древний мыслитель Сократ, что копит много баек для гостей? Он, действительно, лысый, самый лучший лысый из всех, каких я встречал. Хотя... говорят, любит прятаться под мостом, чтобы пугать лысиной проезжающих ослов.

Мы долго вместе хохотали над этой шуткой.

Отец с отарой еще не вернулись. Йомуд, вымыв казан, занялся приготовлением пищи. Я начал таскать к очагу полешки саксаула из кучки у скалы. И странно - без боязни ходил на глазах у Гаплана. И он не делал попыток броситься на меня, поминая старое. Незлопамятен или, может, включил уже меня в число тех, кто имеет право подойти к отаре, участвовать в хозяйственных делах коша?

**«Да» - и вправду не то же самое,
что «мм-да»?**

Наконец-то мы идём с отцом, рядышком, за отарой!

Овцы пасутся на ходу, рассеявшись по холмам. Временами до нас доносится звон

колокольчика идущего впереди вожака. Последними, кучкой, пасутся старые овцы, начавшие тощать. Иногда отец кричит: «Эй-хей!» - и передняя часть отары дружно откидывается назад, давая возможность слабосильным догнать себя. Овцы приучены к командам чабана, иначе за день так набегаясь, что ног под собой не почувешь.

Я вдруг обратил внимание, что не вижу ящериц, в изобилии попавшихся мне вчера. Почему так? - спросил я отца.

- Покойный Аганияз ага говорил: овцы - как пожар, где они пройдут, не будет ни змей, ни ящериц. Ещё слышал я, что эти холоднокровные не переносят овечьего запаха. Вот почему отара может день и ночь находиться в поле, а редко кто из овец страдает от змеиного яда.

Ну, раз отец вспомнил своего первого учителя Аганияза ага, он не ограничится этим коротким замечанием: в нём жива благодарная память юности. Так и вышло. Хотя начал он по случайному поводу:

- Вон, видишь куст с набухшими почками? Это саксаул. Здесь он встречается редко, а в белых песках его много. Осталась неделька-

две, и он начнёт цвести. Да как! Просто глаза разбегаются. Зимой он виден из-под снега, тогда нет ценнее пищи для овец... Аганияз ага любил повторять, что в степи есть любые лекарства от болезней животных, надо только знать их. Вот ходишь и смотришь, где что растёт, запоминаешь. Когда-нибудь пригодится. Например, полынь вылечивает от глистов. Это ранняя трава. Через пару холмов отара выйдет на неё, я тебе покажу. Если у овец расстроился желудок, их надо попасти там, где растёт катран. Можно варить его корень и добавлять отвар в колоду с водой... А ты не заметил, какая трава под постелью в коше? - Отец испытующе посмотрел на меня и, очевидно решив, что о триоснице «ребенок» еще не слышал, продолжил: - Для чабана астрагал - триосница - подушка и постель. Змея на этот запах и близко не подползёт. Иначе, окаянная, может занять передний угол, будто в свой дом пришла. «Астарагал-трава на счастье подпаска выросла», - говорил Аганияз ага. В дождь чем огонь разжигать, когда все намокло? Астрагалом. Подожди пучок спичкой - будто масло прольётся на костёр. Он влагу не воспринимает. Сколько бы дождь не лил, поверхность его - как оперение

утки...

Отец остановился. Я проследил за его взглядом: отара стала переваливать за хребет дальнего холма, скрываясь из вида. Я было бросился возвратить животных, но отец сложив рупором руки, крикнул протяжно: «Хай, хайт!». Перед отарой будто приведение возникло - так стремительно она откинулась от вершины вниз. Колокольчик жожака повёл овец по склону.

- Овца - очень нежное животное, - неожиданно мягко сказал отец. - Вроде и не смотрит на тебя, безразлична, но если от души полюбить ее - она поймет. И будет определять по голосу: ум у нее в ушах. Ты понял: бежать за отарой по нашим холмам вверх-вниз - калекой станешь. Конечно, весной, когда овцы на сносях, забот прибавляется. Ягнёнок, только родившийся, может уснуть, запутавшись в траве. Приходиться следить. А в остальное время отару нужно пасти голосом. Тогда и скот будет цел, и сам не измучаешься. Только не думай, что надо поминутно кричать. Овцы шум не любят. Настоящие чабаны всегда пасли, не видя овец, лишь слушая землю. Такая отара не имела потерь... Аганияз ага умел держать овец в руках. Голосом он мог заставить

кружить их на одном месте. Многие пастухи думали, что дело в самой отаре - опытный, дескать, вожак, умные бараны. Но когда приспичит, обращались за советом не к овцам Аганияза ага, а к нему самому: как тут быть, как тут? Были и завистники. Однажды они уговорили завфермой дать Аганиязу ага больше молодняка, тогда, мол, станет ясно, какой он умелец. Гляжу я, что-то много у нас стало подросших ягнят. Неспроста, думаю. А Аганиязу ага хоть бы хны. Сказал заведующему фермой: «Хорошо», а меня успокаивает: «Делай вид, сынок, что ничего не случилось. Им же будет стыдно, когда поймут, что скот таков, каковы хозяева». Ну и заставили нас попотеть пугливые новобранцы дней десять! Барашки выросли в разных отарах, все с разными привычками, ни голоса твоего не воспринимают, ни тебя. Каждый сам по себе. Я-то был молодым парнем, маялся, не терпел. А Аганияз ага уже шесть десятков лет кинул на плечи, поясница его искривилась, сил уменьшилось. Лопнуло у него терпение. Но сдаваться - ни-ни. Его «да» всегда было твёрдым. Задело, значит, за живое. Привёл овец на сочное пастбище, накормил досыта. Утром велел мне погрузить на верблюда весь наш

скарб. «Ты, - говорит, - братишка, отправляйся туда, где в прошлом году Овлет и Джумадурды держали ягнят около Гызылкаты. Там и устрой кош. А я с отарой пойду следом». Стало ясно, что старый чабан оседлал какую-то мысль. На место, куда я пришел до полудня, отара добралась лишь к вечеру. На следующий день Аганияз ага загнал овец в разщелину, с трех сторон сжатую обрывистыми красноватыми скалами, меня с палкой поставил у узкого выхода. И начал охаживать плохих учеников. Стегает, стегает, они мечутся по кругу с другими, он кричит: «Хей-хай! Стой!» - если не останавливаются, опять принимается бить палкой. Через неделю вся отара без исключения откликалась на еле слышное «хайт». Прошепчешь - и катят назад. После этой «учебы» мы вернулись на прежнее место, и я насладился позором наших завистников...

Отец приостанавливается и, сделав руку козырьком, вглядывается вперед. Вообще-то солнце сегодня не заставляет жмуриться, оно скрыто за облаками, расстелившимися по небу ровной темно-серой кошмой. Но, наверное, козырёк обостряет все же зрение. Я не вижу,

что заинтересовало отца. Может, опять часть отары спустилась на невидимую сторону холма? И повинуюсь внезапно вспыхнувшему в груди желанию проявить свою власть над отарой, я кричу:

- Хе-ей! Сто-ой!

Мне тут же пришлось раскаяться в необдуманном поступке: не шелохнулась ни одна овца, даже морды никто не повернул. От серых спин ко мне шли - я это чувствовал! - волны холодного презрения.

Отрывисто крикнул отец - отара послушной волной откатилась назад. Вобщем, подтвердилась старая истина, что между «мм-да» и «да» есть большая разница.

- Ничего, сынок, - подбодрил меня отец. - Даже доктор Лукман, который понимал язык всех степных растений и мог вылечить ими любую болезнь, не знал лекарства от зубной боли. Когда его спрашивали, как утихомирить ноющий зуб, он вырывал первую попавшуюся под руку траву и уходил.

- И что? - глянул я исподлобья, думая, что он посмеивается надо мной.

- Доктор этим говорил: «Нет другого выхода,

как удалить зуб».

Отец рассмеялся по-доброму, и мою насупленность как рукой сняло. Конечно я понял, что нет никакой связи между зубной болью и брошенной мной на ветер командой. Однако сознание того, что ты не одинок в неудачах, несколько примиряет с ними. Овцы привыкли к голосу отца, я для них никто. Но если я стану чабаном... А может, врачом?..

Трудно в одиннадцать лет выбрать себе профессию. Их столько, хороших и разных. Например, собаковод-пограничник. Тут я вспомнил о щенке, которого обещал Сары ага, и нетерпеливо подумал: еще два дня ждать.

Чабанский посох мне тоже нравится. Отец несёт его косо на плече, а иногда перекладывает за спину. В начале пути я подумал, что отцу тяжело и хотел на время попросить пастушью палку, но увидел, как он поднимается на холм, опираясь на нее, и не стал. Я без палки могу взобраться, даже налегке лучше, она все же длинная. С вершин хорошо видны красные цветы на солнечной стороне склонов. Отец говорит о холмах, как о живых: ему кажется, они могут свернуть свои цветастые одеяла и уйти куда-то. Он ведь видит

степь не только ярко весенней, но и обесцвеченной жгучим солнцем лета, и унылой - осенью.

- Вот триосница, видишь? - кивает отец. - Султан, как на кукурузе. Овцы прошли мимо, будто гребень через мягкие волосы, даже о здоровье у него не справились. Они едят триосницу, когда другой травы остаётся мало. Тогда она сладкая, словно мёд... Ну, верблюжью колючку ты знаешь. Сейчас она молода, а с жарой расползётся и захватит всё вокруг. Одна из немногих трав, что имеют зелёный халат с весны до глубокой осени. Как и верблюды, легко переносит засуху. Сок жизни она тянет из земли через длинный-длинный корень.

Отец читал травяной покров, как книгу. Каких только растений, оказывается, нет в нашем Бадхызе! И предгорные, и характерные для средних песков... И каждое полезно людям или животным. Может, все же попробовать дорогу легендарного табиба Лукмана? Врачевать животных? Или... - у меня даже дух захватило! - в дрессировщики пойти? У меня бы хватило терпения обучать зверей лаской, а не битьем...

Отара растянулась, кое-где были видны укладывающиеся на отдых овцы. Как говорил

мне однажды отец: если животное начинает сгибать колени, значит, наелась.

Мы обошли отару и повернули ее к кошу. И снова меж холмами полз серый поток, то растекаясь по сторонам, то сгибаясь узкой лентой меж крутых холмов. Посеял мелкий дождь.

Пески, которые обычно связаны с представлением о движущихся барханах, сейчас похожи на волнующееся зелёное море, совсем как то, которое показал мне однажды, взяв с собой в поездку, дядя Апат. У него ни начала, ни конца. Куда ни глянешь, всюду будто переливается, сверкая разноцветьем, сплошная вода.

Мне припомнился урок географии, где нам впервые сказали, что на месте пустыни когда-то плескалось море. Почти всё живое, что сейчас населяет пески, тогда плавало. А кони, наверное, были чайками, в вольном полёте меряющими небо над водной гладью.

Мне кажется - неужели я не прав? - что буйно зелёная каждую весну пустыня вспоминает свое прошлое, то самое время, когда она была морем...

Ложь во спасение?..

Это ужасное событие случилось в те сутки, как мне доверили пасти овец с ягнятами отдельно от отары.

Я был горд поручением, а особенно еще и потому, что Гаплан не рычал на меня больше, когда я невольно, без всякой задней мысли, озабоченный только тем, как лучше сделать дело, проходил вблизи него. Значит, он признал меня своим! Меня терзал стыд, что я пытался добиться этого уловкой, насильно. Собака тогда почувствовала мою корыстную неискренность.

Свое «стадо» я не обременял суровыми ограничениями и запретами. Просто следил, чтобы отдельные овцы не отбивались слишком далеко, а куда они двигаются все вместе - их дело. Трава вокруг коша везде сладкая.

Изредка я поглядывал в сторону палатки, там тоже было интересно. Отец, обложенный иглами, дратвой, ремнями и пряжками, чинил старое седло, Йомуд месил тесто, намереваясь испечь в горячей золе лепешки.

Когда к нам завернула легковушка с завфермой, мужчины бросили свои занятия, чтобы оказать приём гостю, но Гарли ага лишь

поздоровался с ними и крикнул мне:

- Агадурды! Подойди-ка сюда, верблюжонок!

За его «верблюжонка» я не стал торопиться; только повернув овец в сторону коша, пошёл на зов.

Гарли Ферма, поджидая меня, открыл заднюю дверцу машины и нетерпеливо сказал:

- Ну-ка, посмотри сюда, смотри, что я тебе привёз!

Привез? Любопытно! Подстегнутый, я ускорил шаг. Между сиденьями лежало что-то пятнистое. Джейранчик! Моей радости не было предела.

За чаем завфермой рассказал, что дня три назад увидел издали этого детёныша джейрана, но, подумав, что один, без матери, тот быть не может, проехал мимо. А сегодня опять наткнулся на него и почуял недоброе. Малыш попытался убежать, но бессильные ноги не слушались, и, запутавшись в траве, он упал. Гарли ага решил, что тут вина браконьера. Однако на теле джейранчика не оказалось следов ранения. Было ясно одно: мать он потерял. И Гарли ага привёз сироту к нам, вспомнив обо мне.

Йомуд бросил у огня охапку тамарисковых

ветвей, застелил ее кошмой, принес и положил джейранчика на это ложе. Мог ли я оторваться от несчастного? Отец, видимо, понял это, и к овцам с ягнятами отправился Йомуд.

Завфермой уехал на основной кош, пообещав прислать ветеринара. Отец сказал, чтобы я размочил в молоке чурек и попробовал покормить проголодавшегося сосунка, а сам пошёл к отаре.

Я сделал, как велели, но джейранчик не притронулся к пище. Только время от времени подымал голову и оглядывал кош с тоской в больших глазах. Что же делать?

За чем-то прошел в палатку Йомуд, а уходя к овцам, заглянул в миску.

- Он что, не ел хлеб?

- Нет. Не хочет. - Я с надеждой смотрел на Йомуда.

- Тогда вот что сделай, браток. Раствори в теплой воде кусок сахара. Это поддержит его.

Я бросился делать напиток, сразу уверовав в его целебную силу.

Джейранчик действительно попил сладкой водицы, но начал кашлять так, что билось все тельце. Йомуд решил развести в молоке мягкие

отруби, но и они не вызвали аппетита у моего подопечного.

Овцы с ягнятами ушли за бугор, и Йомуд покинул меня. Я не забывал подкидывать в костер сухие ветки, поддерживая ровный огонь, и все смотрел и смотрел на джейранчика. Сердце мое разрывалось от любви и жалости к нему.

Он, видно, почувствовал, что вреда ему здесь не будет, и перестал боязливо оглядываться. Но вводил меня в совершенную панику, когда закрывал глаза. Мне казалось, что он умирает, что глаза его больше никогда не откроются. Каждый раз я дотрагивался пальцем до одного из его маленьких рожек, которые торчали, как грибки из-под листвы.

Он вздрагивал и распахивал глаза.

Приехал ветеринар, послушал пациента и сказал: «Воспаление легких». Вот почему у него иногда хрипит в груди! Врач стал делать укол, и я отвернулся, чтобы не видеть, как джейранчик дёрнется от боли. Нет, если я стану ветеринаром, буду лечить животных только травами.

Через некоторое время был сделан второй укол и, приложив ухо к пятнистому боку, врач покачал головой: «Легкие сильно простужены».

Сердце мое сжалось. Неужели никто не сможет помочь этому существу, к которому я успел привязаться всей душой? Я уже все представил... Как заберу его с собой в аул, буду кормить коровьим молоком из чайника с соской; как вместе с Шекер мы станем играть с ним в догонялки; как он превратится во взрослого тура с большими рогами - ну, точь-в-точь горный красавец на уступе скалы, которого я видел в какой-то книжке.

Возвратились с овцами отец и Йомуд. Врач посоветовал напоить больного козьим молоком, потому что есть он отказывался, и сказал, что завтра наведается ещё.

Джейранчик проглотил немного парного молока. Миску с хлебом и отрубями с удовольствием очистил нанчи-баран и, наверное, в знак признательности, облизал мордочку малыша. Сегодня им спать вместе в палатке, хорошо, что нанчи так добр.

Я долго не мог уснуть и часто щупал горячее тельце под старой буркой, лежащее рядом. Сон мой в ту ночь был очень чуток и сопровождался слезами...

Утром я прежде всего умылся, чтобы не

увидели следов слез на лице. И тут Йомуд с отцом стали наперебой говорить, каким притворой оказался джейранчик, (Йомуд), что надо было привязать его, чтоб не убежал (отец), наверное, кровь его разгорелась от тепла палатки, и он вспомнил, что он дитя джейрана (Йомуд). «По моей оплошности получилось, по моей», - твердил отец. Он по правде был огорчён.

А я молчал, понурившись. Потому что слышал их ночной разговор шепотом: «Рахман ага, Рахман ага!» - «А? Что?» - «Этот бедняжка только что скончался». - «Что?!» - «Этот бедняга, говорю, вроде хотел встать и...» - «Ох, нехорошо! Агадурды расстроится». - «Это так, но что поделаешь. Может, тогда скажем...» - «Что тут, скажешь?» - «А если закопать сейчас, а Агадурды скажем: ушел джейранчик, прозевали мы». - «Да?» - «Пусть он потом в каждом джейране видит «своего» джейранчика. Хорошо ведь будет, Рахман ага?..». Отец не ответил, но поднял джейранчика на руки, как ребёнка, а Йомуд звякнул лопатой...

Моих слёз они не слышали. Я уткнулся в подушку и старался не выдать себя всхлипом. А теперь думаю: где граница между честной

уловкой и обманом? Мой никогда не врущий отец и добряк Йомуд придумали неправду, чтобы убереечь меня. И сделали это, конечно, из-за любви ко мне. Могу ли я обвинить их во лжи? Мир взрослых сложнее детского. Они думают не только о том, что «хорошо», а что «плохо». еще и о том, как подействует это «хорошо» или «плохо» на душу невзрослого.

Но если б кто знал, как мне жаль джейранчика! И еще - одинокости слез, которые меня не облегчили...

Добро нуждается в кулаках?

Сары ага выполнил обещание. Его подпасок передал нам его слова: «Пусть сын Рахмана приедет и заберёт своего щенка». Но мне еще долго пришлось пробыть в ожидании, потому что у отца и Йомуда было много хлопот с новорожденными ягнятами. После обеда отец, наконец, освободился.

...Сары ага подтягивал подпруги на осле.

- А, зятёк, едешь? - приветливо заулыбался он. - Пришли бы на пять - десять минут позже, не нашли меня здесь. Собираюсь за отарой.

Осел был брошен, хозяин принялся

подманивать собаку, которая стояла в яме над своими щенками, напряженная, как струна, с тревогой во взгляде.

- Газап, что это значит? Не стыдно тебе: где отара, а где ты? - совестил Сары ага бесхвостую собаку. Будто понимая его слова, она не могла поднять взгляд, водила опущенной головой. - Стыдно, родная, надеясь на тебя, я был спокоен за отару, а ты...

Дисциплинированная собака не смогла послушаться пастуха, она выпрыгнула из ямы и потрусила к холму, за который перевалила отара.

Как принято, без пиалы чая и обмена новостями не обошлось.

- Бедняжка поняла, что что-то случится, - и повёл нас к яме.

Щенята были один другого лучше. Они трогательно жались друг к другу, покачиваясь на неверных ножках. Я бы взял любого и поскорее убежал, пока их мать вдалеке. Но отец не торопился. Присев на корточки, он приглядывался к щенкам. Затем схватил одного, самого пузатенького, за уши и поднял вверх. Щенок заскулил, извиваясь, потом стал жалобно повизгивать.

Мои руки уже готовы были протянуться, а на языке крутилась просьба: «Папа, давай возьмём этого!». Но отец положил его обратно, поднял другого, с белой отметинкой на морде. Тот засопел, растянул губы и принялся хватать воздух вокруг. Кусака какой-то! Отец погладил его по спинке и протянул мне.

- На, вот твой щенок.

Хотя я и принял кусаку, но глаз от пузатенького не мог отвести.

- Сынок, учти, нехорошо, когда начинают базарить по малейшему поводу, будь то человек или животное. От таких защиты не жди. Вот этот, почуяв опасность, зарычал и готовился укусить. Это настоящий пес. Он дорожит своей честью. Того, кто тронет, не пощадит, но и зря в драку не полезет...

Сары ага кивнул, поддерживая отца. Но я не был уверен, что мне нужна собака-сторож. Я ведь не пасу пока овец. Ни волки, ни воры аулу не грозят. Я сам хотел быть защитой для четвероногого друга. Пузатенький нуждался в опеке.

Но делать было нечего. Я чмокнул щенка в нос. В конце концов, как говорит Сары ага, плохо, если собака не похожа на хозяина.

Наименование всегда соответствует содержанию?

Сегодня я должен возвращаться в аул. С Йомудом мы простились утром, он ушёл за большой отарой. Отец, дожидаясь машины завфермой, занял себя мелкими делами, которых всегда хватает в коше.

А мне захотелось еще раз обойти всё вокруг, оглядеть последним взглядом места, где провёл целых восемь дней. Отец был не против, сказал лишь, что Гарли Ферма должен вот-вот прибыть.

Отец понимает, как грустно прощание. Обойдешь ближние места - потянет на дальние. А там откроются такие, где ты еще не был и манят тебя неизведанным. Чтобы успокоить его, я взял с собой щенка. С ним далеко не уйдёшь.

Небо сегодня яснее, чем вчера. Верховой ветер с Гиндукуша гонит на запад лёгкие облака, его бархатный шлейф приятно поглаживает кожу, пригибает к земле траву.

Щенок, хоть и мал, не хочет отставать от меня. Он весь в заботе, чтобы, переваливаясь на мягких лапах, подняться туда, куда поднимаюсь я, и опуститься оттуда, откуда спускаюсь

я. Лапы заплетаются, не подчиняются воле щенка, это злит его. Иногда он запутывается в гибких стеблях, которые для него как лианы в джунглях, и призывно подскуливает. Я иду назад, освобождаю его, несу немного на руках, но он просится к самостоятельному путешествию в травяных дебрях.

Иногда я называю его Батырджан-Храбрёчек, полагаясь на характеристику, которую дал ему отец в коше Сары ага. Но это временно, пока я не определился твёрдо в кличке. Можно назвать, например, Лайкой, в честь собаки, первой летавшей в космос. Но вчера Йомуд спросил, какое имя щенку я придумал, и, когда узнал, что я колеблюсь, сказал следующее: «Ты же видел фильмы про индейцев? Там имена соплеменникам дают по характерной черте человека или его умению в каком-нибудь деле. «Ловчий сокол», «Острый глаз»... Или возьми аульские клички: Сары Лысый (он-таки лысый), Гарли ферма (он, действительно, заведует фермой)».

Не знаю, как выходят из положения индейцы, но аульчане, кроме кличек имеют все же имена от рождения. Что же, моему щенку ждать, пока

вырастет? А до этого - просто Пёс? Кого зовут «собакой»? Тех, кто, позабыв о достоинстве, решает все вопросы глоткой или зубами. Или как, допустим, подзывают прислужника, которому отведено низшее место среди людей: «Эй, человек!». Его лишают даже имени, чтобы не сблизиться с ним на равных. Когда в семье появляется ребёнок, родители, разумеется, не знают, каким он будет, но веря в его звезду, вкладывают в имя младенца свою надежду. У туркмен, как наверное, и у других народов, каждое имя собственное имеет своё значение. Агадурды - «первенец», с пожеланием: «Будь всегда первым». Шекер - «сахар», «сладкая»... Вот вернусь домой, обязательно посоветуюсь с ней и окрестим щёнка.

Мысль о доме, сама по себе такая радостная, связалась у меня с сожалением о необходимости покинуть кош. Тот, чей отец безотлучно рядом, не поймёт меня. Поймут лишь те, кто смотрит с надеждой на дорогу: «Папа приедет завтра... Папа послезавтра...». Для тех, кто ждёт, ценность отца особая. Для меня отец желанен, как... как мечта, которую страстно хочешь достичь. Хотя он не сюсюкает со мной, не демонстрирует

окружающим свою любовь объятьями и поцелуями.

Когда он приезжает из песков, я встречаю его у дома, помогаю посадить верблюда. На отца, конечно, набрасывается запоздалым ураганом братишка и повисает на шее. Но о состоянии дома он спрашивает у меня, как у хозяина: «Сынок, все ли живы-здоровы? В ауле всё в порядке?».

Если в селении свадьба, я сообщаю. Если предстоят похороны... не огорчаю на пороге (такова традиция). Об этом за чаем скажет мама. Она же готовит отца к визитам по соседям. На свадьбу он может не пойти, а близких умерших обязательно посетит.

Раньше, лет пять назад - я был старше, чем брат сейчас, - отец по приезде брал меня на руки, целовал. Мне это не очень нравилось. И, наконец, смущаясь, я попросил: «Папа, не целуй меня больше». Отец не обиделся, но был удивлен: «Почему, сынок?» - «Я ведь тоже теперь взрослый. Ты всегда говоришь: «Когда меня нет, хозяин дома - ты». А сам...». Отец улыбнулся и бросил на мать взгляд, в котором читалось: «Смотри, как заговорил!», а мне ободряюще сказал: «Хорошо,

сын, пусть будет по-твоему».

Хозяином-то может быть я себя и чувствовал, но стоит приехать отцу, сразу становлюсь сильнее. Готов побороться с любым из сверстников. Вот знал я, например, что нелегко прижать к земле лопатки Кадыра, который хочет, чтобы его называли Пальваном-силачом, а на свадьбе дяди Апата, брата отца, уложил его дважды приёмом куриной подножки. Причина - рядом был отец, поэтому дышалось как-то свободнее и стыдно было осрамиться...

Вспомнив о туркменской народной борьбе, я чуть не наступил на драчунов, которые, видно, не были знакомы с ее приёмами. Две черепахи, как ожившие перевернутые миски, танками шли друг на друга, втянув головы. Панцири их при столкновении цокали и оседали, чтобы после краткого передоха снова начать разбег. Как они намерены победить друг друга, не покидая своих крепостей? Вот уж никогда не думал, что хладнокровные тихоходы способны на междоусобную войну!

Многое я еще не знаю о потаённой жизни песков. Надо почаще бывать с отцом, Йомудом, с Сары ага... Думаю, так и будет. Уж коль я тут

появился, раз-плотина разрушена. И отец меня проверил, не будет больше препятствовать.

Мы со щенком потихоньку добрались до старой овчарни. Она была усыпана грибами! Как же я вчера не догадался пройти здесь, ведь накануне брызнул дождик? В голове зазвучала считалка, которой мы обычно перекликались с Шекер:

Будь со мною, грибок,

Покажись, покажись!

Будь со мною, грибок,

Сначала мне покажись!

Но здесь я один, без ребят, и азарта не было. Однако не пропадать же такой вкуснятине! Привезу маме, она приготовит - пальчики оближешь.

Я снял рубашку и, пока не набил ее до половины грибами, даже не оглянулся. А когда разогнулся, то увидел, как от коша мне машут две маленькие фигурки - отец и Гарли ага. Подхватил грибной мешок, другой рукой - Храбрычка, и бегом вниз.

...Машина, как лодка, качается на морской зыби, в окно плещут зеленые волны. Щенок мирно сопит, облапив мой блокнот. Укачало беднягу. Я уже мысленно распрощался с кошем и теперь думаю о доме, к которому приближает

меня челн вождя индейцев Гарли Фермы.

Мама, конечно, стоит у калитки. Она степенно поздоровается с Гарли ага, он ей свояк, а меня порывисто прижмёт к себе и, оглядывая мое лицо, будет искать на нём следы тяжелых испытаний и невзгод, которые я перенёс в пустыне. Возможно, даже расплачется. Когда в прошлом году я вернулся с моря от дяди Апата, так и было.

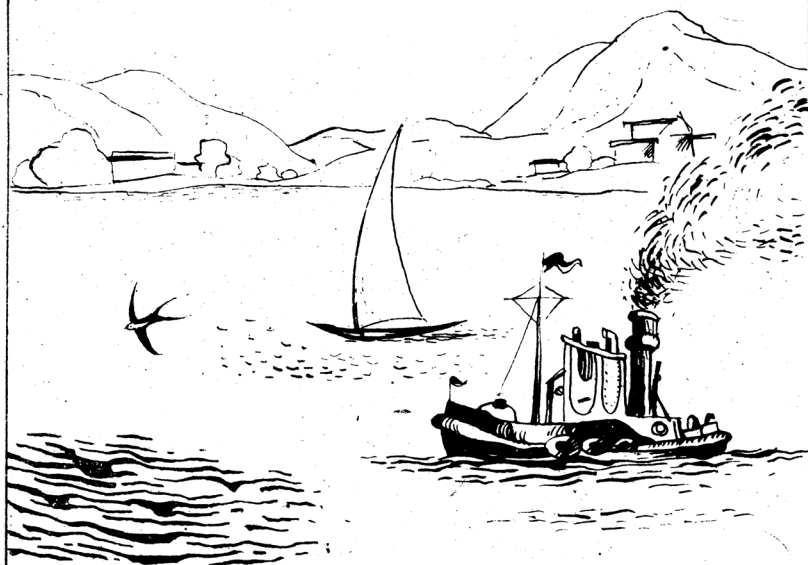
Братишка на арыке позади дома гоняет соседских гусей. Ему лишь бы гуси были, других игр не надо. Раньше маме Шекер не нравилось, трогают их птицу, но с некоторых пор она чудесным образом изменила свое отношение и теперь даже просит Язгельды: «Вон гуси, сам корми, сам гоняй, лишь в воду не свались». А Шекер никогда не мешала брату, она не меньше меня любит его.

Да, Шекер, конечно, тоже стоит рядом с моей мамой. Она же целую неделю оставалась без товарища по играм и, думаю, соскучилась. Как и я. Закидает меня вопросами: «Что ты видел? Каковы пески? В пустыне действительно пусто?...».

Я протяну ей вот этот дневник и скажу: возьми и почитай сама.

Засказы

ДЫНЯ

Далеко от дома ушел маленький Ашир. Вдруг видит среди стеблей и листьев дыни лежат. Ну, прямо как младенцы в пеленках. Взял он одну понянчить. Обхватил руками, как мама делала, а тут кто-то кашлянул сзади. Обернулся Ашир и увидел старика в тени тутовника.

– Салам алейкум!

– Что нашел, сынок?

– Да вот какую хорошую малышку. Отнесу маме. Она обрадуется.

Сторож рассмеялся:

– Только быстрее неси. Да не урони, а то проснется – расхнычется. А дома люлька-то есть?

– Есть, есть! – Радостно крикнул Ашир и побежал домой!

ВЕЛИ-ВСЕЗНАЙКА

Вели вернулся из школы с высоко поднятым носом.

– Ты чего так загордился? – удивилась мать.

– Оказывается, я уже лучше учительницы выучился.

- Вот уж не может быть! Откуда ты это взял?
- Потому что я букву «В» знаю.
- Ну и что?
- А учительница не знает. Показала букву и у меня спросила.

ПРИХОДИ, КОГДА ВЫРАСТУТ РОГА

В загоне были два козленка. Они часто играли, бодались друг с другом. Ильяс любил наблюдать за их поединками. Однажды и он, не удержавшись, открыл загон и вошел внутрь. Один из козлят испугался и вприпрыжку спрятался за свою маму. А второй пятнистый козленок не убежал. Наоборот, опустил голову вниз и приготовился бодаться. На его голову только-только появлялись шишечки рогов. Ильяс встал напротив козленка и так же нагнул голову, показывая, что он тоже готов бодаться. Козленок обрадовался новому противнику. Когда бодались, из глаз Ильяса высыпались искры. Голова сильно заболела.

После этого он долго не задержался и вышел из загона, поглаживая голову.

– Эй, если хочешь бодаться, приходи тогда, когда у тебя вырастут рога! – Заблеял пятнистый козленок вслед Ильясу.

ТРОПИНКА

Тропинка будто ждала Сапара у порога. Как только он вышел из дома, тропинка побежала вслед за ним. Откуда только знала, куда Сапар собирается? Проскочила мимо белой курицы с цыплятами. Выскользнула за ворота. Увидев собаку, лежащую у калитки, тропинка завернула, оглядываясь на нее. Стало ясно, что и она, как и Сапар, избегает собак. Потом тропинка немного попетляла между домами и выбежала на берег арыка. Никак Сапар ее обогнать не смог. Посмотрела вместе с ним на бахчи на противоположном берегу, свернула и бросилась вброд. Сапар, конечно, за ней. Поев дыню у сторожа, Сапар вспомнил, что его будет искать мама и направился назад. Но, видно, и тропинке мама строго-настрого наказала вовремя вернуться.

С утра Сапар выглянул в окно, а тропинка уже опять у порога. Вот дружба так дружба!

ГОРДОСТЬ

Гулял среди холмов верблюжонок. Гулял всегда один. Сколько ни звали его другие животные с ними играть – не шел, отказывался. Гордо на них поглядывал. Смотрела на это его мам и, наконец, спросила:

- Почему ты ни с кем не играешь,
- Как не играю? Играю, – ответил верблюжонок.
- Только с равными мне.
- Кто же это такие?
- А вот эти холмы. У меня горб на спине и у них.
- Верблюжонок сел и действительно стал похож на маленький холмик.

КАПИТАН

Курица-наседка вот уже несколько дней сидела на яйцах. Только изредка поднималась, ходила вокруг, разминая ноги, и с нова накрывала собой беленькие кругляшки.

И вот, когда в очередной раз совершила она свою короткую прогулку, в одно из яиц пришла новая жизнь. Оно качнулось, повертелось на

месте, как клубок, из которого потянули нитки. А затем скорлупа раскололась на куски и появился жёлтенький цыпленок. Он удивленно огляделся вокруг. Кусочек скорлупы, на котором стоял цыпленок, был похож на белую лодку. А сам он на капитана, осматривающего незнакомый берег. Капитан постоял еще немного и перешагнул через борт, всем видом показывая, что и здесь можно жить, и здесь много интересного.

ЖЕЛАНИЕ

Жаркий выдался день. А я уже целый час скачу, оседлая палку-коня. Только изредка останавливаюсь, чтобы конфету съесть. Их у меня штук пять в кармане. Остановился. Слышу кто-то сзади дышит. Оглянулся. Хорошенький жеребенок ко мне подошел. «Наверное, тоже конфету хочет», – подумал я и протянул ему мятную.

Жеребенок шею вытянул, понюхал, но не взял, мотнул головой в сторону. «А тебе, наверное, пить хочется!» – догадался я. Ведь остановились мы у арыка.

– Ну иди, иди – легонько подтолкнул я его к

воде, даже присвистнул, как чабаны делают.

Жеребенок поглядел на меня внимательно, снова мотнул головой, повернулся и поскакал вприпрыжку.

Не понял я тогда его желания. А ведь он видел, как я скака, и решил меня на соревнование вызвать. Но у меня было другое желание. После конфет так пить хотелось.

ОСА

Оса летала, жужжа з-з-з-з..., среди цветов. Она привлекла внимание трех мальчиков, которые вышли в поле погулять.

Первый предположил:

– Она, как и мы, наверное, прилетела сюда поиграть, убежав от младшей сестренки. Смотри, как она часто оглядывается назад.

Второй мальчик сказал:

– Нет, оса летает вокруг цветов, чтобы определить самый красивый, самый благоухающий.

– А по-моему, это не просто оса. Это оса-почтальон. Видите, она ищет адрес, куда должна передать послание, – высказал свою мысль третий мальчик.

ЕЩЕ

Школьники сажали на улице деревья. А маленький Нуры стоял рядом и завидовал. Ему только осенью в первый класс идти. Увидела его учительница, пожалела и тоже дала саженец.

Посадил Нуры деревцу. И опять закрустил. Учительница удивилась:

– Что ж ты, Нуры, печалишься. Радоваться должен. Вон какое хорошее деревце вырастет.

– Скучно ему будет одному. Может я еще посажу?

Улыбнулась учительница и дала ему еще один саженец. А потом еще один и еще.

Когда ребята закончили посадку, учительница записала кто сколько посадил. Спросила и у Нуры. Тот бойко ответил:

– Одно, ещё одно, ещё одно и ещё одно.

– Так сколько всего?

– Не знаю.

– Ну, ничего. Вот осенью пойдешь школу, а через год не только сколько деревьев, но и сколько на них листиков распустилось сосчитать сможешь.

ФИОЛЕТОВЫЙ КАРАНДАШ

Бахар рисовала. Фиолетовый карандаш в ее руке рисовал все похожим на себя. И небо было фиолетовое, и земля. И выросшая трава, покрывающая холмы, и все цветы были фиолетовыми. По небу летали фиолетовый голуби. Во дворе гуляли фиолетовый курицы, петухи.

– На этом поле нужна корова, нарисуй ее!
– посоветовал ей старший брат, взглянув на рисунок со стороны.

Бахар посмотрела на рисунок, подумала и сказала:

– Зачем рисовать корову? Если я нарисовала траву, она сама придет, – объяснила она старшему брату.

– Где ты видела корову, которая любит фиолетовую траву? Так что не надейся, а рисуй,
– возразил брат.

ЛАСКА

Две девочки играли в куклы в тени дерева. Мимо проходили Чары и Нуры. Остановились и стали смотреть.

– Знаешь почему девчонки мамами становятся, – спросил Чары у приятеля.

– Нет, – пожал плечами Нуры.

– А ты посмотри, как они ласково кукол баюкают.

– Ну и что?

– А вот то. Это ласка их мамами и делает, – серьезно пояснил Чары.

ЕСЛИ ТЫ САМ НЕ СЪЕШЬ...

Смеркалось. Вели сидел на топчане перед входом и скучал. «Яблоко что ли съесть?» – думал он. Вдруг его глаза заметили семяющего мимо ёжика. Ёжик бежал, изредка останавливаясь и замирая, будто от кого-то прячась. Вели спрыгнул с топчана, догнал ёжика и преградил ему дорогу. Ёжику встреча не понравилась. Он поежился, а затем и вовсе свернулся, и превратился в колючий черненький мяч.

– Ты куда идешь, ёжик? – ласково заговорил с ним Вели.

Вместо ответа ёжик зафырчал и еще больше свернулся. Вели вспомнил, что ежи любят яблоки. Он побежал к топчану, схватил яблоко и предложил ёжику.

– Хорошее яблоко. На, попробуй. Скажешь: «Действительно хорошее яблоко!»

Но как не обхаживал Вели ёжика, тот так и не послушался его.

– Ну и упрямый ты. Я тебе свое яблоко даю, а ты... – обиделся Вели и воткнул яблоко в колючую спину ёжика.

– Если сам не будешь есть, то отнеси своим детям. Скажешь, что Вели передал.

Ёжик еще немного посидел. Когда убедился, что кругом никого, не спеша вынул свой острый черный нос из колючего мешка, помигал своими бусинками и побежал дальше.

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Цветущее поле. Кругом слышно жужжание насекомых. Каждый из них на своём месте поет свою песню. А в небе – жаворонок. Все вокруг песня и музыка.

Нуры немного понаблюдал за всем этим и сам запел какую-то песню. Хорошо, когда у всех вокруг хорошее настроение.

НЕРАЗЛУЧНЫЕ БРАТЬЯ

Вернулся из школы Торе и торопливо – на ходу скинул с ног ботинки. Да так, что один в доме остался, а другой через порог перелетел. А ботинки-то ведь как братья-двойняшки – привыкли всегда вместе быть. Вместе в школу ходить, вместе бегать наперегонки, вместе в футбол играть – один пас даст, другой гол забьет. Да и ночью рядом слаще спится. В общем, обиделись ботинки на Торе. Особенно левый, тот, которого Торе на улице ночевать оставил. Лежит левый на боку, а уснуть не может.

Тут соседняя собака пробежала. Увидела, остановилась, принялась:

- Это ты что ли, ботинок?
- Я, соседка.
- Тебя что выкинули?
- Представь себе... – вздохнул ботинок.

Так горько вздохнул, что чуть швы не распоролось.

– Значит, не нужен стал, – сказала умудренная опытом собака. – Так бывает. Пойдем со мной, может, кому и пригодиться.

А утром стал Торе собираться в школу. Один ботинок нашел, а второго нет. Пришлось босиком идти. Ведь один ботинок уже не ботинок. Если у брата нет брата – кому он брат?

СЧАСТЬЕ

Жеребенок родился недавно и пока не отходил далеко от матери. Он видел счастье в ее глазах. Большое счастье. Самое большое в мире. А мир, так он думал, это расстояние между этими двумя ущельями. Большой мир! Как только жеребенок удалялся от матери, она беспокойно храпела.

– Не увлекайся желанием ног. Они тебя уведут на край света...

И жеребенок слушался. Но однажды желание все-таки вывело его на холм. Тогда он увидел степь, растянувшуюся от горизонта до горизонта.

– Смотри, какая ты оказывается!

– Хочешь – пасись. Хочешь скачи. Я принадлежу тебе, – прошептала степь.

Жеребенок оглядывался вокруг и никак не мог наглядеться – сколько счастья вокруг, конца не видно.

ЗВЕЗДНЫЙ УРОЖАЙ

Вовремя сбора хлопка Сона пришла на делянку помочь маме. Мать прикрепила на ее пояс фартук и повязала на голову беленькую косынку, чтобы на волосы пыль не садилась. Стала Сона похожа на других девушек – хлопкоробок. А вокруг все было заполнено белыми коробочками – белыми огоньками. Трудилась Сона с удовольствием. Вдруг подняв голову, она увидела сына соседей. Аки стоял, не желая согнуться, будто измеряя воду своим ростом. Сона спросила его:

– Что стоишь?

– Ай, не хочу собирать.

– А ты сделай так, чтобы захотелось.

– А как?

– Посмотри на коробочки. На что они похожи?

Каждая из них похожа на звездочку.

– Ну и пусть похожи.

– А разве тебе не хочется собирать звезды?

Через некоторое время Сона, увидев, что Аки увлекся работой, снова обратилась к нему:

– Ну как,

– Звезды собирать совсем другое дело... – сказал Аки и улыбнулся.

УДИВИТЕЛЬНО

У бабушки заболела голова. Пошел Сапар в аптеку. Дал женщине в белом халате рецепт и деньги, а сам стал разглядывать витрину. Среди пузырьков и коробочек увидел вдруг соску. Вспомнил, как до четырех лет сосал молоко из бутылочки. Улыбнулся. Слаще ничего в жизни не было. И когда аптекарша спросила его, что дать на сдачу, Сапар вдруг сказал:

– Дайте соску.

Аптекарша удивленно подняла брови, но протянула ему соску вместе с лекарством.

Если б она знала, как удивился Сапар своему выбору.

НОЖ МОЕГО ОТЦА

Ашир и Дурды возвращались из школы. Вдруг они увидели перочинный нож, лежащий на дороге. Хороший ножичек. Обе его стороны отблескивали красным. Ребята почти одновременно протянули руки к находке.

Но Ашир все-таки опередил товарища.

– Нож должен быть моим, – в сердцах сказал

Дурды, сожалея что нож не достался ему.

– Это почему же?

– Потому что это нож моего отца.

– А как ты это докажешь?

– Ты ведь знаешь, что мой отец каждый день ходит на работу по этой дороге. А вчера он говорил, что где-то потерял перочинный нож. Вот такой же красный. Понятно?

Ашир поглядел на нож с обеих сторон, а потом вздохнул и протянул его Дурды.

– Возьми, если он ваш. Но скажи отцу, пусть он больше не оставляет свои вещи где попало, мало ли кто найти может.

ЧАБАН ЮСУП

Однажды в ветреный день возвращался Юсуп из школы. Как всегда быстро дошагал до моста, ступил на него и вниз посмотрел. А под ногами волны бегут одна за другой, как овцы, когда их чабан гонит. Был Юсуп еще маленький, овец ему не доверяли. А так хотелось ему чабаном быть. Вот и представил он, что река – это его отара. Смотрел на нее и радовался. Быстро бегут овцы, но послушно – дальше берегов не разбегаются.

Вот что значит опытный чабан.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Молодая ворона только недавно стала вылетать на промысел вместе со стаей. И никак не могла понять, зачем ей держаться вместе с другими, такими непохожими на нее. Лучше уж особняком. Если что увидишь – одной достанется, ни с кем делиться не надо. Вот и сейчас налетели все и клюют что-то в саду. А она увидела у самого дома кошму и туда спустилась. Хлебные крошки пощипала и вдруг увидела зеркало и расческу. Потыкала клювом расческу – неинтересно. Подошла к зеркалу. А оттуда другая ворона смотри. И когда только успела внутрь залезть? «Эй, ты кто?» – не отвечает «Мое зеркало» – каркнула молодая ворона. Но другая не испугалась, точно также распустила крылья. Тюкнула ее ворона в клюв – очень твердый. Повернулась – и та повернулась. Оглянулась – и та оглянулась. «Неужели это я?» – удивилась ворона. Удивилась не зеркалу, а тому, что оттуда смотрела серая ворона. Ведь родители всегда говорили: «Моя беленькая». И она верила, что среди всех одна такая. Повертелась еще, присмотрелась – ну точно она. А серая – значит, где-то об казан потерлась. Надо впредь поаккуратнее быть все-таки я – одна такая.

МАТЬ

Наступила осень. Листья тутовника покрылись бледно-желтым цветом. Однажды за ними пришел ветер. Он своим дуновением поднял высоко в небо листья. И они полетели как птицы, шелестом прощаясь с выросшими их ветвями.

Ветки сначала очень расстраивались, ведь сами они лететь не могли. А затем стали гордиться, что их листья взлетели в небо и смешались с крылатыми.

Разве есть мать, которая не хотела бы, чтобы ее дети взлетели высоко, высоко?!

ЦВЕТНОЙ ДОЖДИК

Весенний дождик – как озорной ребенок. Все бы ему поиграть. Подкараулит кого-нибудь на улице и начнет в догонялки играть. А потом быстро исчезнет, будто в прятки приглашает. То садовником прикинется – грядки поливает, то ручьи пустит, чтобы корабликам по ним плавать. Весело ему с ребятами. А ребятам с ним. А когда устанут ребята, дождик их рисовать учит. Каких только цветов в радугу не соберет! И опять ребятам весело.

И ЗДЕСЬ НЕПЛОХО

Солнце поднялось над холмами и поплыло по голубому небу меж белых облаков. Торе смотрел на солнце. Оно было одно наверху, а он был один внизу.

– Иди сюда, Солнцу, – замахал Торе рукой. – Иди ко мне поиграем.

Солнце посмотрело на Торе, улыбнулось и ответило:

– Да нет, мне и здесь неплохо.

ПОЛК

Стройные, высокие деревья стоят как готовые выйти в поход солдаты в зеленых гимнастерках и кирзовых сапогах.

Однажды я видел, как полк привлек внимание плывущей по небу черной тучи. Захотелось ей стать генералом. Спустилась она пониже. А затем, волоча свою длинную дождевую шинель, прошла перед строем.

Солдаты деревья, увидев ее, громко зашелестели листьями: «ур-ра». Как и положено, когда генерал смотр полку делает.

РАДОСТЬ

Смеркалось. Коровы давно пришли с пастбищ. Наступило время, когда должны были возвратиться колхозники. Сапар вышел из дома. И каждый раз видел, как светлеет родительское лицо.

Отец брал сына на руки, и до самого дома Сапар обнимал его за шею. Только с прошлого года, считая себя уже взрослым Сапар оставил эту привычку.

– Как дела, папа? – серьезно спрашивал он и брал у него из рук сумку, так рядышком и шли в дом. Сапару теперь кажется, что и он сам пришел с работы. Еле радость скрывал. Что может быть лучше чем пойти на работу, быть похожим на отца и вместе возвращаться?

И сегодня так случилось.

МОРЕ

Море – это огромное синее одеяло. Значит, ночью им все укрываются. А рано утром уже чайки летают над ним, следовательно, они уже проснулись. Проснулись и корабли, и лодки.

Вот они тоже стоят собравшись. Я знаю, они тоже спали ночью под этим одеялом прижавшись друг к дружке.

Видно, еще кто-там есть. Рыбы, тюлени, крабы – знаю, они тоже там. Пока не проснулись. Синее одеяло волнуется, качается. Видно, что там еще не мало спящих. Море – огромное синее одеяло.

АЛАДЖА¹

Однажды мать Айгозель на руке дочки завязала аладжу:

– Это чтобы не сглазили. Она будет охранять тебя от плохого, – пояснила она.

Айгозель не очень поняла маму. Но если говорит мама, так надо. Потому что мама знает все. После этого она сама начала делать аладжа. Это совсем не трудно. Бери две нитки – белую и черную – и сплетай их вместе. Вот тебе и аладжа.

Первую свою аладжу она завязала любимой кукле Соне. Сейчас кот и собака тоже на шею носят аладжу.

1. Аладжа - талисман. Он связан с народными поверьями. Охраняет людей от беды.

Когда привязывала аладжу на шею красному петуху, он сопротивлялся. А сейчас ничего, носит и ходит гордо.

Айгозель еще сделает аладжу – хватит многим. Она хочет, чтобы всем было хорошо, как ей.

Взрослые, увидев аладжу на собаке, петухе, сначала удивлялись. А сейчас ее хвалят.

– Это добрая девочка.

КАКУЮ БУКВУ ЛЮБИТ ЦАПЛЯ ?

Однажды мне захотелось узнать, какая буква в азбуке самая лучшая. А как узнать это? Ясное дело, без расспросов здесь не обойтись. Первым делом у кошки спросил. Она как раз мимо шла. Рыжая, пушистая.

– Кошка, кошка, – говорю, – ты знаешь, какая буква самая красивая?

– Ц-ц-ц-ц... – прошипела кошка и спину дугой выгнула. А потом с укоризной на меня посмотрела, словно говоря: «Эх, ты, ученик, неужели таких простых вещей не знаешь?».

Надоело мне с кошкой разговаривать, пошел посмотреть, как сосед шину накачивает. Подошел поближе и слышу, как насос приговаривает: «Ц... ц... ц... ц...»

Надо же! Никогда бы не подумал, что у буквы «ц» столько друзей. Между прочим, когда вода из шланга вырывается, она тоже знак «ц» издает.

Я как-то раз в зоопарке бы. У цапли поинтересовался, какая буква ей больше всего нравится. Только она мой вопрос услышала – сразу зацокала своим длинным клювом. А потом к воде пошла. Встала, одну ногу приподняла. Превратилась в букву «ц». И сказала «ц» – наша любимая буква.

ВОЛК

Пустыня. Волк валялся на песке. Глаза его были закрыты. К нему подошел козлик и поинтересовался:

– Волк, почему ты спишь днем?

– Проходи, проходи не мешай! Я собираюсь увидеть сон, а там столько джейранов, столько козлят...

– Я тоже козленок.

– А, это хорошо... Но тогда ты зайти в мой сон. Я тебя с удовольствием съем.

СОЛНЦЕ – ПАСТУХ

Юсуп, следивший за солнцем, убедился, что Оно – пастух. Солнце напомнило ему один разговор о потерявшем свое стадо пастухе. Может быть. Солнце тот пастух? А ночь – его стадо. Солнце катится, внимательно смотрит на землю. Значит, ищет, идет по следу.

Юсуп вел беседу с Солнцем:

- Солнце, я знаю, кого ты ищешь.
- Скажи кого,
- Свое стадо – ночь.
- Да ты догадался, сын мой.
- Оно ночевало у нас в селе.
- А утречком уже ушло.
- В какую степь?
- В сторону черных гор.
- Спасибо, сынок. За горами я их догоню.

После этого разговора Солнце пошло догонять свое стадо – ночь. Очень спешило, и от этого посветлело его лицо. И завтра оно вновь придет со своей отарой, гоняя ее перед собой.

ДЕНЬ БУКВЫ “П”

Оказывается, и у буквы “П” есть свой день! Нам об этом учительница сказала. Пришла в класс, нарисовала на доске больше красивую “П” и говорит.

– Ребята сегодня день буквы “П”. Буква “П” пришла к нам в гости вместе со своим младшим братишкой. – И рисует рядом с большой буквой “П” маленькую – “п”.

Потом, чтобы получше с этим буквами подружиться, мы их своих тетрадях написали. И еще вспоминали, какие слова на букву “п” начинаются.

Таких слов много: пароход, печка, помидор, папа, платок, пакет...

Когда из школы домой возвращался, вижу: на спортивной площадке не турник, а знакомая буква “п” стоит.

И ворота нашего дома тоже на букву “п” похожи.

И дверь в моей комнате тоже...

Теперь я букву “п” никогда ни с какой другой буквой не спутаю.

ЛЯЛЕ

Весна пришла. Построила свой зеленый дом. Очень красивый дом. Воздух чист. Когда в него зайдешь, хочется петь. Потому что здесь все поют: птицы, ручейки, пчелы. Им всем хорошо. И тебе остаётся радоваться.

Однажды Ляле пришла в гости в зеленый дом весны. Ласковый ветер погладил ее лицо, волосы. Весна каждого так встречает, кто зайдет в ее дом. Цветы, увидев ее, зашептались:

- Вот еще одна наша сестра.
- Красивая.
- Когда вырасту, я тоже буду, как Ляле.
- Она станет моей подругой.
- Я тоже подружусь с ней.
- Она самая красивая.
- Да, я тоже так думаю.

Ляле было приятно слушать шепот цветов, она чувствовала себя среди своих.

КОЛЬ ЯВИШЬСЯ НА ПИР С СОБАКОЙ...

Илли приснился сон, будто он ехал на собаке. Привезла его собака на пир. Они учились вместе с пирующими. Им подали угощение в одной плошке. Собака принялась с аппетитом уплетать.

Илли к угощению даже не притронулся.

– Что ты сидишь, ешь! – сказала ему собака.

– Ешь сама – насупясь, ответил Илли и проглотил слюну. Он никогда еще не ел из собачьей плюшки. Поэтому обиделся на хозяев. А потом встал и ушел. Но песня, которую пел бахши, долго звучала в его ушах:

Если куда идешь.

Прежде соображай!

Коль собаку на пир приведешь,

То вместе с ней из плошки хлебай.

Сладкая дыня Вахарман

СЛАДКАЯ ДЫНЯ ВАХАРМАН (или день рождения Лиса)

(Сказка-пьеса для детей)

Действующие лица:

1. Лис
2. Шакал
3. Дыня вахарман
4. Сторож

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дом Лиса. Звучит веселая музыка. У стены стоят стулья разной высоты. На стене - большой портрет, на котором изображены вместе Лис и Лев. На сцене появляется Лис с длинным блюдом в руке. Он напевает в такт музыке и пританцовывает.

ЛИС (напевает): В пустыне, в роще,

Под кустом

Верчусь зимой и летом.

Пою о том,

Пою о том,

Что там, где я

Крутну хвостом, -

Считайте, ваших нету.

*Припев. (См. текст припева
в конце песни).*

Я и со Львом самым знаком,

Мы в дружбе с ним

Сердечной.

Бывает, он

Заглянет в дом,

Поговорим о том, о сём,

И обо мне, конечно.

Припев.

И на того, кто духом слаб,

Не раз мы

Нападали.

Из-за угла его мы «цап»!

А из железных наших лап

Он вырвется едва ли.

Припев: Меня уже вы заждались,

Девчонки и мальчишки.

Я мудрый Лис, я хитрый Лис.

(Хор за сценой): Порою даже слишком.

Лис оглядывается, прислушивается.

Потом повторяет:

Я мудрый Лис, я хитрый Лис.

(Снова хор): Порою даже слишком.

Лис грозит лапой за сцену. Блюдо он держит в это время под мышкой. Потом кладёт на стол. И рассматривает комнату. Обращается к зрителям:

ЛИС: - Как вам, ребята, нравится моя комната? Обратите внимание на портрет на стене. Вот это я придумал мудро. Лев придет ко мне, увидит себя, и ему будет приятно. Ай да я, ай да Лис! (Лис садится, задумывается). Вот только придет ли он? Ведь Лев так занят, так занят. Но он обещал мне прийти, честное слово обещал. Это было две недели назад, на охоте. Мы с ним вместе ели кулана, и я ему все время подавал лучшие куски. А когда расставались, он мне сказал: «Звони, Лис! Обязательно побываю у тебя на дне рождения! Ты хороший парень, Лис!», так и сказал, честное слово: «Ты хороший парень, Лис!». А Лев слов на ветер не бросает. Это всем известно.

Кстати, ну-ка, и в самом деле позвоню ему. (Лис идет к телефону, по дороге говорит: “Если он не сможет, придётся и день рождения отложить на завтра»). (Набирает номер).

- Алло, алло, это квартира Льва? Ах, это вы сами, Лев-ага?

(Лис почтительно сгибается, прикрывает

трубку лапой и говорит радостно в зал: «Сам трубку взял!»). Это Лис вас беспокоит. Ну, Лис, тот самый. Как не помните? На охоте познакомились. Припоминаете? Хорошенько постарайтесь, Лев ага! С наступлением темноты? Конечно, конечно, ведь нас все уважают за тёмные дела (хихикает в трубку). До свидания! (Кладёт трубку и продолжает кланяться телефону. Затем подходит к столу и начинает подсчёты, где кто сядет. Загибает пальцы).

- Значит, так. Здесь, на самом почётном месте, сядет сам Лев.

(Лис выбирает у стены самый высокий стул, сдувает с него пылинки).

- Это - стул для Медведя. Хоть и груб он, но никуда не денешься, хозяин леса. А этот стул, поменьше, для соседа Волка. Ой, умора с этим серым. Объялся как-то, воем воет: «Братец Лис, полечи!». Я сорвал колючку, полил ее водой, посолил и дал ему. Сказал, что пить надо с закрытыми глазами. Новейшее, мол, средство по заграничному рецепту. Серый уши развесил, все послушно сделал, как я сказал. И чудо - живот перестал болеть. Да он и так бы перестал. Волк - он и гвозди может глотать, ему хоть бы что. А обо мне

слух пустил: «Лис - спаситель, знаток народной медицины!». С той поры всегда мне мяска свежего приносит. Надо, надо его пригласить! На этот стул мы посадим Верблюда. Он тоже важный зверь - как-никак хозяин пустыни.

(Лис обращается к детям): - Верблюда все видели?

ГОЛОСА В ЗАЛЕ: - Да!

ЛИС: - Похож он на дурака?

ЗАЛ: - Нет!

ЛИС: - Вот и говорю, умный он мужик, Верблюд. И работающий. А нам, Лисам, всегда надо иметь возле себя работающих знакомых. Чтобы самим поменьше работать. Но это я шучу, шучу. - А этот стульчик для моего любимого бегуна, для моего неуловимого, для моего пушистенького-ушастенького. Вы угадали - для Зайчика. Ах, как мы с ним станцуем, если я его поймаю, чтобы пригласить в гости. (Лис прижимает к себе стульчик и под звуки вальса танцует как будто с воображаемым Зайцем. Музыка стихает. Лис не замечает этого, делает еще несколько па и устало падает в кресло Льва. Опять смотрит на картину). - Нет, вы все-таки подтвердите, гениально я придумал с этой картиной - заказал свой портрет

рядом со Львом. (Потом Лис подходит к блюду, которое он оставил на столе).- Чего-то здесь не хватает. Чего-то не хватает. Вы, ребята, не знаете чего?

ГОЛОСА: - Нет!

ЛИС: - И я не знаю. Но чувствую, прям под ложечкой сосёт, так чувствую. А вот уже и слышу аромат того, чего не хватает. Ну, конечно же ее, красавицы Дыни. Ведь я для нее, продолговатенькой, и блюдо это таскою за собой. Ай-я-яй! Ну какой может быть той без дыни? Легко сказать - не хватает. А где ее возьмешь? Разве есть дыни, которые никто не охраняет, которые на крыльях прилетят к тебе и скажут: «Режь меня, Лис, ешь меня, Лис!». Давай машинка, думай, думай! (Лис стучит себе по голове лапой). Ты же всегда меня выручала. Ну? Придумала? Говоришь, без Шакала в этом деле не обойтись? Никак? Ох, не хотел я к нему обращаться. Тьфу! (Лис плюётся). Надо же? И вспоминать не хочу об этом грубияне. А придётся. Совсем испортилось настроение. Как же его поднять? А давай-ка послушаем песенку о дыне. Где тут у меня заветная плёночка? (Лис включает магнитофон. Звучит «Песня о дыне»).

Песенка о дыне

При чём тут Шакал,
Тем более Лис,
Которые дыню
Украсть собрались.
Но кто виноват,
Но кто виноват?
Конечно, конечно,
Ее аромат.
И слухи идут,
Что дыню крадут.
Лишь сторож задремлет,
А мы тут как тут.
Но кто виноват,
Но кто виноват?
Конечно, конечно,
Ее аромат.
К ней в гости придём -
Там сторож с ружьём.
Нам нету покоя
Ни ночью, ни днём.
Но кто виноват,
Но кто виноват?
Конечно, конечно,
Ее аромат.

ЛИС (нажимая на кнопку магнитофона). И зачем только у нас, Лисов, такой тонкий нюх? Вот вы слышите, ребята, запах дыни? Не слышите. А я просто не могу, так он меня донимает. Слюньки текут. Придётся связаться с Шакалом. (Берёт телефонную трубку). Алло! Квартира Шакала? Нет его? А где, не скажете? Велел не сообщать? Сказал, тайна? (Лис бросает трубку). Тоже мне, тайный агент Шакал! А то я не знаю, что он уже где-то вокруг дыни кружит. (Лис смотрит на часы). Ой-ой! Сейчас будут занавес опускать, а я еще с Шакалом не встретился. Пойду-ка я его искать.

ЗАНАВЕС.

Перед занавесом по авансцене идёт, пританцовывая, Лис. Поёт.

Песенка Лиса

Я помчал бы на коне
Во весь опор,
Покататься так хотел
На быстрой лани я.
Пусть не вышло, но в груди
(стучит себя лапой в грудь)
До сих пор
Берегу я это
Скромное желание.

На ракете я взлетел бы
Выше гор,
До Луны я долетел бы
В утро раннее.
Пусть не вышло, но в груди
До сих пор
Берегу я это
Скромное желание.

Трое тигров говорили,
Что я вор.
На куски я разорвал бы
Их компанию.
Пусть не вышло, но в груди
До сих пор
Берегу я это
Скромное желание.

КАРТИНА ВТОРАЯ

На бревнышке сидит Шакал. Он грустит.
За сценой слышатся шаги. Шакал прячется.
Появляется Лис.

ЛИС: Не прячься, дружище Шакал. Мой нос
тебя все равно видит.

ШАКАЛ: Лучше бы он ослеп, твой нос
(неохотно выходит из укрытия).

ЛИС: Что-то ты сегодня такой мрачный?

ШАКАЛ: Заболел я, видно. Чувствую, серьезная у меня болезнь.

ЛИС: Знаю я твою болезнь. И смогу вылечить.

ШАКАЛ: (насторожившись). Неужели?

ЛИС: Не сомневайся, дружище. Ты же, наверное, слышал, как я Волка вылечил?

ШАКАЛ: Да, что-то поговаривали. Так как же называется моя болезнь?

ЛИС: Она называется по-научному «авитаминоз».

ШАКАЛ: Ты меня не задуривай своими штучками.

ЛИС: Я серьезно. Болезнь такая есть, попросту она называется «тоска по дыне».

ШАКАЛ: Так и знал - опять разыгрываешь?

ЛИС: Эх, ну почему меня подозревают во всяческих грехах? Не разыгрываю я тебя. И чтобы ты поверил мне, поделюсь с тобой одним секретом. Наклонись поближе.

ШАКАЛ: Ну, что там еще?

ЛИС: (вполголоса). Я сам болен этой болезнью. И предлагаю тебе лапу на дружбу. Лекарство под названием «дыня» будем доставать вдвоем.

ШАКАЛ: Дело даже не в дыне. Видно, старею я.

ЛИС: Да тебе еще и пяти лет нету.

ШАКАЛ: Для нас это уже солидный возраст. Скоро на пенсию.

ЛИС: О какой пенсии ты говоришь? Пенсию заработать надо. А где это видано, чтобы мы с тобой работали?

ШАКАЛ: (не обращая внимания на последние слова Лиса). Я стал плохо спать, страхи всякие появились. Сторож по ночам мерещится. Перестал я верить в свои силы.

ЛИС: А вот это уже зря. Мы сейчас споём песню о стороже - и ты опять как в молодости поверишь в свои силы.

Дразнильная песня о стороже

По бахче часовой
Ходит еле живой.
У него до колен борода.
Он немного глухой
И немного слепой,
Нас ему не поймать никогда.
Он вздремнёт и опять
Он ложится поспать

На кошме в холодке у пруда.
Что угодно забрать
Можем мы и удрать.
Нас ему не поймать никогда.

Все, кто хочет, подряд
Про него говорят -
Мы обманем его без труда.
Он немного горбат
И в халате до пят,
Нас ему не поймать никогда.

Напевая, Лис и Шакал уходят. Песня звучит за сценой. На сцену выходит Сторож. Он слышит, как издалека доносится песня о нём.

СТОРОЖ: Вот проказники. Это все Лис и Шакал. А все-таки хорошо поют, ничего не скажешь. Но с ними надо держать ухо востро. Дыня-то моя в самом соку, поспела. Но она у меня такая доверчивая. Пойду-ка проведу ее.

ГОЛОС СТОРОЖА ЗА СЦЕНОЙ: Что, лежишь, дынюшка? Не спи, будь внимательной. Сейчас на тебя много охотников найдётся!

ДЫНЯ (голос за сценой). Не волнуйся, дедушка. Тебе вредно волноваться.

На сцене опять появляются Лис и Шакал.

ШАКАЛ: Опять у меня испортилось настроение. Я тебе забыл сказать, Лис, есть одна плохая новость.

ЛИС: Какая?

ШАКАЛ: А вот какая - Сторож ездил в город и привёз бинокль. Теперь он издалика нас приметит. Не видать нам дыни как своих ушей.

ЛИС: И это всё, что тебя пугает? В это время на другой половине появляется Сторож с биноклем. Лис в панике убегает. Вслед за ним прячется Шакал.

Сторож подносит к глазам бинокль, смотрит в разные стороны, вглядывается в зрительный зал. Уходит. Тут же вбегают с другой стороны Лис и Шакал.

ШАКАЛ: Ух, напугал старый. А ты тоже хорош - первым свой хвост унёс, меня и предупредить не вздумал. Хвастун ты рыжий.

ЛИС: А я что, я ничего. Я тебе хвостом знак подал. Не кричать же было, дед бы услышал.

ШАКАЛ: Вечно ты, хитрище, выкрутишься. Бинокль ему, видите ли, нипочём. Храбрец! А я, если ты хочешь знать, вообще не стану есть дыню. Даже если мне её сейчас принесут на блюдечке с голубой каёмочкой. Я читал в

журнале «Звериное здоровье», что голодание очень полезно. Нужно семь дней ничего не есть, а потом переходить на диету - глоток воды и три корня колючки в день.

ЛИС: Ой, дружище Шакал. До чего ты у меня наивный. Да я автора этой заметки Вепря отлично знаю. Он свои статьи о голодании пишет после сытного обеда. Ты лучше поменьше читай этот журнальчик, а побольше меня слушай, тем более у меня только что родилась идея.

ШАКАЛ: Сыт я твоими идеями по горло.

ЛИС: Смотри, как знаешь. Но я тебя только прошу - вдохни-ка воздух. Слышишь, как с бахчи вкусно пахло?

ШАКАЛ: У, проклятый Лис, соблазнил все-таки. Ну, выкладывай, что ты там придумал!

ЛИС: Вот это слышу голос настоящего Шакала.

ШАКАЛ: Только учти, если твой план мне будет не по душе, я в деле не участвую.

ЛИС: Он тебе будет по душе, вот увидешь. Значит, так. Вот я начертил карту нашей операции под кодовым названием «Операция«Д». (Лис разворачивает лист

бумаги). Вот здесь бахча, крестиком обозначена дыня.

ШАКАЛ: Не называй ее имя, прошу тебя!

ЛИС: Хорошо, хорошо. А двумя крестиками обозначен Сторож.

ШАКАЛ: У-У-У! Что ты, Лис, дразнишь меня, что ли? И о Стороже не напоминай!

ЛИС: Ну, что ты так нервничаешь? Это просто карта боевых действий и название частей противника, обозначенных двумя крестиками. Я в это время пробираюсь к противнику, обозначенному одним крестиком.

ШАКАЛ: Ишь ты какой, Лис. А почему это я должен быть по твоей команде, а не ты по моей?

ЛИС: Ну, пожалуйста, могу я. Но подумай сам, разве я сумею так завывать, как ты? У тебя ведь голос, все знают, непревзойдённый.

ШАКАЛ: Ладно, я согласен. Хотя нет, все равно не согласен.

ЛИС: (раздражаясь) А теперь еще почему?

ШАКАЛ: Потому! Голос-то у меня хороший, ты в этом прав. Но вот узнать, созрела дыня или нет, ты не сможешь. Этот секрет знаю только я.

ЛИС: А вот и нет, я лучше тебя знаю.

ШАКАЛ: Не знаешь!

ЛИС: Знаю!

ШАКАЛ: Не знаешь. Не зря говорят: «Лучшие дыни шакалы растаскивают».

ЛИС: Всё не так. Это Лисы растаскивают лучшие дыни, а на шакалов сваливают, потому что все слышат возле бахчи, как воет Шакал.

ШАКАЛ: Ты меня совсем запутал, Лис. У меня в голове сейчас такое творится, что нужно перерыв сделать. И послушать песню.

ЛИС: Пока мы тут с тобой говорили, Луна взошла.

ШАКАЛ: Это не Луна.

ЛИС: А что ж это, по-твоему?

ШАКАЛ: Ты послушай мою песенку, тогда узнаешь.

Песенка Шакала

Огромная дыня
Взошла надо мной,
Ее почему-то
Назвали Луной.
Огромная дыня
Плывет в облаках.
А я на Земле
Остаюсь в дураках.

Припев: Я вою и вою
Никто мне не может
Помочь.
Всю ночь шепчу я имя
Моей большой мечты.
Ах, если б ломтик дыни
Спустился с высоты. У-у-у!

Огромная дыня,
Дразня и маня,
Всю ночь до рассвета
Глядит на меня.
Я знаю, я знаю
Твой сорт - «вахарман».
Огромная дыня -
Огромный обман.

Припев.

ЛИС: Ты смотри, Шакал, хорошая у тебя песенка. Неужели слова сам сочинил?

ШАКАЛ (замявшись): Да как тебе сказать? Вообще-то, главные мысли - мои.

ЛИС: Ишь ты, дружище, у тебя, оказывается, тоже мысли бывают?

ШАКАЛ: Будешь насмехаться - уйду.

ЛИС: Ну куда же ты уйдешь, когда самое главное - впереди? Давай дальше обсуждать наш план. Значит, ты согласен немножечко повыть, а

я в это время...

ШАКАЛ: Что ты в это время?

ЛИС: Буду брать дыню.

ШАКАЛ: Да ты же разбираешься в дынях, как свинья в апельсинах!

ЛИС: Шакал, дружище, что-то ты забываться стал. Много себе позволяешь. А я, между прочим, один из лучших избирателей дынь.

ШАКАЛ: Ха-ха! Это ты-то? Ответь тогда мне на вопрос: когда дыня самая вкусная?

ЛИС: Когда она жёлтая.

ШАКАЛ: Жёлтая-прежёлтая?

ЛИС: Да, жёлтая-прежёлтая.

ШАКАЛ: Ой-ё-ёй (хватается за живот). Ой-ё-ёй, держите меня! Ну, раз ты такое говоришь, видно, придется тебе все-таки выть вместо меня.

ЛИС: Ты хочешь сказать, что я не прав, что дыня вкусная, когда она синяя или красная?

ШАКАЛ: Совсем уже? (делает знак у виска). Где ты видел синюю дыню? Она что, баклажан? Но жёлтая дыня - уже плохая дыня. А самая сладкая, самая ароматная та, которая вся в трещинках и как будто сахарным песочком посыпана. Вот тогда дыня - принцесса.

ЛИС: А я что говорю? Самая сладкая дыня - жёлтая, вся в трещинках и как будто сахаром песком присыпанная. Ты мне просто договорить не дал.

ШАКАЛ: Ах, настоящая дыня - это та дыня, которая длинна, кругла и вся в трещинках, как в сеточке.

ЛИС: Ты что же думаешь, сейчас добавил что-то новое к тому, что я сказал?

ШАКАЛ: (мечтательно) Да если только мне сейчас сюда подадут дыню, я наощупь всё о ней скажу, определю, какая она.

ЛИС: А если не подадут?

ШАКАЛ: Тогда, конечно, не определю.

ЛИС: Вот видишь, сам сказал не определю! Значит, не разбираешься.

ШАКАЛ: Ты, Лис, конечно, очень хитренький, и язык у тебя подвешен неплохо. Всегда всё с ног на голову поставишь.

ЛИС: Но ты же на ногах стоишь, не на голове. Зачем на меня наговариваешь?

ШАКАЛ: Хватит, хватит. Согласен, я буду выть. А то от тебя я еще раньше времени завою тут.

ЛИС: Ты настоящий друг, Шакал. Я тебя

никогда не забуду. (Лис обнимает Шакала).
Давай построимся в колонну по одному и вперед.
Только на цыпочках.

ШАКАЛ: Где я тебе цыпочек найду? Тут
куратников нету.

ЛИС: Т-с-с! Тихо! Слышишь шорох?

ШАКАЛ: Слышу.

ЛИС: Ты думаешь, что это?

ШАКАЛ: Ветер в кустах шумит.

ЛИС: Какой ветер? Тихо вокруг. Листочки не
шевелиются.

ШАКАЛ: Так что это?

ЛИС: Не что, кто? Внук Сторожа на велосипеде
едет. Сейчас тут будет. Бежим. Лис и Шакал
убегают. Появляется Внук на велосипеде. Он
поёт песню.

Песенка мальчика

Под блестящими колёсами
Тропка вьётся в поле ржи.
Пристают ко мне с вопросами -
Кем ты будешь, Расскажи?

Припев: Но кем я стану,
Точно
Не знаю.

А пока
Я дедушкин
помощник,
Я дедушкин
помощник.
У дедушки, у дедушки
Я правая рука.

Я кручу, верчу педалями,
А навстречу ветерок.
Если б мне машину дали бы,
Я шофёром стать бы смог.

Припев.

Вьётся, вьётся тропка быстрая,
Змейкой пыль из-под колёс.
Но хочу и в трактористы я,
А возьмут ли, вот вопрос.

Припев.

Птицы, птицы, в небо мчите вы,
Вам преграды нипочём.
Я хотел бы стать учителем,
Я хотел бы стать врачом.

Припев.

Гроздь янтарную повесила
Виноградная лоза.
Всюду разные профессии -
Разбегаются глаза.

Припев.

Внук ставит велосипед возле дерева.

ВНУК: Ух, устал. Но зато у меня радость - дедушка купил бинокль. Интересная штука. А ну-ка посмотрю в него на нашу дыню. (Мальчик смотрит в бинокль, повернув его обратной стороной). Ой, что это с ней случилось, не дыня, а фасолинка какая-то. Похудела-то как. Не заболела ли часом? (Кричит: «Дыня, ты не заболела?».)

ДЫНЯ: Нет.

ВНУК: Тогда ты похудела?

ДЫНЯ: Разве? Значит, я стала изящнее?

ВНУК: (отвернувшись от дыни, задумывается. Переворачивает бинокль). Ах, прости, пожалуйста, мне показалось, теперь вижу - ты поправилась очень сильно. Отчего ты такая большая?

ДЫНЯ: Да что это ты сегодня - то похудела, то поправилась. Обыкновенная я. Это просто тебе кажется.

ВНУК: (Отводит от глаз бинокль). Ой! И вправду обыкновенная!

ДЫНЯ: (кокетливо-обиженно). Совсем-совсем обыкновенная?

ВНУК: То есть, нет, дынька. Ты у нас необыкновенно хорошая.

ДЫНЯ: Это другое дело. Но ты не только на меня смотри. Дедушка что тебе приказал - смотреть по сторонам внимательно, чтобы ни один нарушитель не подошёл.

ВНУК: Ты права. Сейчас объезд сделаю. (Садится на велосипед. Уезжает).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

На сцену выглядывают Лис и Шакал.

ШАКАЛ: Сейчас опять приедет сюда на своем велике с рогами.

ЛИС: Это не рога, а руль.

ШАКАЛ: Вот налетит на тебя, тогда узнаешь рога или руль. И вообще, что-то мне боязно, Лис. Сомневаюсь, пройдет ли у нас операция «Д» как задумали?

ЛИС: Не сомневайся, со мной выйдет. А сейчас можешь ненадолго успокоиться. Пока внук всю бахчу объедет, у нас есть время. Перед наступлением нужно поднять настроение друг другу. Давай частушки попоем.

Шакал:

Эх-эх, веселись!

Комары да мошки!

До чего красивый Лис

Вроде драной кошки.

Лис: Смельчаков я видал,
Только ходят слухи,
Что храбрее всех
Шакал -
Испугался мухи!

Шакал: До чего же Лис хитер-
На блохе катался,
Сел хвостом на
костер,
Без хвоста
Остался!

Лис: А Шакал, а Шакал
По реке пешком шагал.
А заторопился -
Чуть не утопился.

ШАКАЛ: Ну, подумаешь, Лис, частушки не так уж плохо обо мне говорят.

ЛИС: А ты меня своими частушками вообще похвалил.

ШАКАЛ: Да уж, как бы не так.

ЛИС: Похвалил-похвалил. И даже сам не заметил. А невольная похвала особенно приятна. Знаешь, о чем я сейчас подумал: может не стоит нам ссориться, ведь мы с тобой не петухи какие-нибудь.

ШАКАЛ: Точно, на петухов мы мало похожи, что верно, то верно.

ЛИС: Тогда у меня предложение - давай будем друг другу петь хвалебные песни?

ШАКАЛ: Я согласен, только ты первый.

ЛИС: Пожалуйста.

Хвалебная песенка про Шакала

Ты красив и знаменит,
Я сказал бы: даже очень.
Голосочек
Твой звенит,
Как серебряный звоночек.

Припев: Я дружить с тобою рад,
До чего ты
Симпатичный.
Говорят
Про тебя:
Шакал приличный.

Шакал повторяет: Ведь не зря говорят
Про меня: Шакал приличный!

Из семьи шакалов ты
Экземпляр довольно редкий.
Все прекрасные черты
Унаследовал от предков.

Припев.

ШАКАЛ: Лис, я даже не знал, что ты так меня ценишь. Послушай и мою хвалебную.

Хвалебная песенка про Лиса

Рыжий Лис везде известен
Тем, что он в любых делах
И бесхитростен, и честен,
И не знает слова страх.

(две последние строчки 2 раза)

Лис горой стоит за слабых,
В рот чужого не берёт.
Он в беде протянет лапу,
Не обманет, не соврёт.

(две последние строчки 2 раза)

Он всегда-всегда правдивый,
Ближним все отдать готов,
Он - любимец коллектива,
Верный друг семейства Львов.

(две последние строчки 2 раза)

ЛИС: Спасибо, дружище Шакал. Я лишний раз убедился в том, что правильно поступил, когда позвал тебя с собой.

ШАКАЛ: Это ты меня позвал? Какая наглость! Да я же раньше тебя тут был.

ЛИС: (примирияюще поднимает лапы). Всё-всё! Мы же договорились не ссориться. Какая разница, кто кого позвал? Главное, что мы с тобой друзья, не так ли? Вместо того, чтобы выяснять, кто тут был первый, давай порепетируем то, о чем договаривались. Ты иди вправо, а я влево.

Лис и Шакал расходятся в разные стороны.

ЛИС: (на краю сцены ходит взад-вперёд). Так! Значит, подхожу я к дыне. Ну, допустим, уже подошел. И что дальше? Надо же что-нибудь сказать. А что? (стучит себя по голове). Эй, машинка, что-то ты опять остановилась! Работай, еще разик выручи меня. (Задумывается). Ага, понял мысль. Но что это за мысль - так, малюсенькая мыслишка: «Подойти и сказать -пойдем в кино!». А дыня вполне может отказаться. Дыни в эту пору года такие высокомерные. Ответит она, допустим: «Не хочу сидеть в духоте и смотреть скучные фильмы!» И все тут. А от того, чтобы послушать хорошую песню, она вряд ли откажется. Особенно, если в этой песенке поётся о ней.

Вторая песенка о дыне

О дыне, о дыне
Мечтал я немало,
Ее вспоминая,
Не раз я грустил.
Ах, если бы дыня
На крыльях летала,
Я тоже бы крылья
Себе отрастил.
Припев: Греет солнышко бахчу.
Сверху - небо синее.
Подружиться я хочу
С дыней-дыней-дынею.

Ах, если бы дыня
Мне только моргнула,
Я тут же плечо бы
Подставил свое.
А если бы дыня
Случайно тонула -
Из грозной пучины
Я спас бы ее.

Припев:
На все ради дыни
Готов я, не скрою.
Хоть как ни горжусь я,
Пушистым хвостом,

Но если бы дыня
Росла под землею,
Я не был бы Лисом,
Я стал бы Кротом.
Припев.

(Заканчивает песню и сам хлопает в ладоши).

ЛИС: Ай да Лис, ай да молодец! Нет, песенка вроде бы ничего вышла. Хотя, если быть честным с самим собой, мне мои песни всегда нравятся. Надо бы найти беспристрастного судью. Побегу-ка к Шакалу. Похвастаюсь. (Убегает).

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

На сцену выезжает на велосипеде Внук. Ему навстречу выходит Сторож.

СТОРОЖ: Как обстановка, внучек?

ВНУК: Всю бахчу вокруг объехал. Ничего подозрительного не заметил.

СТОРОЖ: Отправляйся домой. Тебе ведь еще уроки делать надо.

ВНУК: Я помню.

СТОРОЖ: (достаёт коробочку с табаком, нюхает, чихает). Апчхи!

ВНУК: Что это такое у тебя дедушка?

СТОРОЖ: Табак. Очень противный. Меня

угостил один человек. Сказал - нюхайте, очень приятно. Теперь вижу - нехороший это человек. Табак - гадость страшная. Курить-то я никогда не курил, а теперь и эту понюшку, чтобы даже запаху его близко не было (выбрасывает).

ВНУК: Я тоже, когда вырасту, не буду курить, дедушка. Ой, что я говорю, когда вырасту? Я никогда курить не буду. И всем ребятам скажу: вреден табак и страшен для здоровья. Если хочешь лётчиком или вообще сильным человеком стать и в то же время начнешь курить - ничего не выйдет.

СТОРОЖ: Молодчина. И откуда ты всё это знаешь?

ВНУК: Учительница нам рассказывала. Да и в книгах читал. Ну, я поехал, дедушка. (Отъезжает, потом возвращается). Да, бинокль я на дереве у арыка оставил.

(В это время из-за кулис выглядывают Лис и Шакал и тут же прячутся). Внук уезжает.

СТОРОЖ: Протру-ка я от пыли свое старое, но верное оружие. Пусть блестит, чтобы издали видно было. Чтобы боялись Лисы и Шакалы. (Обращается в зал). Признаюсь вам, ружье у меня незаряженное, я его так, для остратки

ношу. Сторож берет ружье на плечо и начинает
комично маршировать.

Запевает «Песню Сторожа».

Песня Сторожа

Я иду по бахче,
А ружье на плече.
Я стреляю без промаха, метко.
Я в бинокль гляжу,
Я хожу, сторожу.
Ой! Мне кажется, хрустнула ветка.

Припев: А я сторож боевой
И решительный,
Не рискуйте головой,
Нарушители.
Мне на мушку
Попадете -
Ни за понюшку
Пропадете.
Ни за понюшку табака!

Никогда сторожа
Не обидают Ежа,
Не обидают Оленя и Зайца.
Но Шакал или Лис

Берегись, берегись,
На глаза лучше не попадайся.

Припев.

Если я на посту,
Никакому хвосту
На бахче не мелькнуть даже тенью.
Я своею рукой
Охраняю покой
Беззащитных и нежных растений.

Припев.

СТОРОЖ: Ать-два! (Снимает ружьё и резко приставляет к ноге). Что-то, как маленький, разыгрался. Надо быть готовым - а вдруг какой Шакал завоюет. Я его ружьём на испуг возьму. (Раздался вой Шакала).

СТОРОЖ: О, вот ведь, лёгок на помине оказался. (Завывание продолжается).

СТОРОЖ: (громко). Эй ты, вон отсюда! (Вой становится еще сильнее).

СТОРОЖ: (идёт в ту сторону). Что-то он сегодня расхрабрился! В руки мне попасть захотел? Вот уж я ему задам!

Из-за кулис показывается Шакал.

ШАКАЛ: Сторож - старое пальто,
Не догонишь ни за что!
Сторож - старое пальто,
Не догонишь ни за что!

(Сторож наводит на Шакала ружье. Шакал прячется. Сторож бежит за ним и скрывается).
(Открывается вид на боковую сцену. Бахча. На коврике в оранжевом платице лежит Дыня. Сзади на цыпочках подходит Лис).

ДЫНЯ: Ба-бах!

ЛИС: (отпрянул в испуге назад). Ой!

ДЫНЯ: Испугался?

ЛИС: Да как тебе сказать. Душа ушла куда-то сюда (показывает лапой на пятку).

ДЫНЯ: Вот это да, вот это да! Душа в пятки ушла, душа в пятки ушла! Здорово я тебя! А так и надо, чтоб не лез к Дыне.

ЛИС: Но я ведь и не тронул еще тебя.

ДЫНЯ: Ну и что, ну и что! Все равно тронешь.

ЛИС: Как ты догадалась?

ДЫНЯ: Разве Лис приходит на бахчу за чем-то другим?

ЛИС: Ты очень догадливая, Дыня.

ДЫНЯ: Ладно, прощаю, я сегодня добрая. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

ЛИС: А что это тебя так развеселило?

ДЫНЯ: Да то, как ты задрожал. Ха-ха-ха!

ЛИС: (обиженно). Можешь посмеяться, а я пока посижу в сторонке, отдохну.

ДЫНЯ: Что ты такой обидчивый? Я вовсе не желаю, чтоб ты сидел в стороне, а хочу, чтобы ты сел поближе и попел свои знаменитые на всю округу песенки. Я их слышала уже на магнитофоне. Но ведь магнитофон - это одно, а живой певец - совсем другое.

ЛИС: (оглядывается). Ты что же, хочешь, чтобы я прямо здесь тебе запел?

ДЫНЯ: Я согласна и здесь.

ЛИС: А я не согласен. Я не в голосе. (Пробует голос: «Аа!».) Тут воздух очень влажный. Давай пойдём вон за тот бархан. Там у меня всё получится.

ДЫНЯ: Дорогой певец Лис, но я до сих пор никуда отсюда не уходила!

ЛИС: Но когда-то же надо сделать первый шаг? Ведь ты уже не маленькая, вон какая вымахала.

ДЫНЯ: Лис, дорогой, ну пожалуйста, не надо уговаривать меня уходить. Ведь я могу потом

заблудиться.

ЛИС: Даю тебе честное лисиное, как только ты послушаешь все 192 песни, я сам тебя приведу обратно.

ДЫНЯ: Правда?

ЛИС: Не веришь, не надо. (Обиженно отворачивается).

ДЫНЯ: Я еще должна послушать, что мне скажет мое сердце.

ЛИС: Но как ты можешь послушать свое сердце? Ведь для этого надо приложить ухо к груди. Что-то я еще не видел таких акробатов, которые могли бы к своей груди ухо приложить. (Подходит к Дыне). Прислушайся лучше к моему сердцу.

ДЫНЯ: (прикладывает ухо к груди Лиса). Слышу, слышу. Оно говорит, что я могу спокойно идти туда, куда меня зовёт певец Лис.

ЛИС: Вот видишь, что тебе сердце сказало. А оно никогда не обманывает. (Лис отворачивается от Дыни, гладит себя по груди и напевает: «Сердце! Как хорошо, что ты такое!»).

ДЫНЯ: Ты что, все-таки начал здесь петь?

ЛИС: Нет-нет, тебе послышалось. Пойдем, не будем тратить время. (Лис и Дыня медленно идут

по бахче. Лис останавливается).

ЛИС: погоди минутку. Мне надо кое-что взять. Здесь на дереве висит одна вещь.

ДЫНЯ: А ты знаешь, что чужие вещи нельзя брать без спроса?

ЛИС: Это моя вещь. Я ее в прошлый раз давал моему другу Сторожу, когда пел ему песни.

ДЫНЯ: Так может позвать Сторожа? Он тут недалеко.

ЛИС: Ты с ума сошла (зажимает ей рот).

ДЫНЯ: (Высвобождается). Чего ты испугался? Ведь сам говоришь -вы друзья.

ЛИС: Друзья-то друзья, да не стоит его по пустякам беспокоить. Он человек пожилой, у него давление повышенное. Я сам возьму, он мне разрешил. (Снимает бинокль и прячет его за спиной). Ты, Дыня, иди вперед, а я за тобой.

ДЫНЯ: А я плохо умею ходить.

ЛИС: Поэтому я тебя и отправляю вперед. В походе так всегда делают - самый сильный турист идет сзади, чтобы помочь тем, кто начнет отставать. Иди, иди, Дыня, только побыстрее.

ДЫНЯ: Без песенки идти скучно.

ЛИС: Ладно, чуть отойдем, запою тебе торопильную песенку.

Торопильная песенка для Дыни

Дыня, Дыня, ты добра,
В путь тебе давно пора.

Уведу тебя

Сейчас туда я,

Где ты будешь

Вечно молодая.

Дыня повторяет: Где я буду вечно молодая!
(И так в каждом куплете).

Дыня, Дыня, ты кругла,

Ты бы солнцем стать могла.

Ты могла бы стать

Мячом футбольным.

Только это

Очень, очень больно.

Между лесом и рекой

Домик есть один такой,

Где тебе всегда

Найдётся место,

Где живут

Легко и интересно.

Дыня: Жить хочу легко и интересно!

Лис и Дыня удаляются.

Появляется Сторож. Он достает платок, вытирает лоб.

СТОРОЖ: Совсем загонял меня Шакал чертов. Оказался хитрее Лиса. В такую даль за ним трусцой бежал. Но зато он теперь не вернется сюда.

(Садится на коврик, на котором сидела Дыня. Берёт чайник. Наливает в пиалу чай).

СТОРОЖ: Попью-ка чайку с дороги. Хорошо зелёным чайком побаловаться в жару, правда, Дыня? (Не дождавшись ответа, ставит пиалу, спрашивает громче). Ты что, уснула? Под солнцем спать вредно. Дыня, Ды-ня-я-а! (Подходит к тому месту, где была Дыня). Ах, вот оно что, оказывается! Увели Дыню. Сманили. Ну, я этого им не прощу. Найду злодеев, по следам найду! А след любое преступление оставляет. Сторож уходит. По сцене движутся Лис и Дыня. Дыня идёт впереди. Останавливается, оглядывается.

ДЫНЯ: Еще далеко идти?

ЛИС: (Волнуюсь). Нет, нет, мы уже почти пришли.

ДЫНЯ: А где остановимся?

ЛИС: Вон за тем барханом, где саксаул растёт, посмотри.

(Лис приставляет к глазам Дыни бинокль).

ДЫНЯ: И у внука Сторожа есть такой же. Это не его бинокль?

ЛИС: Нет, нет, это мой. Да ты не разговаривай, а смотри!

ДЫНЯ: Ой, как далеко! Лис, спохватившись, быстро переворачивает бинокль.

ДЫНЯ: А, нет, совсем близко.

ЛИС: Вот видишь, давай прибавляй шаг. (К залу: «Чуть всё не испортил!»).

Убегает вслед за Дыней.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Лис и Дыня выходят на сцену. Сбоку выскакивает Шакал.

ШАКАЛ: Фу ты, ну ты! Чуть и в самом деле не попался старому в руки. А он еще ничего себе. Не зря по утрам трусцой бегают. В следующий раз буду осторожнее. И колючку загнал в ногу из-за него. Вот, черт!

ЛИС: Ты поосторожнее выражайся. У нас гостя.

ШАКАЛ: (сладким голосом). А, вы здесь? Ах, простите, ах, извините. Как я рад вас видеть! (Идёт к Дыне, расставив лапы).

ДЫНЯ: (Отступая). Фи, какой некультурный!

ЛИС: (Отталкивает Шакала). Ну что ты, в самом деле, позволяешь себе? Гостья пришла к нам песни послушать, а ты со своими дурацкими объятиями лезешь.

ШАКАЛ: Какие еще могут быть песни?

ЛИС: Популярные.

ШАКАЛ: Не понимаю что-то я тебя.

ЛИС: (Подталкивая). Иди, иди, здесь не наши места. За тем барханом всё поймешь. (Вполголоса) Все сделаем попозже.

ДЫНЯ: (Незаметно отступает). Я, наверное, пойду обратно...

ШАКАЛ: Я тебе пойду! Лис его сильно толкает. Шакал падает. Встаёт, отряхиваясь.

ШАКАЛ: Ты что!

ЛИС: Ты, наверное, споткнулся, дружище.

Лис подходит к Дыне.

ЛИС: Ты просто устала. если хочешь, я могу понести тебя.

ШАКАЛ: (Выглядывает из-за спины Лиса). И я могу понести ее.

ДЫНЯ: Я боюсь глаз этого Шакала.

ЛИС: Не обращай внимания. Это он себя так ведёт, потому что не узнал тебя. Ведь в прошлый

его приход на бахчу ты была совсем зелёной Дынькой, а сейчас ты очень выросла.

ДЫНЯ: Я знаю, Сторож говорил мне об этом.

ЛИС: Вот видишь. А этот (показывает на Шакала) принял тебя за Тыкву. Это он всегда так с Тыквами разговаривает. Правда, дружище Шакал?

ШАКАЛ: Если так говорит Лис, наверное. Да, да, я принял тебя за Тыкву. Издалека. Что-то со зрением у меня в последнее время.

ЛИС: Очки надо носить, если со зрением что-то. А теперь давайте пойдем дальше. Ведь мы все выяснили.

ШАКАЛ: А что у тебя на шее висит?

ЛИС: Бинокль.

ШАКАЛ: (Обрадованно). Украл все-таки? Молодчина!

ДЫНЯ: Певец Лис, но ты ведь сказал, что этот бинокль твой?

ЛИС: А он мой. Ты Шакала не слушай, у него не только зрение, но и память барахлит.

ШАКАЛ: (Подозрительно). Память уже у меня барахлит. Это почему?

ЛИС: (Делает вид, что что-то увидел в бинокль, внимательно всматривается)

Ой, какие смешные,
Ой, какие разные -
То немножко голубые,
То немножко красные.

Погляди, погляди -
Круглые и плоские.

А один, а один -
С жёлтыми полосками.

ШАКАЛ: Дай и мне посмотреть!

ДЫНЯ: Чур я, чур я первая после певца Лиса
посмотрю.

ШАКАЛ: Ладно уж. Я за тобой.

Лис отдаёт Дыне бинокль. Дыня смотрит в бинокль, а Шакал показывает жестами Лису, что пора Дыню съесть. Лис в ответ показывает жестами - потерпи. Дыня смотрит в бинокль и не видит этих жестов.

ДЫНЯ: Очень интересно. Хотя я и не увидела голубых, красных и с жёлтыми полосками, но все равно мне понравилось. Всё приближается. Наверное, этот бинокль придуман для того, чтобы все становились ближе друг другу.

ЛИС: Ты просто умница, Дыня. Это так. Вот и мы с Шакалом стали так близки друг другу, так близки. А ведь без бинокля, случилось, ссорились.

Да и с тобой, Дыня, подружились. Так что это волшебный бинокль.

ДЫНЯ: Ой, правда? Значит, если долго-долго смотреть в него и пожелать кого-то увидеть, он появится?

ЛИС: Ну, конечно.

ДЫНЯ: Вот хорошо. А то я так соскучилась по Сторожу.

ЛИС: Нет, нет, только его не вызывай!

ДЫНЯ: Но почему? Ты же говорил, что для него песни пел.

ЛИС: Говорил. Но я немного обижен на него. Он мне бинокль вовремя не отдал.

На сцене появляется Сторож. Шакал замечает, делает шаг назад.

Дёргает Лиса. Тот тоже медленно пятится. Сторож наводит ружье.

СТОРОЖ: Стой, стрелять буду! Лапы вверх!

ШАКАЛ: Не грозись, старое пальто! Я знаю - ружьё не заряжено.

СТОРОЖ: Ай ты, Шакал! Ну берегись! Первый раз стреляю в воздух! (Поднимает ружье вверх).

Лис и Шакал хохочут.

ЛИС: Давай, давай. Нас не обхитришь.

Сторож нажимает на курок. Раздаётся

оглушительный выстрел. Лис и Шакал падают. И Сторож сам приседает в испуге. Обращается в зал:

«Смотрите, и в самом деле заряженное. Выходит, не зря меня учили в школе сторожей - никогда не нажимать на курок, если ружье наведено на кого-то. Наш Главный Сторож любил говорить: “Раз в году и лопата стреляет”.

Сторож поворачивается к Лису и Шакалу.

СТОРОЖ: Ну, живо вставайте, храбрецы!

ЛИС: А мы что, мы ничего. Так бы и сказали заранее...

Лис снимает бинокль и заискивающе подает Сторожу.

ЛИС: Мы вот нашли ваш бинокль. Возьмите. Мы даже шли к вам, чтобы отдать его.

ДЫНЯ: Они обманывают вас, дедушка Сторож. Лис мне сказал, что это его бинокль.

СТОРОЖ: Знаю, Дыня, знаю. Я ни одному его слову не верю. А ну, поднимайте лапы вверх.

ЛИС: Хорошо, хорошо. Только не стреляйте больше, дедушка Сторож, в нас стрелять нельзя.

СТОРОЖ: Это еще почему?

ЛИС: Мы занесены в Красную Книгу. Нас нужно беречь и охранять как редкое явление

природы. Вас охотничий инспектор оштрафует, если вы плохо с нами обойдётесь.

СТОРОЖ: Ах ты, рыжий прохвост, ты еще меня пугать будешь. Да я тебя! (Вскидывает ружье).

В это время на сцену на велосипеде въезжает внук.

ВНУК: Дедушка, погоди , не стреляй. Я услышал выстрел и вернулся. Не трогай их, дедушка.

СТОРОЖ: Не надо их жалеть, внучек.

ВНУК: Они очень хорошо поют песни. Мне нравится их исполнение.

ДЫНЯ: (Становится рядом с внуком). Да-да. И мне тоже. Может быть, простим их, они исправятся.

СТОРОЖ: Ишь ты, заступница. Ты бы лучше не забывала, что ты Дыня. Тебе не пристало уходить из дому слушать песни.

ДЫНЯ: Хорошо, дедушка Сторож. Я теперь не буду уходить из дому.

СТОРОЖ: И правильно сделаешь. А пока все марш на бахчу!

Вся компания уходит. Впереди Лис и Шакал с поднятыми лапами.

ЛИС: Дедушка, давайте мы вам исполним песню по заявкам трудящихся. Вы ведь трудящийся?

СТОРОЖ: Да уж не чета вам, бездельникам.

ЛИС: А какую песню вы бы хотели услышать, может быть, о море?

СТОРОЖ: Есть одна песня на примете - песня обо мне.

Лис и Шакал переглядываются, что-то шепчут друг другу.

СТОРОЖ: Ничего, не робейте. вы ведь всегда ее поёте, когда меня нет рядом. Но я слышал. Не обижусь, не бойтесь.

Лис и Шакал начинают вполголоса петь.

Дразнильная песня о Стороже

По бахче часовой
Ходит еле живой.
У него до колен борода.
Он немного глухой
И немного слепой,
Нас ему не поймать никогда.
Он вздремнёт и опять
Он ложится поспать
На кошке в холодке у пруда.

Что угодно забрать
Можем мы и удрать.
Нас ему не поймать никогда.
Все, кто хочет, подряд
Про него говорят -
Мы обманем его без труда.
Он немного горбат
И в халате до пят,
Нас ему не поймать никогда.

Последние слова Лис, Шакал, Дыня, Внук и
Сторож поют вместе.

ЛИС: У вас отличный голос, дедушка
Сторож.

СТОРОЖ: Неужели?

ШАКАЛ: Правда, правда.

СТОРОЖ: (отмахивается). Будет вам. Пою,
конечно, иногда со своей старухой. Но что у меня
хороший голос - никогда не говорил.

ЛИС: И зря. Вам бы немного подучиться
- и вполне можно быть солистом в вокально-
инструментальном ансамбле.

СТОРОЖ: Но-но, ты мне зубы-то не
заговаривай. За песню эту я б тебе, конечно, хвост
надрал, да и дружку твоему рёбра пересчитал. Да
не стану. Есть у меня на то две причины. Первая

- ваши песни по душе Дыне. А второе - если я вас накажу, внук мой расстроится. Я-то знаю - сказка без Лиса и Шакала - не сказка. Так что я вас отпускаю подобра-поздорову. И не вздумайте больше воровать.

ЛИС и ШАКАЛ: (хором). Не вздумаем!

СТОРОЖ. (С улыбкой). Идите, идите.

ШАКАЛ: До следующей встречи, дедушка Сторож.

СТОРОЖ: (Сердито, хватаясь за ружье). Что-что?

ЛИС: Это он неудачно пошутил. Он имел в виду - до следующей встречи в сказке.

СТОРОЖ: Это - другое дело. До следующей встречи в сказке, ребята. До свидания.

ДЫНЯ: Дедушка Сторож, а прощальная песенка?

СТОРОЖ: Ах да, давайте споём ее с ребятами.

Прощальная песенка

Промчался встречи нашей час.

И так уж получается -

Любая сказка и рассказ

Когда-нибудь кончаются.

Припев: Вот припев - слова просты,

Их запомнить нужно:

Нет предела у мечты,

Нет конца у дружбы.

Пусть на закате Солнце вдруг

Мелькнёт и попрощается.

Но Землю обойдя вокруг,

Оно к нам возвращается.

Припев.

ЛЮБЛЮ СМОТРЕТЬ НА ЗВЕЗДЫ

(Заметки о творчестве Агагельды Алланазарова)

«...Чистота жизни -
самое высокое искусство».

Ганди

Думаю, не слишком удивлю кого-либо признанием: меня снова потянуло к сказке - прикоснуться к волшебству фантазии и поэзии мира, каким его воспринимает детство. Каким его ощущали наши далекие предки, не умея объяснить, но, пораженные грозной красотой необъяснимого, искали способ понять природу, ее тайны, научиться ее волшебному языку. Может, из этого-то и родилось искусство. И явилось оно попервоначально в образах сказки... А не удивлю, потому что замечая, не я один испытываю прилив тоски по светлой, незамененной, казалось бы, столь простой и однако же сложной, ибо мудра по сути, реальной жизни; когда Ребенок и Взрослый равны перед истиной, необходимы друг другу, понимали друг друга не мудрствуя лукаво.

Любопытная, по-моему, метаморфоза:

многие классические произведения (к примеру, «Дон Кихот», «Тиль Уленшпигель») с течением времени молодеют. Подозревали их авторы, что их читателями станут подростки? Едва ли. Между тем это самые искренние и благодарные читатели. Назову подобный феномен из современной литературы - Чингиз Айтматов. Убедился в этом, работая с почтой писателя. К чему этот пролог? Мне кажется, обновление литературы (то, что нужна в этом самая насущная, - несомненно!) возможно тогда лишь, если талантливые писатели по велению сердца обращаются прежде всего к юному поколению - стало быть, к будущему, которое родилось сегодня и, глядя серьезным и мудрым, ибо чист и готов к удивлению, взором детства, впервые открывает (для нас, взрослых, тоже) землю обетованную - мир, который мы, усталые и издерганные, втянутые гонкой за всяческой модой, перестали видеть и воспринимать как вечное чудо.

Вот откуда, догадался, радо сть, все более обхватывающая меня при чтении повести-сказки «Собака, которая летала однажды». И самое важное: праздник, который нас ждет, если хотите, обещан, ощущается заранее. Как так? Не

о схеме ли, когда все расписано и разложено по полочкам, речь? Разумеется, нет. Речь - о поэзии. Но прежде о поэзии жизни, как ее воспринимает Агагельды Алланазаров. Он видит обыкновенное в «обыкновенном». Впрочем, стоп! Что я хотел было объявить «обыкновенным»? Уже не то ли событие, с которого, как и положено, начинается повесть: «Этот щенок родился в коше чабана подпаска, кочевавшего со своей отарой по пустыне Пенди. Его мать, по кличке Лакма, в отличие от двух кобелей, считалась наиболее чуткой собакой». Да ведь уже свершилось великое и необъяснимое - явление на свет живого существа!

Вот на что хочу обратить особое внимание: на интонацию, на внутреннюю музыку фразы. Это, уверен, крайне важно и для взрослого, кто паче чаяния вдруг найдет время прочесть повесть-сказку своему ребенку. Думается, неважно, как читать? Ошибаетесь? Проза А. Алланазарова, коли производить ее вслух, требует неспешного, мягкого голоса. И... непременно таинственности. А также улыбки. Может быть, в самые драматические моменты повествования, которых в сказке немало, что отнюдь не в нарушение

традиции жанра. Напротив. Жизнь и фантазия здесь не сосуществуют, а существуют как единое целое. И в этом смысле, смею думать, писатель наметил и осуществил шаг в направлении к подлинно современному мировосприятию. Сказка больше реальность, чем думают некоторые. Она - реальность мечты и поэзии, без чего жизнь бедна.

Детство - камертон всей последующей жизни взрослого. Не получи мы волшебных впечатлений в этом священном, еще до-язычном, но уже языческом возрасте, - как знать, насколько печальнее и неинтереснее будет жить нам на свете? Да и вот: мы уже заранее лишены права считать себя подлинно современными людьми, ибо не способны понять природу и сущность сегодняшнего мира творчески, в том числе и технический прогресс. Парадокс? Отнюдь. Позволил себе сослаться на авторитет одного из выдающихся ученых современности С.И. Вавилова. Откройте его книгу «Глаз и Солнце». Сразу же - на первой странице: «И в наше время рядом с наукой, одновременно, подражающий ей мирпоэтов. Он удивителен и сказочен: в этом мире между явлениями природы перекидываются

мосты связи, о которых иной раз наука еще не подозревает...».

К чему я клоню? К возрождению языка, на котором можно было выразить эту необходимость гармонии бытия, - языка поэтического. Стало быть, в высшей мере человеческого. Его источник - в сказке. Разумеется, в том случае, если писатель сам поражен и благоговееет перед тайной жизни, как ребенок, как первобытный человек и... как ученый. То есть я мечтаю о новом языке искусства: языке удивления и мудрости, чести и достоинства, добра и любви - всех тех изначально лучших свойств человека, без которых невозможна Жизнь.

На мой взгляд, к таким писателям относится А. Алланазаров, о чем, возможно, и не думаем. Впрочем, это и не дело писателя, как известно, ибо поэт мыслит образами.

Думаю, что увлекшись темой художественного языка, я не отвлекся от «предмета» - от творчества автора. Напротив. Смею думать, будучи оригинальным прозаиком, А. Алланазаров именно потому и не бравитует внешним оригинальничаньем; он, как бы исподволь, увлеченно творит «свой» язык, стремясь

наиболее полно и точно передать в сочетании слов богатство оттенков нового чувства, впервые испытываемого его героем. Как правило, последний не подозревает, что «занят» столь наиважным делом. Он просто поступает, как надо, и не задумывается, что из этого будет.

Кажется, собака - та самая, которая летала однажды, - должна неминуемо погибнуть. И не только в тот момент, когда очутилась под облаками. Тем более что произошло стервятник - чудовище.

На краю гибели щенок оказывается и потом, когда, наивно-доверчивый, не понимающий зла, встречается с множеством различных зверей и вообще попадает в суровейшие обстоятельства, не понимая, что любое из них чревато смертельной опасностью. Но он выходит из них победителем!

И это самое удивительное и самое увлекательное. Самое и загадочное: почему же? Щенок - тот, КТО НЕ ЗНАЕТ СТРАХА, ХИТРОСТИ, КОВАРСТВА. Своего рода ,если хотите, Колобок из русской сказки, но, пожалуй, с обратным знаком: он не уходит ни от кого, а приходит. Даже лиса ничего не может с ним поделать. Благодаря такому свойству своего

характера он, собственно, и находит общий язык с коброй и с лисой, и с... человеком. Да, в конце концов он возвращается к людям, ибо, как говорит писатель, нет собаки или лошади, которые не тосковали бы по человеку.

Здесь попрошу читателя остановиться. Чувствуете знакомую ноту? Конечно, Экзюпери. Эта ассоциация приходит на память первой. Но... задумывались ли мы, что и французский знаменитый писатель испытал чье-либо благотворное влияние? И это всенепременно. И это замечательно. Ибо тут не подражание, но - совпадение жизнесозерцания и мировоззрения.

Речь не об искусственности - но об оплодотворении, живом действе жизни столь же прекрасно - таинственным в литературе, как и в природе. «Мировоззрение, - говорил Николай Тихонов, - внутреннее солнце поэта». Это так, если описывается ночь.

«Перекатываясь на спину, широко открываю глаза - какой уж тут сон! Надо мной в высоком темно-синем небе равнодушно посверкивают семь широко разбросанных звезд, похожих на ковш Едиген. Люблю смотреть на звезды - наполняют душу покоем, заставляют думать о

чем - то светлом, трудно выразимом словами, значительном, вечном. Я это чувствовал «уже в детстве, когда начал ходить с караванами - каждую ночь непременно глядел на звезды...».

Прерву на минуту цитату. Хочу опять-таки обратить внимание на простую, казалось бы, деталь: «непременно». Меж тем, она весьма важна. Даже принципиальна. В ней - вся натура юного героя повести «Дестан моей юности»; его, если хотите, характер. ОН - ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО МАНЯТ И ЗОВУТ ЗВЕЗДЫ. Он уже знает это, отдает отчет. Стало быть, заметил и как-то, пусть стихийно, бессознательно, увязал со своей судьбой. А вот как это свойство души разворачивается дальше, в каком внутреннем движении выражается:

«А может, Айнабат тоже смотрит на небо?» - Повернулся, чтобы увидеть женщину. - Нет, лежит в той же позе, закутавшись в войлок».

Перед нами ведь целая драматургия. В детстве герою неважно, смотрит ли еще кто-нибудь вместе с ним на звезды. Он счастлив, если созерцает и в одиночестве. Повзрослевший, он жаждет разделить свою радость – это значит, в его сердце зародилось новое, небывалое чувство:

любовь. Она окрыляет человека. И самое главное, что, может быть, особенно принципиально в данном случае, - то, о чем сказал Ганди: «Трус не способен проявлять любовь, это прерогатива храброго».

Смею думать, и решиться рассказывать о любви - тоже. А.Алланазаров решился. В повести история этого чувства происходит в трагической атмосфере эпохи. Идет гражданская война. Так называемое басмаческое движение мы привыкли рассматривать, с одной стороны, как, восстание огалтельных бандитов, лишенных каких-либо человеческих качеств. Между прочим, совсем недавно таким образом наша пресса изображала афганского душмана: звероподобная личность в чалме и с кинжалом в зубах. Такие, поражающие трусливое воображение мифы, куда как стойки и... опасны! Мы перестаем видеть человека в другом. И - в себе. Но это уже позже.

Я не отвлекся от «Дестана...». Эта мысль явно прочитывается в повести. Она - сначала, подтекст постепенно выходит на первый план:

«И вдруг - неуловимо мгновенный взмах руки женщины, как всплеск крыла большой птицы. Пощечина обожгла мне щеку. Тело мое

так же мгновенно дернулось вперед - к обидчику, к ударившему меня! - а пальцы, не дожидаясь приказа, уже вцепились в плечи Айнабат, стиснули их, тряхнули, но тут же разжались: какие же они хрупкие, слабые плечи эти!

- Скотина! - невольно присев под моими руками, изогнувшись от боли, выкрикнула с ненавистью Айнабат. - Пошел вон! Какой из мужчин, оставшихся там, на поле боя, был хуже тебя?!».

Кого имеет в виду Айнабат? «Оставшиеся там, на поле боя», - басмачи. Они не «хуже» комсомольца? (Если перелистать, например, стихи 20-х годов, в них безапелляционно утверждается противоположное убеждение: враг - мразь, слизняк, не человек и... вообще не мужчина!) - Разумеется, не стоит выводить философско - историческую концепцию из фразы героини повести, но... ее устами глаголет большая и тревожная истина: взглянуть на прошлое не предубежденным взглядом, но с сокровенно человеческой точки зрения. Хотя бы теперь. Трагическая судьба народа требует объективной правды для своего осмысления. Кому она может быть выгодна? Увы, такие вопросы задавались и

прежде. Не совсем исчезли они и теперь, если даже не произносятся вслух. Правда же существует во имя общей справедливости, во имя жизни.

А.Алланазаров коснулся самого насущного, тронул струну нашего сегодняшнего сознания, которое не потерпит больше лжи в чем бы то ни было. Это, на мой взгляд, несомненная заявка на художественное открытие. Тем более, что автор уже и наметил принципиальный сюжет отношений, как они могут развиваться и развиваются между людьми.

«Я сжал зубы так, что заныли виски, замотал головой, замычал от оскорбления, как от боли и, чтобы не слышать больше ничего, бросился напролом через кусты, обдирая в кровь лицо о ветки». Но то, что услышал герой, - главное. Услышим же и мы, читатели. В произведениях А.Алланазарова, будь то повесть или рассказ, непременно есть эта мерцающая точка - глубоко выстраданная мысль - образ, которая возникает, кажется, непроизвольно, будто бы неожиданно (признак настоящего искусства). А суть в том, что реальная жизнь, как художнически понимает и стремится раскрыть ее в живых характерах и картинах автор, начинает говорить сама. Это

то самое, что: «тут не одно воспоминание, тут жизнь заговорила вновь». О чем, в частности, свидетельствует такое непосредственное свойство прозы? Думаю, о поэтической основе творчества А.Алланазарова. О том идеале, какой неизбежно присутствует во всем написанном им: о вере в торжество добра и красоты в человеческой душе. Иначе чем же и жив человек? Нет, писатель не задает этот вопрос открытым текстом. Тем сильнее и пронзительнее он ощущается; чем невыразимее на бытовом языке. Да и то сказать: чтобы затеяться думе, родиться слову, прежде должно случиться что-то «вдруг». Например: «Я иду и смотрю на море, и вдруг вижу: по волнам бежит небольшая лодка под белым парусом. Откуда она взялась? Не пойму...

О чем я думал минуту назад? Не знаю, а теперь уже думаю о тетушке Амангуль. Все, о чем я думал прежде, теперь вдруг исчезло. Ее напоминала мне эта «лодочка».

Печальна и горька история матери, потерявшей на войне сына. Немало написано об этом. А.Алланазаров сказал по-своему. Без надрыва и без нажима, и какая же зияющая бездна печали разверзлась перед читателем:

«Долго она прожила потом, так долго, что устала от жизни... Тысячу новолуний пришлось ей увидеть! И ни разу никого она не обвинила в гибели сына. Думала: «Так решено было свыше. Провидение погасило жизнь моего Аганазара и, наверное, отдало его годы мне... Зачем?».

Не ждите ответа. Любой - самый, на первый взгляд, мудрый - не удовлетворит. И не в том суть. Главное, что человек, которому явился этот вопрос, уже другой: он будет стремиться жить чище и лучше.

И мнилось мне, достойному свободы,
Покорства слов и непокорства рек,
Что, словно дни, свои растратив годы,
Живу, чужой присваивая век.

Не потому ль других надежд на свете
Милей одна мне - умереть в чести.
Перед памятью погибших я в ответе,
Душеприказчик сгинувших в пути.

Это - Расул Гамзатов. Простая женщина и Поэт равны перед судьбой, если они оба - настоящие люди. Здесь есть о чем подумать всерьез.

«...А лодка вдруг развернулась и стала уходить от меня - в сторону куда-то, на запад, волны послушно бежали за нею следом. Скоро парус

совсем затерялся среди облаков и белой пены. Море было пустынно, и сколько ни ждал я ее, всматриваясь вдаль, лодка под белым парусом так и не вернулась, не вспомнила обо мне».

Каким щемящим звуком завершается новелла - своеобразным реквием Матери.

А вот начало «Старика»:

«Теперь вдруг Курбан-мерген особенно остро почувствовал, что он соскучился по ней (пустыне - В. К.), что жить дальше, не побывав в песках, не сможет».

Не та ли это тема, что у поэта: «мы движемся к началу своему»? Похоже.

Но что-то и еще, как всегда у А.Алланазарова, должно было случиться. Оно и случилось - явление мальчика. «Глядя на него, Курбан ага вспоминал себя вот таким же малышом. О чем он думал, о чем мечтал в то время? Да о том же, о чем думает и мечтает сейчас вот этот постреленок. Почему в пустыне часто можно видеть огромные озера, но подойти к ним нельзя: ты к ним, а они - от тебя? Кто так тревожно ухает и стонет по ночам в песках? Почему шакалы кричат человеческими голосами? Может быть, они действительно были когда-то людьми, но сотворили много бед и

подлостей и Аллах покарал их?»

Так смотреть на детство - награда за достойно прожитую жизнь, ибо страшно и стыдно бывает вспоминать прошлое;

- На всю жизнь, - одна из самых, может быть, драматических тем искусства. Каков-то итог, к какому неизбежно должен будет прийти герой, может оказаться опасным: жизнь прожита зря! Или, во всяком случае, не совсем так, - и тогда страшно отчаяние человека, проклятие судьбе, будто бы обманувшей его.

Урок Курбана-мергена - мудрость печали или печаль мудрости. Мысли, которые он выстрадал и которые-таки не ушли вместе с ним (их «подслушал» автор. Как: не был ли он тем самым мальчиком?), благодарность старого охотника жизни. Можно ли считать себя обездоленным, если вспомнилось как наяву: «...счастливо улыбаясь, спешил, стреножил ослика, пересадил жену к себе в седло и поскакал в Инжирли. Дни, когда видел он Сапаргуль среди цветов и буйных трав Бадхыза, когда приносила она из Инжирли свежую, прозрачную, как слеза воду, и кипятила чай из нее, ему запомнились как самые счастливые, какие-то блаженно-

сказочные в его жизни. Эх, вернуть хотя бы один из этих деньков!».

Печален финал «Старика». Что ж, верный правде жизни, писатель не прибегает к фальшивому утешению. А это недешево стоит. И все же Курбан ага успел достойно проститься с самым верным и близким другом - пустыней.

Теперь удивлю читателя.

- Неужели он туркмен? - спросил о «старике» один русский писатель. Им был Юрий Трифонов. Что хотел сказать этим? Думаю, в образе героя новеллы он увидел образ Человека. Высшей оценки, конечно, не может быть. Не случайно «Старик» переведен на многие и многие языки народов нашей страны и мира.

Однако, скажу о национальной основе туркменского характера, каким он представляется мне из произведений Агагельды Алланазарова: это - правдивость и честь, благородство и целомудрие, доброта и мужество.

Кто-нибудь, возможно, не удержится от иронии: уж не кодекс ли нравственности иллюстрирует автор? Увы, понять такого человека нетрудно: страшно вато верить, вот и разучились поменьку, что есть на свете

настоящие люди, есть же! Видеть и описывать их такими тоже рискованно - того и гляди, обвинят в идеализации, в романтизме и еще бог весть в чем.

Может быть, защитимся с помощью философа: «Теперь, когда повсюду в мире так много тяжелого, пришло самое время говорить о Надежде», - утверждал Фрэнсис Бэкон.

Смею думать, творчество А.Алланазарова - дестан о «прекрасном и яростном мире» - открывает перед читателем радостный горизонт мыслей и чувств.

Владимир КОРКИН, Москва
Критик, литературовед.

СОДЕРЖАНИЕ

Собака, которая летала однажды	5
Морские дни пустыни	217
Рассказы	281
Сладкая дыня вахарман	308
Люблю смотреть на звёзды (В. Коркин)	357

